

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КАРИМОВА ТАХМИНА ХУДЖАНАЗАРОВНА

**ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В
ПУБЛИЦИСТИКЕ МУХАММАДЖОНА ШАКУРИ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Муроди М.Б.

Душанбе – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3-13
ГЛАВА I. ФОРМИРОВАНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ МУХАММАДЖОНА ШАКУРИ БУХОРОИ.....	14-46
I.1. Роль факторов времени и социальной среды в формировании и совершенствовании личности М. Шакури.....	16-28
I.2. Взгляд М. Шакури в освещении социальных, культурных и литературных проблем.....	28-46
ГЛАВА II. КЛАССИФИКАЦИЯ И ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОПРОСОВ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ.....	47- 99
II.1. Язык и национальная идентичность.....	47-69
II.2. Государство и культура	69-87
II.3. Религия и нация.....	87-99
ГЛАВА III. ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В ОТРАЖЕНИИ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ.....	100-184
III.1. Роль интервьюера в раскрытии реальной сути вопроса.....	100-124
III.2. Соотношение мыслей и фактов, культуры и мировоззрения в статьях Мухаммаджона Шакури	124-162
III.3. Особенности рассмотрения вопросов национального самосознания в произведениях воспоминаниях М. Шакури.....	162-184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	185-188
Рекомендации для практического использования результатов исследования.....	189-190
Список литературы и источников	191-204

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Публицистический аспект художественных произведений, в том числе произведений таджикской поэзии и прозы, с начала своего формирования по сегодняшний день занимает важное и особое положение в литературе. Этот аспект представляет собой один из факторов духовного влияния таких произведений на общественное сознание. В области журналистики проведено много исследований в отношении темы публицистики, определена и конкретизирована сущность публицистического мотива в творческих исканиях писателей и поэтов. К сожалению, в таджикской научной среде до сих пор уделялось недостаточно внимания к публицистике и деятельности учёных-публицистов. Тогда как учёный не только изучает течение социальных, литературных, научных и культурных реалий жизни общества, но и «в качестве исследователя пишет «современную историю» [88, с. 93]. Этот факт невозможно отрицать, ведь в истории мировой публицистики, в том числе и таджикской, есть такие произведения, которые являются лучшими образцами научного исследования социальных, литературных и культурных явлений, они обладают «характерной научной структурой», свойственной произведениям мастеров публицистики.

Естественно, что во все времена социальные, литературные, научные и культурные события требуют глубокого научного исследования, анализа и оценки. По этой причине следует признать, что в становлении и развитии таджикской науки, в том числе деятельности известного учёного Мухаммаджона Шакури Бухорои, особая роль публицистического начала не является случайным явлением, а имеет реальные и серьезные причины. Одной из таких причин в более ранний период развития публицистики было уклонение от реализма, рационализма и наставлений, которые занимали умы видных ученых в условиях действительности жизнью общества. Другой основной причиной явилось требование жизни и времени, что создало условия для значительного развития научно-публицистической мысли и в

какой-то мере стало действенным фактором развития публицистического аспекта научных произведений.

По этой причине, наряду с публицистическими произведениями литераторов и журналистов, к научной публицистике смело можно отнести сочинения ученых по различным направлениям и тем самым, подвергнуть исследованию их сущность, особенности и жанровые виды.

Тема, являющаяся предметом нашего диссертационного исследования, также затрагивает один из важных вопросов публицистики, а именно вопрос национального самосознания в трудах известного таджикского учёного М. Шакури. По этой причине для нас важно изучение публицистического аспекта научных произведений М. Шакури, который «пробудил общественное мнение» [3, с. 5] и в своей публицистике отразил все области социокультурных реалий. В связи с этим, необходимо изучить и оценить публицистику учёного как самостоятельный источник творчества с точки зрения публицистического исследования и анализа, поскольку публицистика является специфическим видом деятельности, и имеет свою методiku, тему и конкретную тематическую и идеологическую цели. Кроме того, в зависимости от особой роли и значения публицистических произведений М. Шакури, необходимо в сравнительном плане изучить их связь с социальными, политическими и культурными реалиями времени его жизни и творчества. Другими словами, для М. Шакури и его современников как активных участников социальных, политических и культурных событий своего времени творческая и общественная деятельность были тесно взаимосвязаны, и иногда имели идеологические тенденции, что повлияло на их творчество.

Другая реальность состоит в том, что симбиоз журналистской и научной деятельности М. Шакури и его коллег по профессии нельзя анализировать и оценивать отдельно, потому что он начинал свою карьеру как журналист, а затем непосредственно стал заниматься научной деятельностью. В разные годы в периодической печати публиковались многочисленные научные

статьи и доклады М. Шакури, что позволяет проанализировать прямое влияние событий, социальных и культурных реалий, политики и прессы на его исследовательскую деятельность и определить объективные публицистические источники его произведений. В этом контексте, будет полезно комплексное изучение и оценка идеологических тенденций и их влияния на публицистические научные исследования учёного, и определение их реальной ценности.

Таким образом, исследование публицистического аспекта научных трудов Мухаммаджона Шакури и их связи с его личной и общественной судьбой с целью выявления закономерностей и тенденций формирования и совершенствования его творческой личности и художественного мастерства приобретает особое значение, определяя его роль и место в истории таджикской науки, литературы и культуры.

Совокупность вышеназванных вопросов определяет ценность, актуальность и закономерность выбора и изучения данной темы, которая заключается в признании и оценке публицистического аспекта трудов М. Шакури, при этом метод применения данного аспекта конкретизируют теоретическую и практическую концепцию диссертационного исследования.

Степень изученности темы. Современная таджикская публицистика и творчество представителей таджикской науки и культуры в разные годы изучались и оценивались такими исследователями как М. Имомзода [45; 46], А. Саъдуллоев [99; 102], М. Муродов [67; 68; 72; 73; 74], М. Абдуллоев [2], А. Азимов [5;7], Н. Салихов [148], А. Кутбиддинов [54; 55;56], С. Хайдарова [162], С. Гулов [34], Д. Махкамова [146], М. Шоев [164], Дж. Рахмонова [95], Х. Олимова [155], Н. Усманова [115], Н. Кучарова [53], М. Салимзаде [157], С. Шарифов [133], Ш. Зарипов [151] и другие. Однако в основном в работах этих исследователей изучалась публицистика литераторов-публицистов.

Но при этом серьезно и всесторонне не исследовались творческая деятельность и особенности публицистических работ ученых, по словам М. Шакури «историческая публицистика» и «публицистический мотив»,

который является «истинной публицистической наукой» [167, с. 23-24]. В частности, отдельно не изучалась публицистическая основа научных трудов этого известного учёного, и только лишь в некоторых статьях имелись общие ссылки на публицистическую ценность его научных трудов, анализ и оценку которых мы намерены провести в данной работе.

Следует отметить, что хотя о деятельности М. Шакури как литературоведа и литературного критика и было проведено много исследований, только М. Муроди обратил внимание на данное направление деятельности учёного в главе «Исследователи-публицисты» своей книги «Таджикская публицистика (от начала появления до наших дней)» [74, с. 495-509]. Он в кратком обзоре отмечает «публицистический интерес академика М. Шакури к социальным и культурным вопросам», и способам их реализаций.

Существуют и другие работы, в которых рассмотрены научные труды М. Шакури по «актуальным вопросам социологии и политологии». В том числе, А. Сатторзаде в статье «Ищущий учёный с вечно молодым умом» [1, с. 68-81], хотя и не употребляет публицистических терминов относительно трудов М.Шакури, всё же даёт интерпретацию его «прихода в обществоведение и политологию из литературоведения и литературной критики, которые сочетаются с культурологией как «высшая форма публицистической науки» [1, с. 77].

Другим исследователем, который, не упоминая термин публицистика, исследовал статьи М. Шакури, является литературовед Х. Шарифов. В своем сочинении «Мухаммаджон Шакури и таджикская литературная мысль» [1, с. 82 – 91] он определил «единственную цель этих авторских статей» как «борьбу против разрушительных государственных и национальных сил и национально-религиозного своеобразия» [1, с. 90]. Этот учёный в процессе исследования научной деятельности М. Шакури признает и восхваляет публицистический аспект его научных работ, что является важным шагом на

пути признания публицистического аспекта научных трудов М. Шакури в республике.

В этом плане можно указать на статьи А. Маниязова «Великий деятель науки и культуры», Х. Отахоновой «Мудрый сын нации», Ю. Акбарова «Мухаммаджон Шакури – исследователь современной таджикской поэзии», А. Набави «Критик сущности и исследователь, познающий современные процессы», М. Абдулло «Мухаммаджон Шакури и национальная мысль», У. Кухзод «Первый элемент гуманизма», С. Азамджона «Методология событий XX века», Х. Бокиева «Гуманизм надо изучать» и П. Гулмурода «Большая счастливая звезда таджикской науки и культуры», которые были опубликованы в сборнике «Выдающийся учёный науки и культуры». Эти авторы наряду с различными аспектами деятельности М. Шакури, не упоминая термина публицистика, указывали на реформаторскую сущность его работ, что само по себе является признанием публицистической направленности научной деятельности исследователя.

На основании публикаций, связанных с научной деятельностью М. Шакури, мы пришли к выводу, что тема публицистики М. Шакури, в том числе её содержание и структурные особенности, до сих пор не изучены. По этой причине состояние и степень изученности данного вопроса требуют всестороннего исследования и оценки публицистической деятельности и публицистического аспекта научных трудов М. Шакури.

Учитывая состояние изученности и исследования данной темы, мы попытались выявить публицистическое начало научных трудов М. Шакури и, в целом изучив их содержательные особенности, определить его значение как «самобытную публицистическую науку». Такое видение только подчеркивает публицистическое начало научных трудов М. Шакури и вообще подтверждает, что миссия учёного состоит в том, что он своим пером способен «творить великие дела» [131, с. 360].

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является изучение публицистической деятельности М. Шакури и определение социальной, культурной и художественной сущности его изысканий в этом направлении.

Учитывая, что данная тема исследуется и изучается впервые, была предпринята попытка решить следующие конкретные задачи:

- определение факторов и основ формирования и совершенствования творческой личности Мухаммаджона Шакури Бухорои;
- признание и оценка влияния временных, социальных и культурных факторов на формирование художественной личности М. Шакури;
- конкретизация художественной позиции М. Шакури в отражении социальных и культурных проблем;
- определение предмета и вопросов национального самосознания в творчестве М. Шакури;
- признание норм и масштабов национального самосознания в статьях учёного;
- исследование и оценка проблем, связанных с языком, государством, культурой, религией и нацией как элементами национального самосознания;
- отображение формальных элементов публицистических произведений М. Шакури в вопросах национального самосознания;
- раскрытие теоретико-методологических основ публицистической деятельности М. Шакури на тему национального самосознания;
- описание структурно-жанровых особенностей публицистических произведений М. Шакури;
- определение роли интервью в отражении социальных и культурных проблем;
- выявление соотношения идеи и факта со знанием и мировоззрением в статьях учёного;
- рассмотрение и анализ проблем национального самосознания в книгах М. Шакури.

Объект исследования. Основным объектом исследования диссертации является публицистическая деятельность М. Шакури.

Предмет исследования. Предметом диссертационного исследования является выявление и конкретизация публицистического аспекта, содержательно-структурных особенностей публицистических произведений М. Шакури.

Научная новизна исследований. Научная новизна диссертации проявляется в следующем:

– в диссертации впервые изучены публицистические произведения М. Шакури и их содержательно-структурные особенности;

– впервые изучено и конкретизировано влияние политических и социальных факторов на формирование публицистической деятельности М. Шакури;

– исследованы социокультурные проблемы, которые представляют собой новизну в изучении предмета;

– впервые классифицируются и пересматриваются тема и вопросы национального самосознания в публицистических произведениях М. Шакури;

– проанализированы и конкретизированы элементы национальной идентичности, включая язык, государство, культуру и религию на примере опыта М. Шакури, раскрыта сущность национального самосознания с его точки зрения;

– оценен метод использования жанров и их роль в отражении социальных и культурных реалий на примере опыта М. Шакури, и в этом контексте выявлены достижения учёного.

Теоретические основы исследования. Теоретические основы диссертации базируются на теоретических и практических достижениях ученых в данной области, таких как Е. П. Прохоров, В. Ученова, М. С. Черпахова, Е. А. Блатов, М. Шакури, А. Н. Нуралиев, А. С. Садуллоев, И. К. Усмонов, М. Имомзаде, П. Гулмуродзаде, М. Муроди, М. Абдуллозаде, Дж.

Садуллоев, А. Азимов, М. Мукимов, Н. Бозорзаде, Ш. Муллоев, А. Кутбиддинов, С. Гулов и других.

Методологические основы исследования. Диссертация написана на основе историко-сравнительного и аналитико-прикладного методов.

Источники исследования. Основными источниками диссертации являются научные труды, рецензии и статьи, беседы, сочинения о жизни и творчестве М. Шакури. Во время критического анализа публицистических произведений М. Шакури были использованы политические документы советской эпохи, материалы, связанные с политическими и социальными изменениями того периода и информация из газет. Кроме того, в ходе исследования привлекались источники, имеющие исторический характер, прежде всего историко-литературные документы.

Основные пункты, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие основные пункты:

1. Человеческая и творческая личность М. Шакури сформировалась и совершенствовалась под влиянием политических, социальных и культурных факторов его жизни и плодотворной деятельности. Учёный благодаря глубоким знаниям и последовательной научной позиции занял достойное и прочное место в истории таджикской науки и литературы. С этой точки зрения достоверное изучение и оценка политической и социальной ситуации периода жизни и творчества учёного требует глубокого понимания некоторых закономерностей развития культурных событий и объективного концептуального видения. При таком подходе определение процесса формирования личностных и профессиональных качеств М. Шакури затрагивает вопрос признания его роли и места в истории таджикской литературы и культуры, который является во многом поучительным.

2. Мухаммаджон Шакури известен в таджикской научной среде как критик и литературовед. Исследование и оценка литературных произведений давали ему возможность всегда быть в курсе литературной и социально-культурной мысли своего времени, и тем самым находиться в процессе

общественного мнения Таджикистана. Именно поэтому с 1950-х годов двадцатого века до последних дней своей жизни он был вовлечен в политическую, общественную и культурную жизнь страны и думал о развитии таджикского общества. По этой причине в своих научных работах он всегда думал о настоящем и будущем народа и страны, а в своих многочисленных работах размышлял над социальными и культурными проблемами, что является выражением публицистического начала его научных трудов.

3. Накануне распада СССР и с обретением Таджикистаном государственной независимости М. Шакури обратился к темам, непосредственно связанным с исторической и культурной судьбой нации. Это были социокультурные вопросы, которые охватывали национальную государственность, религию, национальное единство, язык, национальное самосознание и самопознание, определившие сущность его поисков в формировании содержания и идейных основ публицистики.

4. В период независимости М. Шакури осознал духовную потребность таджиков «в самобытной публицистической науке» и в своих произведениях «Независимость и социально-духовное самопознание» и «Здесь Хорасан» поднимал вопросы культурно-духовного возрождения и укрепления основ национальной культуры. В этих книгах, автор, опираясь на древние и многочисленные источники национальной культуры и духовности, ставит вопрос о духовном, культурно-интеллектуальном и нравственном возрождении нации, а также об ошибках на этом пути, выражая надежду, что «таджикский народ в наши дни придет к новому самосознанию». Он считает, что единственным путём достижения этой цели является постижение и обретение фундаментального духовного самосознания, которое опирается на исторические, культурологические, философские и религиозные познания, обеспечивающие важнейшие национальные особенности. Его вера и убеждения основаны на том, что глубокое духовное самосознание способно, спасти бытие нации и направить её на путь исторического развития.

5. В творческом опыте М. Шакури научная публицистика занимает особое место, а масштаб имеет воздействие на общественное мнение. Подобные его произведения, не затрудняя понимания публицистического подтекста, тем самым помогали найти суть социальных и культурных реалий. По этой причине, публицистическое начало оказывает существенное влияние на формирование его социологических и общественных взглядов и указывает на его стремление к реформистской общественной мысли.

6. В публицистическом творчестве М. Шакури вопросы национального самосознания освещаются посредством различных жанров. Публицистические жанры играют важную роль в таких произведениях, так как каждый из них имеет свои особенности и формообразующие элементы. Социальные и культурные проблемы выражаются по-разному в разных жанрах. Если в интервью автор обращает внимание на совокупность действительности, то статьи и монографии охватывают большое количество проблем социального и культурного характера. Но М. Шакури применяет каждый жанр по своему опыту и особым образом. С этой точки зрения жанры, в рамках которых автор создавал свои публицистические произведения, носят исследовательский, интерпретивный и фундаментально-информационный характер. Они не только отражают социальные и культурные реалии, но и выдвигают практические рекомендации и программу общественной деятельности, показывающие мастерство автора в использовании жанров.

7. Степень участия и использования публицистического генезиса, соотношение методов научного исследования – главный критерий признания и оценки деятельности и творчества М. Шакури. В большинстве его работ, особенно произведений периода независимости, публицистические и научные аспекты имеют равное значение, и такой стиль изложения определяет их жанровые характеристики. В таких работах специфика научно-публицистического генезиса сочетается с иллюстративным и исследовательским, что позволило автору конкретно объяснить сложившееся

положение и предпосылки появления социокультурной действительности, их сущность и последствия для общества. Таким образом, в публицистике М. Шакури ключевым звеном являются его идеи и мысли в сочетании с острой полемикой и столкновением позиций, которые совершенствовали жанровую структуру произведений автора.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Материалы и результаты исследования могут быть использованы при написании учебников, учебно-методических пособий, проведении практических занятий в области журналистики. Основные результаты, теоретические и практические положения диссертации могут быть использованы при изучении истории журналистики, профильных курсов и публицистических жанров. Кроме того, настоящая работа может оказать непосредственную помощь журналистам и исследователям в поиске и нахождении необходимых материалов.

Апробация и внедрения результатов исследования. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на общем собрании кафедры печати на факультете журналистики Таджикского национального университета протокол №10, от 28 апреля 2023 года.

Содержания и основные аспекты исследования изложены в докладах, прочитанных на республиканских конференциях и традиционных научных конференциях профессорско-преподавательского состава Таджикского национального университета (2013-2015; 2020; 2022-2023 гг.). По теме диссертации опубликовано 5 научных статей, в том числе 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, восьми разделов, заключения и списка использованной литературы. Её объем составляет 204 страницу компьютерного набора.

ГЛАВА I. ФОРМИРОВАНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ МУХАММАДЖОНА ШАКУРИ БУХОРОИ

I. 1. Роль факторов времени и социальной среды в формировании и совершенствовании личности М. Шакури

Мухаммаджон Шакури Бухорои является одним из тех ученых, чья человеческая судьба и научная деятельность связаны с важными периодами политической и общественной жизни, историей таджикской науки, литературы и культуры, её становлением и эволюцией. Его многогранная деятельность представляет собой пройденный путь человека, который, по эмоциональным словам поэта Лоика Шерали, «сжал свою печень зубами и вдыхал дым от светильника», «горел в себе» за прошлое, настоящее и будущее нации, «отрезал день от ночи, продлевая бессонные ночи своими национальными и культурологическими идеями, сохранил свою человеческую и творческую личность [1, с.28].

Он сегодня известен как Мухаммаджон Шакури Бухорои. В паспорте официально его имя записано Мухаммад Шарифович Шукуров, а в своих трудах до мая 1992 года он представлялся как «Мухаммаджон Шукуров» [1, с.10]. По его собственному признанию, он «родился 30 октября 1926 года». «Но на самом деле не в 1926 году, а в феврале 1925 года» родился в городе Бухаре. Точную дату своего рождения М. Шакури определил по следующей хронограмме, которую составил его отец Садр Зиё:

Пусть этот росток будет зеленым и плодоносным.

Останется всегда свежим в саду жизни!

Во время его рождения, звезда была удачной.

Пусть это число станет благоприятным сочетанием звёзд.

(подстрочный перевод)

М. Шакури считал, что «благоприятное сочетание звёзд» - это 1343 год хиджры по лунному календарю, равный 1925 году нашей эры. Согласно

записям его отца, дата рождения соответствует февралю, но сам учёный подчеркивает, что дата его рождения неизвестна.

Его отец Шарифджон Махдум Садр Зиё, по словам М. Шакури был «таджикским писателем», и до бухарской революции служил кадием в некоторых районах и областях Бухарского эмирата. После революции он работал в нескольких учреждениях Бухарской Советской Народной Республики, затем попал в тюрьму и там умер. Его мать, Мусаббиха Шукурова, также находилась в заключении вместе с мужем и умерла в 1933 году.

После смерти матери Мухаммаджон некоторое время жил в доме своего дяди – поэта Хабибулло Махдума Авхади, а после его ареста остался один и переехал в дом своей тети Икболхон. Когда вслед за сыном племянница его тети Асолатхон приезжает в Душанбе, он остается совсем один в Бухаре. Наконец, в 1939 году Асолатхон и жена Дж. Икромии Саодатхон привозят его в город Душанбе, где он прожил всю свою жизнь.

В Душанбе после обучения в образцовой школе М. Шакури в 1941 году поступил в Душанбинское педагогическое училище, но, не окончив это учебное заведение, был принят на факультет таджикского языка и литературы «Душанбинского педагогического института» (ныне Таджикский педагогический университет им. С. Айни).

Мухаммаджон Шакури вспоминает: «В студенческие годы, с 1943 по 1945 гг., я работал в редакции газеты «Тоҷикистони сурх», которая сегодня называется «Чумхурият»: дежурил по ночам. Вместе с главным редактором газеты Самадом Гани мы по ночам делали её верстку. В конце 1944 года я некоторое время был лаборантом в Институте истории, языка и литературы (филиал Академии наук СССР в Таджикистане). Я неплохо учился в институте, несмотря на эти дневные и ночные занятия, и получал сталинскую стипендию, которая составляла 500 рублей, то есть я имел доход в два-три раза больше, чем другие студенты. Чтобы понять ценность стипендии в 500 рублей во время войны, надо сказать, что цена буханки хлеба на рынке

поднялась до 40 рублей. Студентам выдавалось по 400 граммов хлеба по чеку хлебной карточки. Редакция газеты также соединила меня со столовой, где я получал еду по чеку. Таким образом, я проводил те дни более или менее терпимо, но все же никак не мог помочь своей тете Икболхон и племяннице Асолатхон. Чтобы они освободились от моего бремени, я переселился в общежитие пединститута и как бы самостоятельно жил в студенческие годы» [1, с.13].

Как следует из этих воспоминаний и предыдущих заметок относительно биографии М. Шакури, в изменении и преобразовании его судьбы, человеческой и профессиональной личности огромное влияние оказали политическая и социальная действительность того времени. Несмотря на все трудности, это время создало ему условия для учебы в институте, и он обучался у таких педагогов, как Лутфулло Бузургзаде, Абдулгани Мирзоев, Аббос Алиев, Шарифджон Хусейнзаде, Носирджон Масуми, Икром Ходжаев, Мухаммад Исматуллоев и под воздействием объективно-субъективных, социальных и политико-идеологических факторов, формировалась его творческая личность и гражданственность. Помимо указанных факторов, М. Шакури также признает роль разных личностей в своей судьбе и упоминает Шарифджона Хусейнзаде, преподавателя своего университета. Среди прочего, в своих устных воспоминаниях, вышедших под названием «Рассказы из жизни», он поведал следующее: «Я уволился из газеты (т.е. «Тоҷикистони сурх») после звонка Шарифджона Хусейнзаде, преподавателя истории языка и литературы, и был приглашен в качестве лаборанта в филиал Академии наук СССР. Я согласился и приступил к работе. Этот институт был одним из важнейших институтов филиала АН СССР в Душанбе, а затем в 1951 году этот институт разделили на две части, создав Институт истории и Институт языка и литературы. Я перешёл в Институт языка и литературы, чтобы собрать материал для фольклорного фонда института» [125, с. 51]. Это событие произошло тогда, когда Ш.

Хусейнзаде преподавал ему, а также занимал должность директора Института языка и литературы.

В августе 1945 года, когда в Кулябе был создан двухгодичный педагогический институт, Министерство образования направило его в это образовательное учреждение. Однако в связи с болезнью и рекомендацией врачей, при непосредственной помощи Абдулгани Мирзоева и по распоряжению Бабаджана Гафурова, который был секретарем ЦК, он смог вернуться в Душанбе и поступить на работу в Душанбинский педагогический институт. В то же время, в 1948-1951 годах он учился в аспирантуре этого института и по рекомендации Холика Мирзозаде изучал жизнь и творчество Сиддики Аджзи. Однако под влиянием идеологических тенденций и представления о том, что «Аджзи был джадидом и буржуазным националистом», под предлогом «личных пристрастий» в «усмирении Мирзозаде» [125, с. 61-62], М. Шакури не смог защитить свою диссертацию. Позднее, под руководством М. С. Брагинского он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Идейно-художественные особенности «Воспоминаний» С. Айни».

Как видим, его творческая деятельность продолжалась под влиянием социальных и культурных реалий, и он пробовал свои силы в различных областях науки и литературы, культуры и журналистики. Его первой статьёй стала рецензия на повесть Сухайли Джавхаризаде «Сила дружбы», которая была опубликована 10 октября 1945 года в газете «Тоҷикистони сурх». После этого в газетах «Тоҷикистони сурх» (21 сентября 1945 г.) и «Ҷавонони Тоҷикистон» (23 октября 1946 г.) были опубликованы его очередная рецензия на книгу Хамида Обиди «Молодость и героизм» и его статья о поэме «Сын Родины» М. Турсунзаде, в которых отражены его первые шаги как литературоведа и критика.

В первый период его деятельности внимание литератора привлекали различные вопросы научно-литературной и культурной жизни республики, и он публиковал рецензии и статьи в периодической печати и различных

сборниках. Например, во время работы в Кулябском пединституте М. Шакури написал статью об этом образовательном учреждении под названием «В институте имени С. Айни», которая была опубликована в газете «Тоҷикистони сурх» (2 июня 1946 г.). Работая в школе для девушек города Душанбе, он написал подробное сообщение под названием «Встреча школьниц с устодом Айни», которое было опубликовано в «Газетай муаллимон» («Учительская газета»). Хуршеда Отахонова, которая в то время была ученицей этой школы и участвовала во встрече учениц с С. Айни, спустя годы писала: «Я тоже участвовала в той встрече как ученица этой школы и, как сказано в статье, я прочитала стихотворение, которое написала к визиту мастеров слова. Но цель нашего упоминания об этой статье состоит совсем в другом. Дело в том, что М. Шакури с первых лет своей научной и творческой деятельности уже вникал в суть слов Садриддина Айни, и в этой же статье он упомянул те моменты, которые показывают пути приобретения знаний и повышения духовности учеников». Х. Отахонова не считает статью о встрече С. Айни с ученицами простым сообщением, она подчеркивает, что это «краткая учебная программа, которую каждый учитель должен учитывать при обучении» [1, с. 60].

В этот период публикуется ряд статей М. Шакури по преподаванию языка и литературы, относительно различных аспектов школьной жизни и о некоторых вопросах педагогической науки. Его статьи издаются на страницах газет «Тоҷикистони сурх», «Газетай муаллимон» и журнала «Мактаби советӣ», он выступает со статьями «Таджикская литература XI - XII веков» (Газетай муаллимон. – 1947. – 1 января), «Важный момент литературного чтения» (Газетай муаллимон. – 1947. – 1 мая), «Внеклассная работа по литературе» (Мактаби советӣ. – 1947. – №4. – С. 4-7), «Один из важных аспектов урока таджикского языка» (Газетай муаллимон. 1947, 1 мая), «Вчерашний воин» (Газетай муаллимон. 1947, 9 мая), «Планирование урока таджикского языка в семилетних школах» (III класс) (Мактаби советӣ. – 1947. – №8. – С. 8-11) и десятки других.

Условия, созданные Коммунистической партией и Советским государством накануне победы над немецким фашизмом, стали важным фактором повышения интереса населения к школе, образованию, науке и культуре. Под влиянием этого процесса деятельность творческих людей, в том числе М. Шакури получила новый подъем и охватила различные области. Поэтому в конце сороковых годов учёный посвятил себя изучению проблем устного творчества, оценке произведений поэтов и писателей, учебников и других аспектов литературы, науки и культуры. Количество статей и рецензий, опубликованных учёным в печати по этому поводу, очень велико, и мы не имеем возможности упомянуть всех их здесь. Только с учетом того, что большинство таких сочинений М. Шакури не было собрано и издано, приведем несколько из них в качестве примера: «Образ Сталина в таджикском фольклоре» (Красный Восток. – 1949. – №11-12. – С. 28-43), «Некоторые заметки о новом проекте орфографии таджикского языка» (Красный Восток. – 1953. – №1. – С. 124-130), «О форме стихотворений двух молодых людей» (Красный Восток. – 1953. – № 2. – С. 99-111), «Письмо в газету «Красный Таджикистан» (Красный Таджикистан. – 1953. – 12 апреля), «Серьезные ошибки в книге «Литература» (Красный Восток. – 1954. – №4. – С. 131-139), «О мастерстве молодых поэтов» (Советский Таджикистан. 1955, 28 июля), «Улучшим преподавание таджикской литературы в средних и высших учебных заведениях» (Советский Таджикистан. – 1957. – 16 марта).

В упомянутых статьях и рецензиях обсуждаются различные литературные и культурные вопросы, язык и литература, методы обучения, а профессионалам и обществу показываются пути решения проблем сферы, что является доказательством мастерства М. Шакури во всестороннем охвате проблем науки и культуры.

На протяжении всей своей деятельности М. Шакури уделял особое внимание многим отраслям национальной культуры, драматургии, театру, музыке и песне, архитектуре и живописи, писал рецензии и статьи о важных

и новых произведениях, течениях, процессах и явлениях, и способствовал их развитию через полезные и реформаторские идеи и советы.

Однако в отечественной и зарубежной науке он более известен как литературовед, благодаря тому, что его фундаментальные произведения были созданы именно в этой отрасли филологической науки. По этой причине, с учетом круга научных поисков и времени их создания его творческую деятельность можно разделить на четыре периода:

- первый период относится к сороковым-пятидесятым годам;
- второй период шестидесятые-семидесятые годы;
- третий период, восьмидесятые годы или время перестройки;
- четвертый период - после приобретения Таджикистаном государственной независимости.

Все четыре периода творческой деятельности М. Шакури имеют специфические особенности становления и совершенствования, где большую роль в этом процессе сыграли факторы времени и социальной среды.

Российский учёный И. М. Дзялошинский упоминает факторы, воздействующие на деятельность литераторов, и в этом контексте рассматривает фактор «конкретных социально-экономических, политических, идеологических и иных условий» как действенное средство воздействия на деятельность творцов. Эта идея и его выводы вытекали из опыта и политико-социальных реалий советской эпохи [36, с. 39].

Следует подчеркнуть, что процесс творческой деятельности М. Шакури также не выходит за пределы этой реальности. Действительность, с которой столкнулся учёный на своем жизненном пути, сформировала его человеческую личность и профессионализм. Это даёт нам основание полагать, что политические, социальные, идеологические и культурные факторы времени оказали влияние на становление и развитие его личности и творческой индивидуальности, в целом, способствуя развитию общего процесса его научной деятельности. Конечно, в некоторых случаях эти факторы нанесли также и определенный ущерб его творческому

становлению. Вместе с тем, положительный аспект этого влияния оказался более значительным во второй и третий период его творческой деятельности, что определяет сущность научных поисков и оригинальность взглядов М. Шакури.

В 40-е годы прошлого века, особенно после окончания Великой Отечественной войны, было достаточно сильным влияние факторов времени и идейно-социальных стремлений Коммунистической партии на деятельность представителей науки и культуры. М. Шакури в такой среде, несмотря на идеологические и социальные проблемы, расширял свои научные изыскания, постепенно совершенствовал своё мастерство, открывая перед читателем лицо литературоведа и критика, верного идеалам коммунистического общества.

В этом контексте, когда мы знакомимся с его научными и научно-популярными работами, созданными в первый период его творчества (сороковые и пятидесятые годы XX века), его лицо, прежде всего, предстаёт в образе общественного пропагандиста, цель которого заключается в «привлечении полного внимания общественности к законным действиям и развитию общества» [88, с. 71]. В большинстве его работ этого периода можно наблюдать формирование объективных и нравственных целей, системы убеждений советского общества, идеалов и ценностей, норм и предписаний, влияющих на повседневные мысли и действия людей. Если быть точнее, М. Шакури, учитывая идеологические стремления времени, хотел своими произведениями оказать влияние на формирование глобалистского и общественного мнения масс, выполняя тем самым идеологические заказы того времени.

Кроме того, можно упомянуть некоторые его работы, опубликованные в газетах «Тоҷикистони сурх», «Газетаи муаллимон», «Ҷавонони Тоҷикистон», журналах «Шарқи сурх» и «Мактаби советӣ» в 1940–1950-х годах, целью которых было формирование мировоззрения читателей и их идеологическое воспитание. В частности, рецензия «Сила дружбы», написанная на книгу

Сухайли Джавхаризаде, имеет ту же объективную и нравственную цель, которая считалась важной и конструктивной в советском обществе после Великой Отечественной войны (Красный Таджикистан. – 1945. – 10 октября). Другая его рецензия, аналогичная повести Хамиди Обиди «Юность и героизм», пропагандирует идею самопожертвования советской молодежи во всех отраслях жизни, что соответствовало идеологическим устремлениям того времени («Красный Таджикистан. – 1945. – 21 ноября»). В статье «В институте имени Айни» преимущественно имеющий агитационный характер создание этого вуза в городе Кулябе интерпретируется как пример особого внимания государства и его заботливой культурной политики, подчеркивается ответственность граждан в осознании сути такой заботы правительства (Красный Таджикистан. – 1946. – 26 июня). Такой же характер имеет его рецензия на поэму Мирзо Турсунзаде «Сын Родины» (Молодежь Таджикистана. – 1946. – 23 октября).

После войны одной из основных целей советской пропагандистской политики было развитие школы, образования, науки и литературы, а потому вся научная общественность, в том числе М. Шакури, приложила большие усилия в этом направлении. М. Шакури в этот период своей практической деятельности следовал важнейшим стремлениям партии и Советского государства, написал много статей по существенным научным и культурным вопросам, и тем самым оказывал поддержку созидательной политике государства. В его трудах конкретно указаны пути решения проблем и дальнейшего развития сферы образования. В одной из таких его статей под названием «Планирование урока таджикского языка в школах-семилетках» подчеркивается необходимость планомерного введения преподавания таджикского языка в школах (Советская школа. – 1947. – №8. – С. 8-11). Другая его статья, под заглавием «Преподавание таджикской литературы в средней и высшей школе» ставит вопрос о необходимости аналитического изучения текста классических произведений в школах. Указанная статья привлекла внимание ответственных лиц отрасли к проблеме того, что для

языкового и мировоззренческого развития учащихся важным является и прошлый период, и сегодняшний день. (Советский Таджикистан. – 1957. – 16 марта). Другое, что немаловажно в данной статье, это духовное доверие к произведениям таджикской классической литературы и проблема наследования. Следует отметить, что не у всех хватило смелости задуматься об этом в те годы.

В статьях «Некоторые заметки о новом проекте орфографии таджикского языка» (Красный Восток. – 1953. – №1. – С.124-130, «Серьезные ошибки в книге литературы» (Красный Восток. – 1953. – №4. – С. 131-139), «Хрестоматия литературы для VIII класса» (Учительская газета. – 1949. – 23 октября) и других Мухаммаджомом Шакури был выдвинут ряд проблем просветительского характера. В частности, проблемы орфографии таджикского языка, профессионального уровня учебников и целенаправленного отбора образцов художественных произведений на примере хрестоматии литературы для VIII класса, что является выражением его человеческой и профессиональной ответственности перед школой и уровнем образования нации, её языка и литературы.

Как уже упоминалось, период обучения в аспирантуре и выбора темы кандидатской диссертации М. Шакури соответствует 1948-1951 годам и первому этапу его научной деятельности. В этот период под руководством Холика Мирзоаде он изучал произведения Сиддики Адджи. После завершения диссертации он столкнулся с противодействием сил, которые проявляли идеологическую ненависть по отношению к джадидам, считая их буржуазными националистами. Поэтому он не смог защитить свою диссертацию. Спустя годы М. Шакури, вспоминая ту полемику, пишет, что «конфликт, возникший вокруг произведений Адджи, был на самом деле явлением конкуренции и соперничества между тремя литературоведами (имеются в виду Абдулгани Мирзоев, Холик Мирзоаде и Шарифджон Хусейнзаде – наше примечание), но жертвой этого противостояния стал я» [168, с. 44]. Несомненно, мнение М. Шакури имеет под собой основание, но

вместе с тем правда такова, что официальная политика тех лет объявила джадидов националистическим и про-буржуазным движением. Даже С. Айни очень осторожно отзывался об Аджзи и его произведениях в «Образце таджикской литературы». Он в ответ на письмо М. Шакури (М. Шукурова) отмечал, что «Аджзи я впервые увидел в Самарканде в 1909 году, он щедро оказывал моральную поддержку новым школам и помогал учителям того времени, которые были менее образованными» [170, с. 15]. С. Айни с осторожностью писал, что «у меня нет планов что-либо опубликовать в прессе об Аджзи или рассказывать о нём в своих мемуарах. Если будет нужно, где-то в «Воспоминаниях» (вероятно, в пятой части) я кратко остановлюсь о его отношениях со мной...» [170, с. 16].

Существует много документов, подтверждающих, что джадиды являлись буржуазным движением. Годы, когда М. Шакури исследовал деятельность представителя джадидизма Аджзи, это движение ещё не было оправдано, и естественно, что Иосиф Брагинский потребовал от него не совершенствовать и улучшать диссертацию об Аджзи, а «быстро взять новую тему» и «поехать на год в Москву» [125, с. 64].

Таким образом, М. Шакури после своей «неудачи и безвыходности» быстро пришел в себя, и в 1953 году взял другую тему под названием «Идейные и художественные особенности «Воспоминаний» Айни» (части 1 и 2) и под руководством И. С. Брагинского в 1955 году в Институте востоковедения Академии наук СССР защитил кандидатскую диссертацию. Автор опубликовал свою диссертацию с исправлениями и дополнениями в 1966 году в виде монографии, а позже, в 1971 году, защитил докторскую диссертацию на тему «Вопросы жанра и стиля в современной таджикской прозе».

Во второй и третий периоды своей творческой деятельности М. Шакури изучал поэзию и прозу, драматургию, историю и теорию литературы прошлого и нового времени, фольклор, язык, лексику, терминологию, занимался литературной критикой и др. И в этот период основной частью его

исследований является изучение современной таджикской прозы и актуальных проблем таджикско-персидского языка. В этом контексте его книги «Традиция, народность и мастерство» (1964), «Эстетическое видение народа и реалистическая проза» (1973), «Аспекты художественного исследования» (1976) и «Садриддин Айни» (1978, на персидском языке) заняли особое место не только в научной деятельности автора, но и в истории таджикской литературы и литературоведения. По мнению известного литературоведа А. Сатторзаде, «они свидетельствуют о бурной эволюции и преобразовании таджикской литературы и литературной критики, усилении аналитического аспекта и доведении их до уровня зрелости в 70-х и первой половине 80-х годов XX века» [1, с.69].

Трансформационные процессы в произведениях М. Шакури того времени начались, по его собственным словам, «после XX съезда КПСС (1956 г.)». Этот съезд дал возможность «по-новому осмыслить путь истории нашей литературы и творчества её ведущих представителей» [20, с.12].

Под влиянием относительного смягчения политики государства в области литературы, науки и культуры литературоведение постепенно избавлялось от «жесткой социализации», «от некоторых своих прежних недостатков» и принимало новые подходы к исследованию и оценке художественных произведений. М. Шакури сделал первые и самые важные шаги в этом направлении, результатом чего является монография «Проза 1945-1974 годов». Эта монография называется «История таджикской советской литературы. Развитие жанров» и представляет собой обобщение его исследований в области изучения современной таджикской прозы. В этом плане важным аспектом его исследований является глубокое изучение жанра и стиля современной прозы, которое начинается с изучения очерка (эссе) и далее охватывает исследование таких жанров, как рассказ, новелла, повесть, роман и исторические произведения в контексте литературы прошлого и настоящего, советской и мировой литературы. В этих произведениях автор является самым чутким наблюдателем, который замечает малейшие

изменения в содержании идей, тем и проблем, жанров и стилей литературы и художественного видения писателей и определяет их сущность.

Ценность его исследования была определена вниманием влиятельных литературных и научных кругов, в том числе за рубежами Таджикистана. Монография была опубликована на русском языке под названием, и принесла известность её автору. Публикации М. Шакури в прессе 1970–1980-х годов, в том числе во влиятельных советских изданиях «Дружба народов», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение», «Литературная газета» и в отдельных сборниках статей, а также его активное участие в круглых столах, встречах и мероприятиях советского и международного уровней свидетельствуют о его научной активности в эти десятилетия. На основе исследований, проводившихся до 1980-х годов, М. Шакури разработал концепцию выхода за рамки «жесткой социализации», сформировал исследования и оценки истории таджикской литературы, особенно художественной прозы, что в то время явилось серьезным шагом в познании литературных произведений.

Во все периоды творческой деятельности для него как для исследователя важным критерием были поиск и новаторство в познании литературных реалий. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что М. Шакури в 80-90-е годы XX века и в период независимости понимал необходимость свежего взгляда, нового научного, литературоведческого, культурного и социального видения в познании современной таджикской литературы, поиска новой концепции литературной истории, социальных и культурных проблем прошлого и настоящего таджикского народа. На этом пути он предпринял серьезные реформаторские шаги, которые, начавшись со статьи «В поисках нового понимания» (1990 г.), продолжались и совершенствовались выходом в свет других статей и книг, в частности: «Национальный язык нуждается в особой заботе» (1988), «Национальный язык имеет свою ценность» (1989), «Две двигательные силы таджикской культуры» (1989), «Урок литературы учит гуманизму» (1990), «То, что было вырублено нечестным топором»

(1990), «Работа, выполненная топором» (1990), «Наш язык – наше бытие» (1991), «Школа гуманизма» (1991), «Наше спасение – национальное государство» (1992), «Историко-культурная колыбель таджиков» (1993), «Кому принадлежит этот язык?» (1994, в соавт.), «Здесь Хорасан» (1997, 2009), «Три ветви плодоносного дерева» (1997), «Независимость и социально-духовное самопознание» (1997), «Гуманизм образования и национальный язык» (2002), «Судьба персидско-таджикского Вароруда в XX веке» (2003), «Пантюркизм и историческая судьба таджиков» (2012) и другие.

Если в статье «В поисках нового понимания» М. Шакури под новым углом зрения обсуждал вопросы исследования современной литературы, тем самым «избавляясь от прежних недостатков», то в своих более поздних статьях и книгах он обсуждал проблемы языка, элементы бытия нации. В частности, он рассуждал над вопросами духовности, национального самосознания, национальной идентичности, национальной государственности, религии и национального единства, борьбы против идей пантюркизма и т.п., и предлагал пути их решения.

М. Шакури первым указал пути и основы «нового самосознания», «духовного национального самопознания, основанного на исторических, культурологических, философских и религиозных знаниях, на основе признания важнейших национальных особенностей» [1, с. 91]. Он показал их общественным массам и лидерам, и в этом контексте выдвинул собственную теоретико-практическую концепцию, в основе которой лежит «расширенное и глубокое духовное самосознание». Эта концепция «способна вырвать нацию из пучины самоуничтожения» и «вывести её на путь исторического бытия». Его вывод по этому поводу таков: «Достижение глубокого самосознания есть заповедь истории, которую таджики должны выполнить» [168, с.19].

Таким образом, в работах последних десятилетий жизни взгляды М. Шакури ещё более расширяются, выходят за рамки литературной тематики и

больше ориентируются на исследовании вопросов, связанных с историческим бытием таджикской нации, становлением и эволюцией таджикского языка. Он все более настойчиво интересуется проблемами культуры и творчества, устойчивыми факторами культуры нации, духовностью и её статусом в определении культурного лица нации. Знания и опыт, накопленные годами, позволили М. Шакури изучать философию истории, языка, национальной культуры и исторического бытия нации в новых исторических условиях, на основе новейших теоретических разработок и конкретных фактов. Создается впечатление, что эту работу он считал сыновним долгом ради возрождения прошлого и настоящего, во имя светлого будущего и процветания таджикского народа. Результатом многолетнего труда М. Шакури являются его бесценные труды, научно-просветительская школа, любовь учеников, известность в научном и культурном сообществе Таджикистана и соседних стран, которые всегда будут оберегать его имя и наследие.

I. 2. Взгляд Мухаммаджона Шакури в освещении социальных, культурных и литературных проблем

Творческая деятельность М. Шакури является высшим примером сочетания и взаимодействия публицистики и науки, беспрецедентным и богатым опытом познания социальных, литературных и культурных реалий. Как публицист этот самобытный и умудренный опытом исследователь, прежде всего, занимался изучением, анализом и оценкой событий и процессов социальной, литературной и культурной действительности и «в этом контексте, как учёный, создал «новейшую историю». Е. П. Прохоров добавляя свой взгляд к этому мнению, пишет, что возражать «против этого мнения» недопустимо, ибо «история публицистики знает большое количество таких работ, являющихся прекрасными образцами научного анализа и оценки социальных актов» [88, с. 193].

К вышеприведенному мнению Е. П. Прохорова можно добавить, что научная публицистика, помимо изучения социальных проблем, также играет влиятельную роль в познании проблем литературы и культуры, а научно-литературная деятельность М. Шакури является прекрасным примером сочетания и взаимовлияния науки и публицистики в этом направлении.

М. Шакури, как и десятки поэтов, писателей, ученых и деятелей культуры, является воспитанником советской эпохи и её идеологической школы. По его словам, «общественно-политические условия того времени» заставляли его «выражать своё отношение к событиям, к героям, их мыслям и чувствам открыто и с политическим пристрастием» [140, с. 75]. Вот почему острота и публицистический дух в его научных трудах со временем постепенно усиливались. Публицистический дух - одна из форм проявления общественного интереса, правоты и справедливости автора. Непосредственное и активное внимание автора к социальным, литературным и культурным процессам формировались с точностью и ответственностью.

Как уже упоминалось в первом разделе, М. Шакури будучи студентом с 1943 по 1945 годы работал в редакции газеты «Тоҷикистони сурх», которая сейчас называется «Ҷумҳурият» [1, с. 13] и приобретал журналистский опыт. Он «ночами, вычитывая страницы с главным редактором Самадом Гани», знакомился с тайнами и спецификой этой профессии, имевшей в те годы глубокий и всесторонний характер пропаганды. Именно, начиная с тех дней, публицистический дух проник в его мысли и в дальнейшем сыграл особую роль в формировании его интересов к освещению, исследованию и анализу общественных, литературных, научных и культурных проблем. Точнее в сочинениях М. Шакури публицистический дух с первых творческих шагов и до последних дней его жизни сопровождался охватом, всесторонним анализом и научным исследованием внутреннего смысла и эстетических аспектов социальной, литературной и культурной действительности. Иными словами, журналистская деятельность создала для М. Шакури пространство и условия, способные показать своё «социальное Я», в проявлении которого

активную роль сыграли два аспекта: «уровень его образования и его гражданская позиция» [75, с. 8].

Таким образом, от начала до конца творческой деятельности М. Шакури социальный аспект в большей или меньшей степени просматривается во всех его произведениях. Цели и идейные задачи этих произведений, вместивших в себя публицистический дух, являются весьма разнообразными. Самое важное то, что от одной публикации к другой эти цели, задачи и стремления приобретали всё большую точность и конкретизацию, подвергались многогранному публицистическому исследованию. По этой причине, в данном разделе мы не будем рассматривать разные формы публицистического стиля М. Шакури, а также задачи и художественные стандарты формирования и поэтапного развития публицистического духа его произведений. Мы только проанализируем и оценим освещение социальных, культурных и литературных проблем на примере некоторых его работ.

Начиная с 20-30-х годов прошлого века, дух свободы времени, социальных, культурных и литературных реформ будоражил мысли и мечты интеллигенции, в том числе ученых. В истории таджикской литературы и науки с этим периодом также тесно связано усиление публицистического направления. Например, исследователь Лариса Демидчик писала: «Несмотря на свою молодость, таджикская реалистическая проза заметила очень сложное сочетание и противоречивость процесса восстановления общественно-трудовых отношений, нового порядка в жизни, укрепления гражданского и семейного равноправия женщин, начало их отображения, что можно считать одной из больших её заслуг» [38, с.18].

Хотя в произведениях писателей и ученых вначале, особенно в 30-е, 40-е и 50-е годы, «романтическое течение» (М. Шакури) было полностью связано с публицистическим духом, всё же этот процесс постепенно с течением времени, начиная с 60-х годов прошлого века и в дальнейшем, особенно в научных исследованиях стал сопутствовать реалистическим и интеллектуальным публицистическим поискам. Одним из многогранных

составляющих данного процесса является исследование, анализ и оценка М. Шакури различных социальных, культурных и литературоведческих проблем.

Для определения закономерностей того или иного вида творчества исследователи обращаются либо к форме, либо к содержанию. Конечно, для всестороннего описания того или иного вида творчества необходимо проанализировать форму, тему, содержание и подход к творчеству. Тем не менее, даже при достоверной оценке той или иной стороны всегда возникают вопросы, требующие ответов. Одним из таких важных вопросов является следующий: для чего создавался тот или иной вид творчества, какую роль различные виды произведений играют в жизни общества и каково их общественное предназначение. ещё Н. Г. Чернышевский писал: «Человеческое действие всегда имеет цель, определяющую сущность действия; ценность действия определяется отношением нашего действия к цели, которую мы хотим достичь; любые человеческие дела оцениваются по степени совершенства. Это единственный закон для ремесленной, художественной и научной деятельности и т. д. Он применяется и к произведениям искусства» [См.130, с. 82]. Это мнение Н. Г. Чернышевского имеет непосредственное отношение и к научным произведениям, особенно тем из них, которые имеют выраженный публицистический характер и дух, и познавательная задача которых состоит в том, чтобы по-современному удовлетворять интересы общества.

М. Шакури стал изучать и рассматривать социальные, культурные и литературные проблемы с осознанием пагубности процесса «социально-политического самообмана», начавшегося «с революции 1917 года» и продолжавшегося до 1960-х годов в советском обществе. В этом контексте роль публицистического аспекта как важной части исследования социальных проблем, в том числе национального самосознания, в его научных работах постепенно становилась все более ясной и конкретной, а публицистический

дух в этой связи становился влиятельным инструментом в отражении и раскрытии проблем национального самосознания.

Подход М. Шакури как автора таких произведений начинается с постановки задачи и определения результата. Для определения цели важно понимать реальные потребности и возможности и представлять себе объективные результаты этого действия. Именно такие особенности присутствовали в научных статьях М. Шакури, где обсуждались социальные, культурные и литературные вопросы.

Согласно тонкому наблюдению литературоведа Масрура Абдуллозаде: «Если в первой половине XX века Айни ввел в науку таджикской литературы и публицистики изучение национального самосознания таджиков, пропагандировал и поощрял его, и таким образом заложил основу нового национального мнения таджикского народа, то с твердой уверенностью можно сказать, что в последней четверти прошлого и начале нашего века Шакури продолжил и развил исследования и популяризацию темы национального самосознания таджиков в своих литературно-публицистических исследованиях» [1, с. 258]. М. Абдуллозаде по этой причине считал М. Шакури основоположником «новой таджикской национальной мысли и особого таджикского национального учения», в котором национальное самосознание является частью национальной мысли и национальной мечты этого учёного в его научно-исследовательских работах.

При рассмотрении научного наследия М. Шакури в период шестидесятых годов прошлого века становится ясно, что публицистическая составляющая в отражении и продвижении вопросов национального самопознания является неотъемлемой частью его научных работ, средством для углубления научного исследования и «глубокой научной оценки действительности» [92, с. 216] прошлой и настоящей жизни таджиков.

Отличие произведений М. Шакури от научных статей, написанных в этом контексте, заключается в том, что публицистическая сторона его сочинений не отделена от научной основы произведения, но вместе с тем

обладает эстетической самостоятельностью. В большинстве случаев, в таких научных изысканиях публицистический аспект и дух не нарушал научной основы работы, а придавал ей силу и способность воздействовать на общественное мнение. Поскольку автор, рассматривая тот или иной вопрос, анализировал и оценивал его, обращал внимание не только на научные закономерности, но и на своё личное мнение, индивидуальное отношение и гражданскую позицию. Для этого он использовал большое количество социальных фактов. И такой подход является верным, поскольку, как отмечает исследователь Е. П. Прохоров, «Публицистика невозможна без базы устойчивых фактов» [89, с. 275].

Как следует из статьи М. Шакури (М. Шукурова) «Художественное исследование и публицистический аспект» (1976), публицистика является для него действенным средством пробуждения общественного мнения, и эта особенность ярко проявляется в познании проблем национального самосознания, начиная с первых его научных работ. В том числе, в сборнике его статей, вышедшем в 1964 году под названием «Традиция, народность и мастерство», публицистический дух в контексте национального самосознания таджиков стал средством совершенствования содержательной и жанровой структуры некоторых его статей.

При таком подходе он в шестидесятые годы прошлого века одним из первых выдвинул на обсуждение вопрос о национальном самосознании, которое является элементом культуры нации и базируется на методе веры или убеждения. Этот метод направлен на формирование правил, мнений, взглядов, общественных, культурных и литературных отношений, имеющих глубокий национальный аспект, и меняющих убеждение читателя «для усиления или трансформации ранее усвоенных правил» [26, с.81].

М. Шакури на основе такого метода и применения публицистического духа усовершенствовал исследовательское и аналитическое видение в статье «Традиции классических мемуаров в «Воспоминаниях» Айни» и впервые в таджикском литературоведении с опорой на сохранившиеся литературные и

культурные традиции прошлых поколений, серьезно поставил вопрос о национальном самосознании. В этой статье, по словам самого учёного, «публицистический элемент выполнял «связующую» функцию» [133, с. 86], то есть связь с прошлым и богатыми литературными и культурными традициями, сохранившими национальное самосознание до наших дней. Другими словами, как отмечает профессор М. Муроди, в этом действии М. Шакури «воспитательная цель находится на первом месте» [74, с. 4] и направляет читателя к национальной духовности, которая является элементом национального самосознания.

В упомянутой работе и в другой его статье под названием «Слово о лирике и её жизненном смысле», опубликованной в 1967 г., главным критерием познания проблемы национального самосознания является степень участия научного источника и его соотношение с публицистическим началом. В зависимости от содержания и структуры таких статей научные и публицистические аспекты имеют равное значение и положение, и они заложили начало серьезному изучению и оценке проблемы самосознания и национального самопознания, являющегося частью литературно-культурного самосознания.

Когда М. Шакури написал статью «Традиции классических мемуаров в «Воспоминаниях» Айни», в советском обществе, частью которого были таджики, классовое и социальное самосознание обладали приоритетным статусом, при этом национальным ценностям должного значения не придавалось. На основе сравнения и сопоставления учёный смог доказать, что познание и использование бесценных национальных литературных традиций, сознательное следование тысячелетней традиции и наследию нации является средством возвращения к истокам национального искусства, такой путь создаст основу для новаторства, и этот опыт имеет «большое значение» в «Воспоминаниях» С. Айни. М. Шакури осознавал своеобразие национального искусства, он понимал «связь таджикской классической литературы» с этим произведением, которое в некотором роде подводит

читателя к познанию сущности национального самосознания, а также имеет глубокую и реальную публицистическую основу.

Исследование М. Шакури в этом плане имеет достоверную документальную и фактологическую базу, хотя автор в нём не охватывает все аспекты вопроса влияния и новаторства в контексте мемуарного опыта Айни в сравнении с классическими биографическими произведениями. Вместе с тем, исследование и описание данного вопроса с использованием публицистических элементов и научного контекста является эффективным средством для проведения глубокого научного исследования, использующего дух публицистики в познании ценных литературных традиций, а также национального самосознания и самопознания.

Согласно мнению Е.П. Прохорова «все внутренние законы, определяющие способ (принцип) творчества, являются закономерности, которые определяют predetermined социальные характеристики и его функции» [88, с. 71]. М. Шакури – это литературовед, который учитывал перечисленные требования и тем самым всегда совершенствовал публицистическую сторону и сущность своих научных работ. В статье «Традиции классических мемуаров в «Воспоминаниях» Айни» автор поднимает вопрос влияния на и новаторство в творчестве С. Айни аналогичных произведений классической таджикской литературы, и в этом контексте рассматривает опыт Айни как полезное средство воздействия на формирование таджикской литературы, особенно прозы. Исходя из этого, он, уточняя позицию Айни в творческом использовании художественных традиций античной литературы, в частности пишет: «Во всех произведениях С.Айни очень ярко проявляются передовые традиции нашей классической поэзии и прозы». В продолжении статьи учёный путём конкретного анализа доказывает использование С. Айни национальных традиций классической литературы, а также указывает на его новаторские подходы, делая в частности такой вывод: «Это произведение («Воспоминания» Айни - наше примечание)» органично связано с таджикской классической литературой и в

то же время является выдающимся образцом дальнейшего развития передовых традиций прошлого и подчинено их новым изобразительно-художественным принципам. На примере «Воспоминаний» хорошо видна великая заслуга С. Айни в области творческого применения лучших традиций классической литературы по отношению к таджикской советской литературе, что заложили основу новых методов и стилей для нашей современной литературы, определяя путь дальнейшего развития этого важного жанра» [134, с. 8].

М. Шакури поднял вопрос о восприятии творчества С. Айни со стороны представителей национального литературоведения, когда среди деятелей науки и литературы Таджикистана было распространено такое заблуждение, что таджикско-персидская литература с самого начала и до XX века состояла только из поэзии, и не имела прозы. Это мнение часто продвигается в следующем смысле: раз у нас не было прозы в прошлом, то сегодня мы должны извлечь урок из русской реалистической прозы. Несомненно, нужно было использовать реалистические традиции русской прозы, но представление о том, что прозы у нас не существовало, было ошибочным.

М. Шакури в 1957 году выступил с речью на декаде таджикской литературы в Москве в зале Союза советских писателей и подчеркнул, что «персидско-таджикская литература в прошлые века имела великую прозу», и в этой его речи были конкретно разъяснены некоторые подробности этой прозы и её значения» [1, с. 17-18].

По непосредственной инициативе М. Шакури в Институте языка и литературы им. Рудаки была организована группа, которая в дальнейшем занималась исследованием и изданием произведений классической прозы. Этой группой руководил литературовед И. С. Брагинский, но организация работы была возложена на М. Шакури. Группа перевела и опубликовала несколько произведений классической прозы, в том числе народные притчи о Хотам Тойе, прозу средневековых авторов, в частности, «Самаки айёр» Захири, «Шахнаме» Мансури, «Джомеулхикоёт» Мухаммада Авфи и др.,

включая изыскания Ю. Салимова о народной прозе, что было ответным ударом для тех, кто утверждал, что таджикская литература «не имеет прозы» [1, с.17].

М. Шакури в целях ознакомления научной общественности и народа Таджикистана с элементами национального самосознания, в частности, познания национальных художественных и культурных ценностей, и привлечения их внимания к богатому литературному и культурному прошлому нации, в дальнейшем выполнил достойные и ценные работы, исследуя вопросы традиции и новаторства, роли классических персидско-таджикских поэтических и прозаических традиций в реалистической поэзии и прозе, национальных особенностей литературных произведений и т.п.

М. Шакури не оставлял эту тему на протяжении всей своей творческой деятельности. Статьи «Страницы ненависти и насмешек» (1959), «Первое биографическое произведение в таджикской драматургии» (1960), «Современные темы и классическая «основа» поэзии» (1962), «Научная деятельность Айни и национальное самопознание таджикских трудящихся» (1973) и им подобные посредством глубокого исследования и «сугубо публицистического выражения» (М. Шакури) служили в качестве руководства для читателя шестидесятых-семидесятых годов к пониманию сути вопроса национального самосознания. Без всякого преувеличения можно признать, что вне зависимости от идеологической политики того времени в упомянутых статьях сильны публицистическое начало и тон, а высшая точка публицистического духа раскрывается в тот момент, когда исследователь поднимает вопрос о влиянии и национальном наследии, приводя много примеров из классических произведений, интерпретируя их в качестве образцов национальной идентичности. В этом контексте также заслуживает внимания статья «Первое биографическое произведение в таджикской драматургии» (1960).

В данной статье автор анализирует и оценивает пьесу Сотима Улугзаде «Рудаки» и поднимает вопрос об историческом самосознании таджикского

народа через публицистические средства выражения. Акцентирование публицистического тона позволило автору направить научный поиск и идеалистический дух статьи к определенной цели, тем самым во всей полноте выявив идею национального самосознания. Основной его целью при написании данной статьи было привлечение внимания современников к духовно-историческому процессу нации. По его мнению, создание Сотимом Улугзаде биографической исторической пьесы «Рудаки» - это возможность для нации осознать свою истинную национальную идентичность, которую автор видит в следующем: «Имена великих исторических личностей в важнейшие периоды развития общества всегда будут рядом с передовыми представителями народа и будут служить дальнейшему прогрессу. Величие этих людей заключается в том, что значение их идей и общественных идеалов не ограничивается только определенным периодом, только их собственной жизнью, но также вдохновляет будущие поколения на борьбу за счастье и процветание. Хотя творчество великих мыслителей и поэтов является продуктом своего времени, оно всегда устремлено в будущее» [134, с. 141]. В данной статье автор с помощью действенных публицистических средств, в том числе публицистического языка, духа и тона, смог убедить читателя в том, что познание исторических личностей, в том числе Рудаки, ускоряет возвращение к вечным истокам национальной духовности и самосознанию.

Известный русский публицист А. Аграновский писал, что «я отдаю предпочтение статьям (а также очеркам, фельетонам, бюллетеням), в которых меньше восклицательных знаков, чем вопросов». За что?», «Почему?», «Как?», «Чего от этого можно ожидать?». Читатель любит думать... Если он потом соглашается с автором и приходит к нужному выводу, то результат неизмеримо велик». А. Аграновский вновь и вновь подчеркивает: «Публицистика, на мой взгляд, начинается там, где есть смысл», там, где действительность жизни «проверяется» по крупницам, когда

вскрывается корень события и не предоставляется «обнаженные» документы» [См.: 3, с. 5].

Публицистика М. Шакури обладает такими же характерными чертами, и в трактовке вопроса национального самосознания он опирается, прежде всего, на действительность и «расследование» жизни таджиков. В этом контексте М. Шакури в своих работах как публицист раскрывает документальные источники, формировавшие общественные отношения. Тем самым исследователь смог выявить связи, которые в современных социальных условиях (в советское время и после него) препятствуют прогрессу национального общества в достижении целей самосознания. В этой связи, его сочинения являются «практической рекомендацией по изменению такой ситуации и устранению факторов», мешающих «формированию новых общественных отношений и гармоничному развитию совершенной личности» [88, с. 203-204] в национальном обществе. По этой причине, исследование и рассмотрение национального самосознания для М. Шакури в 1960-х, 1990-х годах прошлого века и в период независимости стало главным объектом его публицистических работ, и ему удалось основать новые идеи национального самопознания и особого таджикского национального учения [1, с. 259].

Это учение М. Шакури обосновал и развил в таких своих работах, как «Школа гуманности» (1991), «Наш язык – наше бытие» (1991), «Здесь Хорасан» (1996, 1997, 2009), «Независимость и социально-духовное самосознание» (1999), «Садриддин Айни – великий просветитель истории таджиков» (2001), «Величие Бухары» (2002, 2005), «Гуманизм воспитания и национальный язык» (2002), «Очерки о языке, литературе и культуре Таджикистана» (2009), «Взгляд на таджикскую литературу XX века» (2006), «Великий просветитель» (2006), «Пантюркизм и историческая судьба таджиков» (2012).

Основные черты публицистики М. Шакури того времени в исследовании и анализе темы таджикского национального самопознания «в большинстве

случаев формировала серьезная постановка проблем» [92, с. 215], что является средством совершенствования содержания и формы таких его произведений. Новаторство, которое мы наблюдаем в данном контексте, заключается в том, что он впервые в таджикской науке проанализировал и исследовал исторические и культурные основы национального самосознания. Им были высказаны любопытные мысли относительно его элементов - языка, культуры, особенностей морали, религии, литературы, искусства, истории, классических памятников, географии, флага, политики, мифологии, расы, национального гимна, национальной гордости, национального паспорта, экономики и т.п., которые по-прежнему остаются судьбоносными для таджикского народа.

М. Шакури, как учёный и публицист, а по мнению Лоика Шерали, как «истинный патриот, с храбростью и достоинством, через высокое самосознание и самопознание» [168, с.10] хочет вывести читателя из «культурной, духовной, языковой и духовной нищеты» и ознакомить его с главными истоками гордости - самобытностью и историко-культурными основами нации, о которых говорилось выше, и направить к самопознанию и формированию своего «Я». Его позицию отличал единый взгляд на национальную проблематику, а потому, рассмотрев все стороны этих вопросов, М. Шакури делает выводы во благо настоящего и будущего нации. В связи с этим, язык и культура являются «двумя важными признаками нации» и «определяют её образ, устанавливают её положение в истории и среди других наций» [168, с.27].

Ещё в книге «Наш язык - наше бытие» (1991) М. Шакури признавал язык основным элементом духовного бытия нации, подчеркивал его роль в развитии просвещения человека, его статус на пути к самосознанию и самопознанию. Писатель Урун Кухзод, рецензируя данную книгу, писал, что «всякий раз, когда чаша весов справедливости склоняется на одну сторону, а культура и существование страны или народа находятся в опасности, возникает риск ограничения сферы применения языка, даже риск его

исчезновения и вот тогда языку нужны защитники». У. Кухзод в этом контексте, называя М. Шакури защитником и спасителем языка, добавляет, что «именно с глубоким пониманием необходимости языка в судьбе народа основная часть исследования в двух вышеотмеченных книгах академика Мухаммаджона Шакури (имеются в виду книги «Школа гуманности» и «Наш язык - наше бытие» - наш комментарий) охватывает различные вопросы родного языка» [1, с.274].

Таким образом, этот незаурядный исследователь в книге «Гуманизм познания и национальный язык» и многих других своих статьях, в том числе «Кратко из истории закона о языке», «Закон о языке и национальное государство», «Национальное самосознание и национальный язык науки» и «Дорогой мой, здесь Хорасан» обсуждает чувствительные вопросы языка, т.е. ограничения, имевшие место в советское время для развития таджикского языка, в том числе его преподавания в школах и т.п. В связи с этим он подчеркивает, что «язык является столпом существования нации» и, что нация в свою очередь должна заботиться «о его устойчивости и целостности» [168, с.194].

Следует отметить, что в советское и постсоветское время большинство исследователей объясняли и описывали эту тему только по духовно-идеологическим критериям. М. Шакури был одним из тех, кто отказался от этих норм, исследуя и оценивая вопросы национального языка как элемента национальной идентичности в системных отношениях, тем самым добираясь до сути вопроса. В своих статьях он исследует и анализирует язык «как систему отношений, составляющих связь» с событиями, которые пережила нация. Таким образом, он внушает читателю дух «публицистической составляющей, связанной с судьбой языка», которая по мнению М. Шакури «является вопросом номер один» в познании роли языка» [168, с.195].

Публицистические взгляды учёного о названии языка, языка как социального явления и составной части национальной идентичности отличаются прямоотой и честностью. Сегодня, когда в социальных сетях идут

острые дискуссии о названии языка, а некоторые её участники, такие как «господин Джалол Матини, видимо, незнакомые с полными неприятностей событиями истории таджиков в 20-е гг. прошлого века» [1, с. 264], должны внимательно прочесть сочинения М. Шакури и задуматься, чего хотел этот патриот и преданный делу защиты Таджикистана человек. В частности, он пишет: «Эта молодёжь и их притязания (имеется в виду Джалол Матини – наше примечание) не вникают в суть проблемы и не знают, что в первой четверти нашего века (XX век) изменение названия таджикского языка и литературы Средней Азии имело серьезные причины, и также как историческая необходимость возникновения страны под названием Таджикистан было осуществлено после тяжелой борьбы и обеспечило выживание таджикской нации в Средней Азии, также и понятия «таджикский язык», «таджикская литература» и др., официально принятые вместо «персидского языка» и «персидской литературы», стали причиной выживания таджиков на этой земле и защиты их иранской сущности» [168, с. 136].

М. Шакури, продолжая дискуссию на эту тему, приходит к выводу, что «эти новые названия «таджикская нация», «таджикский язык», «таджикская литература», «Таджикистан» и другие привели к спасению таджиков. Таджики Средней Азии были вынуждены давать новое имя многим явлениям своей идентичности, доказывать и отстаивать свою национальную идентичность приемлемым для правителей того времени способом. Эти новые названия заложили основу для обретения иранцами Средней Азии права на самостоятельное существование в качестве самостоятельного народа и послужили важным фактором в ожесточенной борьбе 20-х годов за формирование национального самосознания народа» [168, с. 144]. Этот публицистический вывод М. Шакури побуждает поступать по совести тех, кто высокомерно говорит и пишет, что «понятие таджикский язык - это ошибка», обратиться к его трудам и понять, что эта тема уже полностью исследована и оценена.

Как мы указывали, ещё одним вопросом, который учёный считал важным в познании национальной идентичности, является культурный элемент.

Данный вопрос М. Шакури изучал и анализировал в контексте глобализационной действительности, считая, что именно язык, обучение и освоение «знаний, мудрости жизни, тайн мира на родном языке» [168, с. 220] является одним из главных средств защиты национальной культуры и её защиты её от современных процессов глобализации. В этом контексте он рассматривает защиту нации, религии, национального государства, Родины и веры как культурный долг и делает вывод, что «...мы должны стремиться к тому, чтобы культурные ценности формирующие идентичность, которые мы частично или полностью утратили в XX веке, заново возродить в эпоху независимости, снова использовались и совершенствовались в соответствии с требованиями нового века, чтобы в нынешних исторических условиях они служили для продвижения нации вперед. Чтобы они соединили нас с нашими корнями и расчистили путь в будущее. Например, нам необходимо глубоко изучить классическую письменность, чтобы избавиться от манкуртизма, многие явления которого укоренились в наших мозгах и костях; нужно освободить таджикско-персидский язык от тисков обыденности и некачественного перевода, чтобы устранить уровень безграмотности; необходимо углубить религиозное сознание членов общества, чтобы наши люди были мусульманами не на словах, а на деле стали верующими и истинными мусульманами, сделав заповеди исламской религии ориентиром своего поведения и речи, ибо благочестие и страх божий ведут человека к его человеческой сущности. А это в свою очередь ведет к процветанию нации и, следовательно, государство должно способствовать подъему религиозного сознания» [168, с. 238].

Таким образом, если сказать словами самого М. Шакури, большинство его произведений принадлежат «научной публицистике». Автор использовал науку как оружие в социальной борьбе, которая направляет читателя к

пониманию сущности сложных социальных процессов таджикского общества, в том числе сущности национального самосознания.

Сравнительный анализ и оценки, сделанные в этой главе диссертации, позволяют нам отметить несколько моментов в качестве заключения:

1. Мухаммаджон Шакури является одним из выдающихся деятелей истории таджикской науки и культуры, который сыграл особую роль в становлении и развитии литературоведения, теории литературы и литературной критики. На становление и развитие творческой личности этого учёного оказали влияние политические, социальные и культурные факторы того времени, которые тем самым сыграли роль в формировании особой концепции его литературоведческого видения и литературной критики, сущность которых конкретизируют новаторство, социальное и культурное самосознание с учетом будущего нации и долгосрочные цели национального строительства.

2. Творческая деятельность М. Шакури охватывает четыре периода, которые отличаются друг от друга специфическими чертами развития и научными поисками. Первый период его творческой деятельности, соответствующий 40-м и 50-м годам, формировался под влиянием идеологических задач КПСС, а потому идейная зависимость определила основной подход его исследований в изучении проблем школы и воспитания, литературы и культуры, развития прозы, литературоведения и литературной критики. Несмотря на «вульгарный социологизм» (М. Шакури), оказавший влияние на его творчество данного периода, его научные изыскания формировались через познание эстетического своеобразия художественных произведений, в том числе «Воспоминаний» Айни, и в этом контексте «всестороннее выявление действительности» составляет основной аспект его исследований.

3. Относительно спокойная обстановка, сложившаяся в литературно-культурной политике коммунистической партии в 60-е годы, повлияла на научную деятельность М. Шакури. Хотя, по его собственным словам, ему не

удалось полностью освободиться от «идеологии и психологии доминирования, произвола и своеволия», несмотря на это, он приобрел возможность в монографии «История таджикской советской литературы. Развитие жанров» подвергнуть обсуждению многие вопросы истории и теории литературы, особенности эстетической сущности литературных событий, в том числе процесса становления и развития современной таджикской прозы. Важнейшие поиски и изыскания, проведенные в этом контексте, являются, во-первых, непосредственно продуктом его собственных мыслей и идей, а во-вторых, созданы при его участии и содействии, либо по его инициативе или при непосредственном руководстве, что является уникальным феноменом по масштабу и ценности.

4. Главная особенность научно-публицистических исследований М. Шакури в третий и четвертый периоды его научно-творческой деятельности, это, прежде всего, конкретизация новых научных взглядов, новых видений и перспектив, устремленных в будущее. Впервые в таджикском литературоведении, используя благоприятную научную среду после коренных изменений, произошедших в общественно-политической жизни страны, он стал по новому изучать современную таджикскую литературу, социальные и культурные проблемы, в том числе вопросы языка, государства и религии, национального самосознания и т.п. Тем самым учёный доказал, что язык, литературное наследие и духовность являются «важнейшими элементами существования нации», «основами бытия нации», которые послужат гарантией её настоящего и будущего.

5. Публицистическое осмысление научных и культурных реалий прошлой и современной жизни таджиков дало ему возможность усилить публицистический дух своих произведений исследовательским и аналитическим видением, использовать публицистический элемент как составную часть своих научных работ. Такой подход, отличающийся научно-популярной глубиной, стал важным и действенным средством для многих его

статей и книг. Другими словами, в его произведениях публицистический аспект неотделим от научной основы произведения.

6. Большинство научных работ М. Шакури имеет социальный аспект и показывает связь между наукой и публицистикой. Автор, рассматривая и анализируя научные вопросы в связи с духом времени, тем самым содействует познанию сущности сложных социальных процессов общественной жизни таджиков, в том числе пониманию квинтэссенции национального самосознания.

ГЛАВА II. КЛАССИФИКАЦИЯ И ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОПРОСОВ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Всестороннее познание и привязанность к истории, языку, литературе и культуре прошлого и настоящего дали Мухаммаджону Шакури возможность дальновидно подхода в защите таджикской национальной идентичности. Обращая внимание на сущность самобытности нации, он в своих научных трудах уделял пристальное внимание описанию и осмыслению основных видов и типов историко-культурного бытия, и национальной идентичности, и в целом на этой основе ставил вопросы национального самосознания.

Подход и направление отражения темы национального самосознания в научных и общественных работах М. Шакури позволяет проанализировать эту тему в контексте его творческого опыта и определить основные элементы историко-культурной и национальной идентичности.

В ходе сравнительно-эмпирического анализа информации о национальном самосознании, которая содержится в научных трудах М.Шакури, нами уточнены тематические направления или основные элементы национального самосознания, а именно: язык; культура; история; политика; мифология; раса; гимн; флаг; научно-литературная гордость; экономика.

Таким образом, в данной главе диссертации нами будут рассмотрены темы языка и национальной идентичности, государства, культурной идентичности и религии как основных элементов культуры и национальной идентичности – символов таджикской идеи на основе исследований М. Шакури на тему национального самосознания, что позволит определить суть его взглядов на эти вопросы.

II. 1. Язык и национальная идентичность

В научных и публицистических работах М. Шакури с различных сторон исследуется и рассматривается связь между языком и национальной

идентичностью, которая считается одним из основных элементов национального самосознания. В этом контексте язык является фактором национального самосознания и самопознания, национальной независимости, исторического самопознания, исторической памяти, национальной гордости и средством духовного возрождения. Учёный считал «высокую духовность и могущество языка» в истории таджикского народа «судьбоносным фактором» и отмечал: «Если делать вывод из исторического экскурса таджикского народа, то надо сказать, что жизненную основу нации составляет язык и духовность. Существование нации, прежде всего, выражается в культуре, а выражение сущности культуры лучше всего возможно в языке. Только материальное и физическое существование не является признаком существования человека и индивида, народа и нации. Основа бытия заключается в духовном существовании» [168, с.26].

В этом контексте, он признает язык «центром духовных ценностей» и «духовной основой существования» нации и подчеркивает, что язык представляет собой духовный мир и сущность бытия нации. По этой причине, по мнению М. Муроди «одним из первых вопросов, который стал предметом публицистического исследования М. Шакури, является повышение статуса национального языка и создания таджикской среды в городах и районах страны» [74, с. 499], которая рассматривалась им в связи с проблемой гуманистического образования.

Если быть точнее, то тема языка и национального самосознания составляет содержание многих исследований этого учёного с шестидесятых годов прошлого века до последних дней его жизни, включающих в себя следующие принципиальные вопросы:

- возвращение к своим истокам и культурно-традиционным основам;
- возрождение древних традиций национальной культуры;
- возрождение языка и традиционного классического письма;
- возрождение духовности в обществе посредством использования традиционных методов обучения, в том числе на родном языке;

- основное внимание к национальным и унаследованным традициям гуманитарных наук;
- очищение таджикско-персидского языка от чуждых элементов;
- сохранение правильных и традиционных моделей словообразования и терминологии в современном таджикском языке;
- обеспечение и развитие процесса национального самосознания в свете культурной независимости, частью которой является язык;
- восстановление самобытности языка с помощью специалистов, и в этом контексте сотрудничество с персоязычными странами.

Доктор Саид Али Мусави Гарморуди в предисловии к книге М. Шакури «Гуманизм образования и национальный язык» (2002) писал: «Проза Шакури, наряду с тем, что мастерски написана, является также приятной и пленительной, полна привлекательности и красноречивых моментов, от которых читатель никогда не устает» [166, с. 8]. Наблюдения учёного являются выражением влияния эмоционального аспекта научной публицистики М. Шакури, и в целом он представляет свои научные взгляды на взаимосвязь языка и национальной идентичности в качестве одного из основных элементов национального самопознания.

Научная пропаганда в таких произведениях М. Шакури - это стремление познать «интеллектуальные законы жизни общества», на основе которых объясняются различные особенности современных событий. Такого рода научно-публицистические работы способствуют «рациональному самопознанию, самосознанию людей, групп, социальных слоев». Хотя такие работы «выполняют научно-теоретическую задачу пропаганды, они, тем не менее, по своей форме не являются полностью теоретическими работами». С этой точки зрения, работы, написанные М. Шакури в этом контексте, носят больше практический характер и разъясняют читателю суть социальной действительности жизни таджиков. По этой причине публицистические работы на эту тему, созданные М. Шакури, являются научно-теоретическими, историко-исследовательскими и эмоциональными, и прежде

всего, направлены на формирование самосознания и самопознание общества. В таких произведениях М. Шакури по его собственным словам, «сила точного описания и сила мышления и понимания» социальных и культурных реалий, особенно темы языка и национальной идентичности, «соединились с высокими гуманистическими мыслями и чувствами и породили обширные исторические направления» [141, с. 90], что является уникальным опытом в истории таджикской публицистики.

Новые теории и поиски М. Шакури в этом контексте предоставили ему возможность заняться важными вопросами языка, национальной идентичности, национального, социального и духовного самосознания. Он больше, чем кто-либо другой был готов исследовать, сообщать и решать эту проблему и самоотверженно работал в данном направлении. Статьи и книги, которые он создал в этом контексте, являются доказательством его самоотверженности и патриотизма, а его имя и работы будут вечно помнить в истории.

Рассматриваемая нами тема, исследовалась и анализировалась Мухаммаджона Шакури во многих его статьях и книгах, таких как «Национальный язык нуждается в особой заботе» (1988), «Национальный язык имеет свою ценность» (1989), «Наш язык – наше существование» (1991), «Кому принадлежит этот язык?» (1994, в соавт.), «Гуманизм обучения и социально-духовное самосознание» (1997), «Судьба таджикско-персидского Вароруда в XX веке» (2003), «Духовность и национальное возрождение» (1996), «Реформы и национальный язык» (1995), «Кто такие таджики и что такое таджикско-персидский язык?» (1996), «Национальный язык, национальное мышление, национальный дух» (1997), «Персидский язык, национальная идентичность, культурное единство» (1997, в соавт.), «Терминология в Таджикистане и некоторые её проблемы» (1999), «Язык в судьбе нации» (1999) и т.п., которые выявляют роль таджикско-персидского языка в процессе национального самосознания таджиков.

М. Шакури очень рано обратил внимание на исследование и изучение языка, особенно проблем оригинальности таджикского языка в произведениях писателей, а также на радио и телевидении. Профессор А. Сатторзаде на основании слов М. Шакури относит публикацию его первой статьи «О недостатках таджикского языка на радио» к 1952 году [1, с.75]. Сам М. Шакури, объясняя свою деятельность в этой области, писал: «В 1960-е годы я также занимался вопросами персидско-таджикского языка, особенно практическими вопросами и его повседневным употреблением, которое имело социологический аспект. Изучение языка периодической печати, радио и телевидения, научных трудов и т.п. в Таджикистане называют *«фарҳанги сухан»*, т.е. «культура речи». Результатом этого исследования стала книга под названием «Каждое слово имеет своё место и каждое изречение имеет свой статус» (досл. перевод), которая была опубликована в 1964 году в журнале «Шарқи сурх» / Красный Восток (сегодня «Садои Шарқ» / Голос Востока), а в 1968 году была опубликована в виде книги. Его второе издание вышло в свет в 1986 г., а третье издание - в 2005 г., которое состоит из 400 страниц» [1, с.19].

М. Шакури является одним из немногих ученых, кто с самого начала своей творческой деятельности проявлял особое внимание к вопросам языка в статьях и трудах литературоведческого характера и литературной критики. Его замечания относительно языка поэмы М. Турсунзаде «Хасан арбакеш» в статье «Народность и мастерство» (1960), пьесы Сотима Улугзаде «Рудаки» в статье «Первое историческое биографическое произведение в таджикской драматургии» (1950), а также обсуждения языка в статьях «Решение проблем современности требует высокого мастерства» (1961), «Современные темы и классическая «основа» поэзии» (1962), «Речь о лирике и её жизненном содержании» (1967) до сих пор не утратили ценности своим охватом проблемы и сохранением самобытности языка.

Вклад Мухаммаджона Шакури в приобретение государственного статуса таджикским языком и его дискуссии в периодической печати

показывают совершенно новый и плодотворный период его деятельности в деле защиты языковых ценностей и национальной идентичности. Он внес значительный вклад в этот процесс, как своими сочинениями, так и своей практической деятельностью.

В период независимости М. Шакури с большей ответственностью обсуждал вопросы языка и национального самосознания, что имело две серьезные причины. Первая причина заключается в том, что вопросы, поднятые по этой теме до обретения независимости, не были полностью решены, и имели отрицательное влияние на самобытность языка. В статье «Мы должны вернуться к алфавиту наших предков» (Зиндаги. – 2006. – 2 марта) он охарактеризовал сложившуюся ситуацию как вызывающую сожаление, отмечая, что таджикский язык «никогда не был таким слабым, как сегодня». Вторая причина уделения этой теме большего внимания заключается в том, что он хотел выдвинуть вопрос о развитии национального языка в качестве опоры национальной идентичности, как средства формирования национальной государственности, процессов национального самосознания и духовности. В этом контексте, он признавал язык «важнейшим элементом существования нации», определяя его как «основу существования нации». Он отмечал, что защита «таджикско-песидского языка Фароруда от пучин кризиса» является одной из «общенациональных задач».

М. Шакури подчеркивал, что «боль нашего языка есть внутренняя боль и её нельзя вылечить исправлением каких-то внешних явлений» [166, с. 115]. Учёный, вдумчиво взглянув на историческую судьбу языка и трагедии, выпавшие на его долю, приходит к выводу, что для полного исправления существующих недостатков «необходимы крупные проекты».

Научные статьи и книги, написанные М. Шакури по этому вопросу, по их содержанию и структуре можно отнести, как к академической науке, так и к научной публицистике. Публицистический аспект его работ о языке и национальном самосознании важен и ценен, прежде всего, конкретной и

определенной социальной целью и духовным воздействием на общественное мнение, и мы в этой главе проанализируем и дадим оценку некоторым аспектам его публицистического творчества и мысли.

М. Шакури с первых дней своей деятельности, по его собственному признанию, занимался «вопросами таджикско-персидского языка, особенно практическими вопросами и его повседневным употреблением, которые большей частью имели общественный аспект» [1, с. 19]. Литературовед Х. Шарифов писал, что «Начиная с пятидесятих годов положение таджикского языка стало ограничиваться на государственном уровне, в научных исследованиях, помимо литературоведения, основное место занял русский язык. В результате возрастающего влияния русского языка и пренебрежительного отношения к таджикскому языку в устной речи, в периодическую печать и даже в произведения писателей стало проникать множество ошибок и недостатков. Ведущая часть интеллигенции, среди которых одним из первых был Мухаммаджон Шакури, стала прилагать усилия к тому, чтобы исправить сложившееся положение дел» [1, с. 89].

М. Шакури из своих ежедневных наблюдений пришел к выводу, что недостатки, наблюдаемые в орфографии и структуре таджикского языка, не являются частичными и случайными, а коренятся в безразличном и легкомысленном отношении владельцев языка и ответственных государственных органов. Чтобы исправить это положение, он опубликовал статью «Слово о языке и способе выражения в печати» (1965), которая является его первым реформаторским шагом в отношении языка периодической печати. В этой статье (Садои Шарқ. – 1965. – №10. – С. 90-145) автор определил национальный строй языка главной частью духовности и безразличность по отношению к нему интерпретировал как отдаление от истоков. Указанная статья является первой попыткой М. Шакури в познании важнейшей роли таджикского языка как элемента духовного бытия таджикского народа.

Защита языка в этой статье и других его работах, в том числе «Некоторые чудеса языка печати» (Маориф ва маданият. – 1965. – 26 октября), «Имя и тонкая природа языка» (Маориф ва маданият. – 1965. – 18 декабря), «Писатель - защитник языка» (Садои Шарқ. – 1966. – №6. – С.116-126), «Написание имен и особенности языка» (Маориф ва маданият.–1966.– 12 ноября), «Айни и язык народа» (Садои Шарқ. – 1967. – №5. – С. 124-136), «Термин и культура речи» (Маориф ва маданият.–1964.– 10 окт.) выражают его глубокий интерес к национальному языку, что было, конечно же, не случайным. Поскольку язык является основным элементом национальной идентичности, без него не существует нации. Пренебрежительное отношение к таджикскому языку в пятидесятые-шестидесятые годы, равнодушие к положению языка в обществе, орфографические ошибки, входившие в привычку, представлялись ему фактором «отсутствия воли и несоблюдения прав нации». В такой ситуации он смог защитить основной столп национальной идентичности, то есть язык. Книга «Каждое слово имеет своё место и и каждое изречение имеет свой статус» (1968) была его вторым и серьезным шагом в этом отношении.

Важным шагом на пути защиты таджикского языка считается книга «Каждое слово имеет своё место и каждое изречение имеет свой статус», переизданная с исправлениями и дополнениями в 1986 и 2005 годах. Эта книга является общедоступной научной и научно-публицистической работой, в которой рассматривается «проявление сочинителями своеволия и несоблюдение норм литературного языка» [136, с. 27] и игнорирование национальных особенностей таджикского языка. Содержание книги свидетельствует о стремлении автора защитить язык как национальную ценность, составной частью, которой является точное правописание. Автор считает «борьбу на пути к повышению значимости изящного слова, культуры поэтической и прозаической речи» «одной из важнейших задач» и подчеркивает, что «мы никогда не должны допускать упадка этой культуры». Культура поэзии и красота художественного языка – один из признаков,

показывающих уровень общей культуры народа. Даже небольшое снижение культуры речи будет означать, что одна сторона общей культуры нашего народа приходит в упадок» [136, с.158].

По словам М. Шакури, его целью при написании этой книги было, прежде всего, сохранение чистоты языка и «степени общей культуры народа», что, с его точки зрения, было ценно как элемент национальной идентичности в шестидесятые годы прошлого века.

Восьмидесятые годы стали совершенно новым периодом борьбы и публицистической деятельности М. Шакури «на пути к укреплению основ таджикско-персидского языка», что подтверждает публикация статей «Каждый, кто стал немощным в своем языке» (Литературная газета. – 1988. – 14 декабря) и «Национальный язык нуждается в особой заботе». (Тоҷикистони советӣ. – 1988. – 25 ноября). Согласно М. Шакури: «В результате написания таких статей и по предложению республиканской конференции лингвистов, которая была проведена Институтом им. Рудаки в декабре 1988 года, Верховный Совет Таджикистана в январе 1989 года создал комиссию по языку». Эта комиссия «разработала документ, названный Законом о языке» [1, с. 21], и передала его в руки М. Шакури. После редактирования группой ученых и правоведов этот документ был представлен на рассмотрение общественности и утвержден 22 июля 1989 года на сессии Верховного Совета. Таким образом, непосредственными усилиями ученых и интеллигенции республики, этим документом таджикско-персидский язык был объявлен государственным языком Таджикистана.

В столь сложный период, когда было много противников объявления таджикского языка государственным, М. Шакури помимо бесчисленных выступлений по радио и телевидению республики, опубликовал ряд ценных публицистических статей, важнейшими из которых являются «Таджикский язык должен иметь статус государственного» (Тоҷикистони советӣ. – 1988. – 24 декабря), «Защитник таджикского языка» (Омӯзгор. – 1989. – 16 мая), «Народный язык имеет свою ценность» (Адабиёт ва санъат. – 1989. – 17

августа), «Возрождение речи» (Адабиёт ва санъат. – 1989. – 12 октября), «Двуязычие и родной язык» (Омузгор. – 1990. – 24 апреля), «Закон о языке через год» (Таджикистан, 1990. – №7. – С. 23) и др. В упомянутых статьях М. Шакури обсудил ряд важных вопросов, в том числе вступление таджикского языка в новый период развития, состояние национального языка и ограничение его общественной активности, упадок духовных основ языка, культуры речи, исключение таджикского языка из отдельных вузов, пренебрежительное отношение части интеллигенции к родному языку, улучшение преподавания языка в школе, язык, как составная часть национальной идентичности и самосознания, духовно-художественные аспекты языка, вопрос о государственном языке и т.д. В связи с этим он приходит к заключению, что «для развития национального языка необходимо, чтобы он в полной мере исполнял все свои социальные, политические, научные и культурные задачи в обществе. Если национальный язык не выполняет часть своих основных задач или даже если небольшая часть выполнения этих задач национального языка возлагается на другой язык (например, русский), развитие и совершенствование национального языка будет сталкиваться с трудностями» [167, с. 175].

М. Шакури на этом хрупком историческом этапе не только не ослаблял научную базу исследования, а наоборот укреплял ее, одновременно усиливая её социальный тон, помогающий решать исторические и социальные задачи. При этом, учёный рассматривает «подлинную публицистическую науку» как средство удовлетворения потребностей общества. М. Шакури создал «научную базу национального самосознания», в котором выделяется языковой элемент национального самопознания.

В судьбоносный период истории таджиков, т.е. во время перестройки и независимости в творчестве М. Шакури большее влияние приобрела историческая научная публицистика, и автор смог «говорить об официальном государственном статусе» таджикского языка с помощью необходимых доказательств и документов, «обеспечить необходимую основу

для всестороннего социального действия государственного языка», «энергично продолжать» этот процесс «доказательствами, научными фактами и публицистическим стилем», и тем самым «воздействовать на народное сознание» [168, с. 23]. Вместе с тем, М. Шакури не ослабляя научной базы исследования рассматриваемой темы, придал ему более мощный социальный тон с целью оказания значительного влияния на выполнение исторических задач. Его статья «Национальный язык имеет свою ценность», опубликованная в газете «Адабиёт ва санъат» (17 августа 1989 г.), является образцом «подлинной публицистической науки».

В данной статье автор передаёт своё ощущение необходимости «глубокого определения» исторических интересов нации, рассматривает судьбу таджикского языка, использует социальные, культурные, эстетические и нравственные идеалы как средство осмысления проблемы национального самосознания и идентичности. Этим методом посредством своих работ, в том числе статьи, о которой мы говорим, он создал научную основу для постижения национального самопознания, а в целях укрепления основ общественно-исторического, культурного, духовно-нравственного, философского и религиозного самопознания таджиков учёный больше, чем прежде, ставит на обсуждение политические, исторические и социальные проблемы, полемизирует и высказывает своё мнение о языке и его судьбе как элементе национальной идентичности, являющемся одним из основ национального самосознания.

В данной статье исследователь анализирует противоречивые дебаты, имевшие место на уровне Института языка Академии наук СССР, считая противодействие этого учреждения принятию Закона о языке бессмысленным и подчеркивает, что «закон о государственном статусе национального языка никогда не умаляет прав представителей других народов. Закон защищает только культуру и самобытность таджикской нации». Позиция учёного заключается в том, чтобы «закон о

государственном статусе национального языка выступил мощным фактором против процесса ассимиляции» [142, с. 252].

Другая статья М. Шакури «Кратко из истории «Закона о языке» (1994) также написана с научной обоснованностью и в публицистическом стиле. Целью статьи, как отмечает автор, является влияние на национальное сознание. Кроме того, автор наряду с рассмотрением процесса принятия закона и реализации языка, поднимает в статье проблемы, препятствующие реализации закона и решению связанных с ним вопросов. В статье М. Шакури подробно останавливается на основаниях и факторах, повлиявших и ускоривших принятие Закона о языке и на провозглашение таджикского (персидского) языка государственным языком Республики Таджикистан в его первой статье. Учёный поименно называет тех, кто участвовал в процессе национального самосознания и конкретно упоминает, что именно определял в своё время этот Закон. В статье также упоминается обязательство, возложенное «Законом о языке» на Правительство Таджикистана.

Реализацию «Закона о языке» исследователь считает «полным законным использованием таджикско-персидского языка во всех сферах общественной жизни» и подчеркивает, что эта работа «приведёт к его укреплению, активизирует его возможности и потенциал, обеспечит развитие, повысит уровень мышления общества. Сейчас таджикам нужно национальное возрождение, при этом национальное возрождение обязательно будет состоять из духовного развития, а высокая духовность немыслима без развитого и сильного языка. Вот почему и сегодня национальной целью остается достижение высокой духовности и обеспечение современного развития и совершенствования родного языка» [166, с. 104].

Эта и другие статьи автора - «Защитник таджикского языка» (Омӯзгор. – 1989. – 16 мая), «Национальный язык имеет свою ценность» [142, с. 248-254] и «Нужен детальный кодекс» (Коммунист Таджикистана. – 1989. – 19 февраля, в соавторстве с Р. Амоновым, Ш. Рустамовым и А. Сайфуллоевым) определили научные основы «Закона о языке», которые опираются на теорию

национальных языков. Эти основы учитывают опыт учёных некоторых республик Советского Союза, в том числе Эстонии, Латвии, Литвы и Молдовы, развернувших острую дискуссию по вопросам государственного языка и конкретизируют научно-правовые основы некоторых положений проекта «Закона о языке».

Наконец, несмотря на противодействие группы интеллигенции и «имперское высокомерие» советских научных кругов, «Закон о языке» был принят, но беспорядки 1990-х годов и начало «братоубийственной гражданской войны» помешали реализации закона. М. Шакури охарактеризовал окончание гражданской войны и указ Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмонова в 1998 году как «серьезный шаг на пути реализации «Закона о языке». Он добавил, что согласно этому указу «министерства и все другие ведомства» были обязаны «представить свои документы Аппарату Президента республики и Правительству на государственном таджикско-персидском языке» [166, с. 107].

По мнению исследователей, «наиболее активными являются те работы, которые одновременно формируют мысли и мышление и в то же время непосредственно создают практические результаты. Тем не менее, когда интересы народа и руководящих кругов противоположны друг другу, этого можно добиться лишь выражением мнения в форме общественного действия» [88, с. 106].

На самом деле, общественно-политическая ситуация, сложившаяся во второй половине 1980-х годов после горбачевской перестройки в Таджикистане, создавалась под влиянием тех благих общественных мыслей и действий, на которые М. Шакури обратил внимание, исследовал и обсудил в упомянутой статье.

Ученые-журналисты признают одной из главных задач публицистики практическое вмешательство в различные стороны жизни. Другая статья М. Шакури на эту тему под названием «Закон о языке и национальное государство» (17 ноября 1999 г.), была впервые опубликована в

еженедельнике «Омузгор», а затем в книге «Десять лет Закона о языке» (1999), целью которой является не только оказание влияния на мнение читателей, но и на тех, кто несет ответственность за принятие необходимых решений.

Упомянутую статью М. Шакури написал в дни десятой годовщины принятия Закона о языке, где подчеркивал, что «День языка является одним из важнейших национальных праздников таджиков и таджикистанцев, потому что язык - это главный признак нации. В регионах, где таджикский язык был утерян по историческим причинам, национальность таджиков также претерпела определённые изменения. Однако в тех регионах, где родной для таджиков язык смог охраниться, несмотря на то, что некоторые исследователи и не считают их таджиками, все же коренное население этих мест осталось таджиками, они стали частью благородной таджикской нации, и дорожат таджикской гордостью. Первым предметом гордости таджиков является их родная речь, известная в восточном мире как таджикско-персидский язык. Именно этот язык выражает нашу сущность, сообщая нам самим и другим о характере нашего исторического существования. Поэтому торжество языка — это праздник нашей национальной идентичности. Каждый раз, когда мы проводим праздник языка, мы словно отмечаем нашу национальную идентичность. Мы владеем языком, поэтому мы существуем. Торжество языка – это праздник нашего национального и культурно-исторического бытия, самый главный праздник страны таджиков» [166, с. 108].

Академик М. Шакури не мог написать свою статью без такого призыва, который имел отношение, как к читательской аудитории, так и к руководящим органам. Потому что цель статьи, которую выдвинул автор, это, прежде всего, защита самобытности языка, национального самосознания и углубление процесса национального самопознания. Именно такое комплексное социально-публицистическое отношение побудило автора рассмотреть в статье вопрос о языке как средстве признания «национальной

идентичности» и ответственности национального государства в этом вопросе. По этой причине он считал необходимым устранить языковые недостатки, такие как нетаджикские имена в надписях, увеличение числа «неподготовленных и неграмотных» госслужащих, «чувство ненужности таджикского языка», увеличение числа надписей и объявлений на улицах г. Душанбе на иностранных языках, особенно на английском. Учёный одно за другим упоминает эти и другие случаи, и приводит примеры, наглядно демонстрирующие факты таких упущений.

В статье автор последовательно перечисляет цели и убеждает читателя в том, что «таджикско-персидский язык является государственным языком, национальным языком, родным языком. Даже если в обществе есть люди, не уважающие таджикский язык как государственный или национальный, они должны уважать его в качестве родного языка. Даже если кто-то не уважает государство и нацию, мать надо уважать. Если он не уважает свою мать, у нас нет надежды на такого человека» [166, с.115].

Когда мы концентрируем внимание на тональности, характерных чертах и устремленных в будущее мыслях исследователя, нам становится ясно, что публицистический дух в этой и других статьях, написанных на тему языка и национальной идентичности, формировали его социальные чувства. При этом автор затрагивает важнейшие социальные вопросы времени и исторического развития общества в связи с Законом о языке. Этот метод повышает публицистический дух большинства подобных статей, где поднимаются серьезные вопросы духовной жизни таджиков и указываются пути решения проблем данной сферы. В таких работах М. Шакури публицистика даёт возможность постичь важные проблемы общества, что также является выражением профессиональной ответственности автора. Эта и другие статьи М. Шакури, по мнению исследователя И. Усманова, «являются выражением духовности, отраженной в тексте» [113, с. 50].

Важный результат опыта М. Шакури заключается в том, что публицистический элемент является неотъемлемой частью научной ткани

произведения и служил одним из важных инструментов глубокого научного исследования. В большинстве статей, написанных исследователем на эту тему, публицистический аспект обладает влиянием и самостоятельной эстетикой, но не мешает научной основе работы. Например, статья «Дорогой мой, здесь Хорасан» наряду с глубоким научным исследованием отличается также чисто публицистическим изложением. В данной статье исследователь подробно рассмотрел причины и факторы индифферентного отношения интеллигенции, особенно некоторых представителей народа к языку, таджикской идентичности и другим социальным и духовным вопросам, а многие вопросы изложил в форме публицистического обсуждения. Хотя эти обсуждения и оценки проводятся в публицистической манере, автор никогда не отрывается от глубоких научных исследований, а на основе фактов выявляет и конкретизирует исторические предпосылки и подоплеку отклонений в познании ценности языка и национального самосознания. Во многих моментах, в этой статье публицистический и научный элемент выполняют задачу соединения идей и мнений, что является редким опытом. Сильная публицистическая тональность статьи «Дорогой мой, здесь Хорасан» не только не уменьшила её научной значимости, но даже многократно повысила её ценность благодаря глубокому исследованию и анализу социальной ситуации, исторического и современного состояния языка».

Высшая точка публицистического духа в данной статье видится в том, что автор с глубоким научным видением рассматривает судьбу таджикско-персидского языка в контексте тысячелетней истории таджиков, со всеми её взлетами и падениями, основанными на исторических документах, которые раскрывают горькую правду. Вместе с тем, автор статьи воодушевляет читателя вселяющим надежду рассветом, который наступил благодаря достижению страной государственной независимости. М. Шакури в таком научно-публицистическом ключе пишет: «Таджикско-персидский язык - это тот же персидский-дари, который в IX-X веках или ранее обрел

литературную форму и во времена правления Саманидов возник стандартный официальный персидский язык, который использовался в государственных делах и научной прозе. Официальный и литературный стиль персидского-дари языка сформировался в Хорасане. Достижение персидским-дари своего пика расцвета именно в Хорасане имеет свои причины, так как «местом появления иранцев и их первой родиной был Хорасан. Исконной колыбелью арийских народов, страной, откуда арии переселились в другие места своего более позднего расселения, считается Эронвидж, который был частью восточного Ирана, т.е. Хорасана» [168, с. 114].

В данной статье, написанной на тему языка, осуществлён исторический экскурс в вопросы языка как элемента национальной идентичности, языка как средства национального возрождения. Это убеждает нас в том, что рост публицистического духа является результатом общественной деятельности исследователя и показывает его личную заинтересованность как представителя нации в исследовании и оценке жизненно важной проблемы таджикского общества - языка и национальной идентичности. Публицистическая тональность статьи, обусловленной глубоким взглядом М. Шакури, является признаком его осознания и ответственности перед национальным языком, нацией, настоящим и будущим страны, комплексным решением социальных вопросов, связанных с языком и национальной идентичностью, мужественного и компетентного вмешательства в поток действительности, связанный с судьбой языка, его настоящим и будущим.

Таким образом, в рассматриваемой статье М. Шакури исследует историческую судьбу таджикско-персидского языка, акцентируя внимание на вопросах происхождения этого языка, истоках его высокой духовности, его развитии в Мавераннахре, «древних отношениях между персидским и арабским языками, места персидского-дари в доисламский период в Бухаре. Автора волнует роль освободительной борьбы в Хорасане и Мавераннахре в формировании таджикского народа и его языка, изящность и простота

персидского-дари языка, место этого языка в духовном мире ислама, этапы формирования языка, особенности среднеазиатского персидского языка, причины появления терминов «таджикский язык», «таджикская литература» в духовной жизни таджиков и произошедшие в связи с этим изменения в таджикском языке, политика ассимиляции таджиков и её последствия, новые названия «таджикская нация», «таджикский язык», «таджикская литература», «Таджикистан», способствующие спасению таджиков, ошибочные мнения и представления пантюркистов и так называемой «туранской теории», факторы и подоплеку изменения письма, Айни и вопросы о языке и процесс самоидентификации таджиков Средней Азии, этноним таджики как общее название всех иранцев с древних времен, борьба за принятие «Закона о языке» и объявление таджикского (персидского) языка государственным языком, роль духовных ценностей в формировании языка, основы и факторы развития национального языка, роль советской национальной политики в упадке национальных ценностей, в том числе языка, процесс разрушения языка и его факторы, особенности персидского языка Мавераннахра, устойчивость речи и письма как привилегия истории персидского языка Мавераннахра, простота, плавность и несложность, проявление меньшего интереса к арабским словам, как особенности персидского языка Мавераннахра, исторические и современные свойства языка, события девяностых годов и их влияние на реализацию «Закона о языке», возврат к классической письменности, язык фундамент существования нации, укрепление корней национального языка, обеспечение его полноправия, причины и последствия изъятия слова «персидский» из определения «таджикско-персидский язык», способы возвращения к чистому и свободному языку, признание ценности собственного языка, бережное отношение к родному языку и духовным ценностям и т.п. по его мнению, относятся к числу основных качеств человеческой и национальной идентичности, относительно которых автор предлагает пути их решения и

достижения. Его целью является влияние на мнение общества и повышение духовности людей.

В связи с этим М. Муродов отмечает: «Сегодня публицистика освещает важнейшие социальные ситуации в различных сферах жизни людей. Его главная задача – выразить и формировать общественное мнение аудитории по важнейшим вопросам современности» [71, с. 269]. Судя по краткому упоминанию вопросов, обсуждаемых М. Шакури можно понять, что он стремился получить желаемый результат от написания этих и других статей, изящно и доступно излагая свои слова и таким образом привлекая внимание общества к важным общественным источникам. Применительно к проблеме языка и национальной идентичности он прилагал усилия к тому, чтобы выявить сложные и обширные социальные процессы, и реалии, связанные с судьбой языка. Иными словами, исследователь добился создания специальных публицистических научных произведений, с помощью которых ему удалось более точно сформулировать собственную точку зрения по решению существующих проблем. В таком ключе написана и другая его статья «Национальная идентичность и национальный язык науки» [166, с. 123-133].

В то же время следует подчеркнуть, что исследования учёного по данной теме не ограничиваются только вышеуказанной особенностью, «она характерна для всех фундаментальных работ учёного» [1, с. 250]. Деятельность М. Шакури в области терминологии начинается с 60-х годов 20 века. На эту тему он впервые сделал доклад под названием «Некоторые замечания по таджикской терминологии» на общей конференции лингвистов Таджикистана (6 октября 1964 г.), текст которого затем с одноимённым названием был опубликован в газете «Маориф ва маданият» (10 октября 1964 г.). Позже он написал статью «Термины и культура речи», в которой говорилось о необходимости научного обоснования терминов и известных форм терминотворчества родного языка. Указанная статья представляет собой его первую серьёзную попытку отказаться от использования

некоторых неправильных и иноязычных терминологических моделей, не характерных для родного языка. Он уже в то время вместо грубых и режущий слух слов предложил использовать звучащие более естественно и «по-таджикски» эквиваленты: *харидкунӣ* – харид (покупка), *хатмаишқунӣ* – машқи хат (упражнение почерка, правописания), *таъмиркунӣ* – таъмир (ремонт), *тахқиркунӣ* – таҳқир (оскорбление), *амалкунӣ* – амалкард (действие), *пайдошавӣ* – пайдоиш (возникновение), *ичрошавӣ* – ичро (исполнение), *кӯҳпайдошавӣ* – пайдоиши кӯҳ (возникновение горы), *обунашавӣ* – обуна (подписка) и т.п. Он также предложил воздержаться от использования предлога «ба» в словах, имеющих суффиксы. Например, вместо *баёдоварӣ* – ёдоварӣ (вспоминание), *барӯйхатгирӣ* – рӯйхатгирӣ (составление списка), *банаворгирӣ* – наворгирӣ (снимать), *бақаламдиҳӣ* – каламдод (описание) и т.д. Он считал несовместимым с природой родного языка грубое толкование термина и считал целесообразным использовать слово *газчароғ* (*газовая лампа*) вместо лампы, зажигаемой газом (*чароғи ба газ даргиранда*), что является определением термина; *районбандӣ* или *ноҳиябандӣ* (*зонирование*) вместо ба районҳо ҷудокунӣ (разделение на районы); *навъбандӣ* (классификация) вместо деления на типы (ба навъҳо ҷудокунӣ) и т.п. Целью этих предложений М. Шакури было очищение языка, но, к сожалению, такой способ употребления неправильных конструкций и терминов можно наблюдать до сих пор в языке периодических изданий и других специализированных книг.

М. Шакури впервые решительно поднял вопрос об основных условиях устранения сложностей в области терминологии и, по сути, предложил план действий в решении проблем «основных научных принципов терминологии в таджикском языке» в статьях «Термины и национальный язык» (1996) и «Национальное самопознание и национальный язык науки» (1999-2000 гг.).

Последняя статья отображает особую научно-публицистическую концепцию М. Шакури по упорядочиванию научных терминов, их соотношения с национальными вопросами, и показывает эту концепцию как

воздействующий фактор роста национального и духовного самосознания человека. В упомянутой статье автор писал: «Сегодня Таджикистан приобрел независимость, а потому не следует забывать, что для национальной независимости необходима культурная независимость. Фундаментом национального государства по-прежнему является национальный язык, обеспечивающий его развитие и совершенствование, а создание научного языка и национальных терминов – это одна из важнейших заповедей истории. К сожалению, данная необходимость ещё недостаточно осознана в обществе и является одним из препятствий на пути социально-культурного развития и национального самосознания» [166, с. 126].

По мнению учёного, термин является зеркалом, которое меняет мышление нации, связывая его интеллект с вечными национальными ценностями. В этом контексте, он считает национальные термины действенным инструментом, подготавливающим язык к восприятию новых понятий и тем самым развивающим его. Он делает акцент на то, что для определения методов и стилей терминологии мы должны обращаться за помощью к прошлому, к своим духовным истокам, изучать прошлое, чтобы оно помогало нам продвигаться в области терминотворчества. Предвидя влияние этого процесса на национальное самосознание, совершенствования национальной идентичности, он в том числе пишет: «Есть слова, которые могут быть проводником к истине в эпоху самопознания и самоутверждения нации. Иногда одно слово, если оно используется в случае необходимости, может продвинуть самосознание людей на один шаг вперед. В персидском языке такие слова, как *фарҳанг* (культура), *дастур* (инструкция), *дабир* (наставник), *дабиристон* (школа), *девон* (канцелярия), *дафтар* (контора), *дод* (истина), *додгоҳ* (суд) и т.п. - все это исторические документы, свидетельствующие о существовании у нашего народа с древних времён важных понятий высокой цивилизации. Мы должны рассматривать эти слова как предмет гордости, дорожить ими как дорожим национальным гимном или флагом» [166, с. 127-128].

Но эти патриотические слова М. Шакури не дошли до руководителей. Поэтому в 1995 году он с грустью писал, что «20 июля 1994 года Парламент Таджикистана, изъяв слово «персидский» из определения «таджикский (персидский) язык» в названии нашего языка, принял недопустимое решение относительно родного языка. При рассмотрении текста проекта Основного Закона Республики Таджикистан были исключены такие термины, как *додгоҳ* (суд), *додгустар* (судья), *раиси Ҷумҳур* (президент), а вместо них приняты такие слова, как суд, судья, адвокат, прокурор. Те члены парламента, которые именовались представителями народа, но были далеки от национальной идеи, не подумали, что если мы исключим слово «персидский» от названия национального языка, если мы откажемся от таких подлинных слов, как *додхоҳ* (истец), *додгоҳ* (суд), *додгустар* (судья) и т.п., то частично откажемся от своего происхождения». В продолжение своей мысли писатель, как бы с целью напомнить тем, кто утратил свою идентичность и прошлое нации, добавил следующее: «Не могу удержаться от этого комментария: слово «*дод*» (истина, справедливость) употребляется в Авесте в значении закона и справедливости, то есть уже три тысячи лет существует в нашем языке. Те, кто в наши дни, в период национальной независимости, изъяли его из правовых и общественно-политических положений Основного Закона, пошли против трех тысячелетней истории» [168, с.196].

Подобные действия М. Шакури называл «примером обособленности нации и духовного воздержания» и истолковывал использование этого действия в «лексике и лексикологии» как дистанцирование от «культурных традиций общества, социального и духовного самопознания нации» [166, с.130]. Внимание и приверженность М. Шакури к этим темам и проблемам не были случайными. Он своими глазами видел трагедию «языкостроительства» и «нациестроительства», которую пережила таджикская нация под влиянием имперского мышления и пантюркизма. Он, взяв за основу усилия и идеи Айни, а также других представителей передовой интеллигенции, отдавших свои жизни за защиту языка, культуры и национального самосознания в 20-

30-е годы, хотел продолжить дело тех патриотов нации. По нашему мнению, он сделал то же самое [1, с. 168-187], благодаря своим усилиям по принятию «Закона о языке», контролируя данный процесс, защищая изящество, красоту и легкость языка, главные научные принципы терминологии и терминотворчества, возвращение к алфавиту предков, самопознанию, самосознанию и национальному языку. Все эти дела навечно сохранят его память как хранителя ценных национальных традиций и истинного патриота.

II. 2. Государство и культура

В научно-публицистическом опыте М. Шакури изучение и рассмотрение вопроса о государстве и культуре, являющегося важной частью национального самосознания, занимает особое место. Наряду с обсуждением языковых проблем, по его собственным словам, исследователь рассматривал тему государства и культуры «с научной обоснованностью и публицистическим тоном» с целью «воздействия на национальное сознание». Этот его шаг является продолжением его усилий по «разработке научной основы самопознания нации» и был серьезным шагом на пути укрепления социального, исторического, культурного, духовно-нравственного, философского и религиозного самосознания таджиков. Таким образом, он смог привлечь науку к службе в обществе.

М. Шакури считал культуру духовной пищей нации и подчеркивал, что «сегодня таджикскому народу больше всего нужна культура, а именно национальная культура, её укрепление, развитие и совершенствование. Культура речи, культура общения, этика, политическая культура нашего народа ещё находятся на низком уровне, который необходимо повышать. Древние традиции национальной культуры, некоторые из которых мы забыли, должны быть доступны молодому поколению, чтобы восстановить связь между прошлым, настоящим и будущим. Духовная связь с прошлым и настоящим придаёт человеку такую внутреннюю силу, что он может противостоять негативным явлениям западничества» [167, с.236].

В этом контексте он признаёт «право нации» на защиту культурных ценностей «равным правам человека» и подчёркивает, что для того, чтобы «применить в жизнь «Декларацию прав человека», этого исторического документа ООН, сначала должно быть установлено право нации». В защите прав и культурной самобытности нации он рассматривает государство как «средство достижения надежд и упований», и в этом подходе представляет свою уникальную научную и публицистическую концепцию признания роли и места культуры в защите и развитии национальной идентичности, а также политическую позицию государства в укреплении этого процесса, что включает в себя его новые мысли, идеи и особое учение о защите, совершенствовании и продвижении национального самосознания.

Для исследования и оценки этого вопроса деятельность М. Шакури продолжался на трех направлениях:

- а) научно-литературное (литературоведение);
- б) научно-историческое;
- в) научно-публицистическое.

Следует подчеркнуть, что статьи и работы, написанные им по этим трем направлениям, имеют глубокий научно-публицистический аспект, и независимо от времени их написания, в них поднимаются принципиальные вопросы роли и миссии государства в защите и развитии культурных ценностей национального общества, и предложены пути их решения.

Хотя М. Шакури в своем интервью Фотеху Абдулло скромно считает свои поиски «важных вопросов существования нации», частью которых является отношение государства к культуре, относящимися лишь ко «времени горбачевской перестройки» [1, с. 299], он ещё в шестидесятые годы XX века обсуждал эту тему «с научным обоснованием и публицистическим мотивом» [167, с. 23]. Такие сочинения имеют сильный социальный оттенок и являются первыми образцами «подлинной публицистической науки» (интерпретация М. Шакури – наше примечание) в истории таджикского литературоведения.

Например, в этом контексте следует упомянуть его статьи «Традиции классических мемуаров в «Воспоминаниях» Айни» (1957), «Страницы ненависти и насмешек» (1959), «Народность и мастерство» (1960) и «Современные темы и «основа» классической поэзии» (1962), в которых автор, не подчинившись полностью «академической форме» (интерпретация М. Шакури – наше примечание), приблизил эти произведения «к эмоциональным публицистическим очеркам» [139, с.8]. Эмоционально-публицистическая форма не только не уменьшила научную ценность таких произведений М. Шакури, но и усилила её социальную мощь, что является методом и основным свойством публицистики. В связи с этим, как отмечает русский публицист М. Кольцов: «идея, приходящая без чувства, интереса, образа и описания, не привлечет ничьего внимания» [49, с. 111]. Можно сказать, что основу статей М. Шакури составляют пути решения проблем и оценка национальных культурных традиций. Такого рода вопросы повлияли на общественное мнение именно из-за его эмоционального подхода и социокультурной тенденции.

В вышеупомянутых статьях исследователь-публицист, наряду с научным объяснением и оценкой использования национальных традиций написания мемуаров, ставит вопросы использования сатиры, имеющей традиционную основу, совершенствования национального искусства, национальную основу метода отображения в поэзии. Он рассматривает отношение современников к духовному и культурному богатству, в том числе к культуре речи и красноречия, а также выявляет миссию национальных деятелей культуры на примере таджикских поэтов и писателей. Эти его упоминания в то время были также направлены на восприятие руководителей сферы литературы и культуры.

Другая статья М. Шакури, которая называется «Научная деятельность Айни и самосознание таджикских тружеников» и в «эмоционально публицистическом» (интерпретация М. Шакури) ключе освещает рассматриваемый нами вопрос, написана также до периода горбачёвской

перестройки, в конце семидесятых годов прошлого века. В данной статье автор на примере научной деятельности С. Айни рассматривает национальное культурное самосознание, имеющее свои корни в истории, литературе и духовности нации, которые до сих пор не утратили своего значения и полезны в познании национальной сущности культурных и научных взглядов С. Айни. С его точки зрения, художественные произведения Айни являются отражением не только «истории общественного развития и общественно-политического сознания» того периода, но и «истории духовного развития» таджикского народа, в том числе, культуры быта, поведения, нравов, социально-политической культуры, которые в целом определяют и конкретизируют историческое и современное лицо нации [139, с. 9].

Из сказанного следует, что М. Шакури, по его собственному признанию, «в отношении вопроса о национальном самосознании», в том числе одного из его фундаментальных элементов, национальной культуре, провел «небольшой научный поиск» [1, с. 300], рассмотрев эту тему в ракурсе своего публицистического подхода относительно роли и места культуры в исторической судьбе нации. Однако обсуждаемая тема, в том числе «природа национального государства» и его роль в «создании культуры», серьезно исследовалась и оценивалась им в основном в период независимости, когда в связи с войной «положение школы, образования и культуры сильно ухудшилось». В качестве примера можно привести такие его публицистические сочинения, как: «Два двигателя таджикской культуры» (Омӯзгор. – 1989. – 29 августа), «Полноценная нация формируется из национального государства» (Чунбиш. – 1998. – №16), «Национальное государство и духовное возрождение» (Чунбиш. – 1999. – май), «Таджикская женщина славилась своей высокой культурой» (Рахшо. – 2001. – 9 февраля), «Культура - сущность нации» (Адабиёт ва санъат. – 2001. – 13 июля), «Политическая независимость и культурная независимость» (Шоҳроҳи ваҳдат. – 2001. – (№7(31)), «Государство Саманидов и сегодняшний

Таджикистан» (Фарҳанг. – 2001. – №7-12. – С. 3-9), «Некоторые аспекты проблемы наименования» (Чумхурият. – 2002. – 26 июня), «Национальная культура и родной язык в системе образования» (Чумхурият. – 2005. – 21 июня), «Где культура речи?» (интервью с Анзурат Маликзод (Адабиёт ва санъат. – 2003. – 7 марта), «Духовность и национальное возрождение», «Жизнь есть порядок духовности», «Культурная идентичность и глобализм», «Национальное государство в пространстве духовности» и т.п., вошедшие в книгу «Здесь Хорасан».

В этих статьях, являющихся образцами «подлинной публицистической науки» [168, с.24], рассматриваются и обсуждаются авторская концепция роли государства в защите и развитии самобытной национальной культуры, культурной самостоятельности, укрепления политической самостоятельности и национальной культурной идентичности. «Особенность воздействия этой серии статей М. Шакури заключается в том, что описываемые в них события являются не только результатом выводов автора из научных исследований, но и представляют собой дискуссии, проходившие на основе непосредственных наблюдений за событиями, интервью со свидетелями, сопоставления с факторами жизни общества вчера и сегодня» [74, с. 499].

Вышеупомянутые статьи являются, прежде всего, доказательством мужества и интеллектуальной силы М. Шакури на пути защиты культурной самобытности таджиков, которое было выдвинуто с беспримерной смелостью. С течением времени эти статьи проявляют его личность как человека, который никогда не уклоняется от правды, говорит и доказывает своим пером то, что является судьбоносным для нации. Такую деятельность он считал нужной, как он сам неоднократно подчеркивал, именно для того, чтобы «разработать научную основу самопознания нации», чтобы быть путеводителем сынов нации к достижению подлинной независимости. В этом контексте, он писал, что «культурная независимость ведет нацию к реальной независимости. Она наращивает её физические и душевные силы и создаёт условия для её существования» [166, с. 135].

Вопросы о культурной независимости и ответственности государства по защите этой составляющей национального самосознания он поднял в то время, когда «в Таджикистане иногда говорили о необходимости экономической независимости, даже о продовольственной независимости или о каких-то других видах независимости», но «понятие культурной независимости ещё не доходило до нашего сознания» [166, с. 135].

Статья «Политическая независимость и культурная независимость» играет основополагающую роль в понимании сущности культуры, её роли в защите национальной идентичности и укреплении основ духовности общества. Пристальное внимание М. Шакури к этой теме, не было случайным. По этому поводу А. Сатторзаде писал, что М. Шакури, как и Ахмад Дониш, Садр Зиё, Фитрат, Аджзи, Мирзо Сиродж Хаким и другие, видел «программу освобождения» нации в повышении её духовности и культуры. По мнению А. Сатторзаде, «именно эти факторы сделали М. Шакури культурологом и социологом» [1, с.77]. Сам М. Шакури скромно признавался, что «я ни в коем случае не специалист в области политологии, социологии и философии, но, поскольку знаком с историческим опытом нации, хотел высказать некоторые мысли, которые могут быть необходимы и полезны для развития национального самосознания в таджикском обществе и философско-духовном самопознании вновь созданного государства» [171, с. 6-7].

В статье «Политическая независимость и культурная независимость», о которой говорилось выше, рассматривается вопрос «философского и духовного самосознания вновь созданного государства», и тем самым автор хочет оказать содействие в формировании культурной идентичности государства и нации. Политические, социальные и культурные события в период независимости и гражданской войны, происходившие на глазах М. Шакури, дали ему пищу для размышления о лучших и новых способах понимания, исследования и оценки вчерашнего и сегодняшнего культурного состояния. Для М. Шакури, вошедшего в сферу социологии и политологии

через литературоведение и литературную критику, естественно, большое значение имели фундаментальные проблемы национального государства и культурного самосознания. По этой причине его публицистический взгляд на способ государственности и «культуротворчества» (по мнению М. Шакури - наше примечание) формировался, прежде всего, под влиянием превосходства духовности, обеспечивающим освобождение национального духа. В этом контексте, исследователь рассматривает культуру и духовность как основу существования нации и её вечного выживания, а «планирование и обеспечение культурной независимости нации» считает «одной из главных национальных задач» и подчеркивает, что «формирование национального государства происходит одновременно с формированием культурной независимости». Экономическая независимость является лишь одной из основ культурной независимости, её первичной основой, которую необходимо совершенствовать. Со зрелостью культурной независимости созревает и национальное государство. Там, где нет культурной независимости нации, нет и национального государства, которое существует при культурной независимости» [166, с.141].

Данная выдержка и в целом весь текст статьи «Политическая независимость и культурная независимость», по мнению самого М. Шакури, которое было им высказано в одной из статей о С.Айни, представляет собой «пламенную публицистическую речь» и имеет не только глубокий научно-исследовательский аспект, но и является образцом реформистской публицистики.

Появление научных и публицистических исследований М. Шакури, на примере рассматриваемой статьи и других его сочинений, в которых обсуждается вопрос государственной и культурной независимости, связано с эволюцией периода независимости. Эти исследования написаны не с чисто научной целью, а для решения важнейших политических и культурных проблем. С его точки зрения, рассмотрение и оценка этих вопросов зависят от исторической и будущей судьбы таджикского народа, а их игнорирование

было бы пренебрежением интересами народа, как сегодня, так и в будущем. Борьба с национальным нигилизмом или примиренческими взглядами, хотя и наблюдается в предшествующих произведениях М. Шакури, но в этой статье вопрос изложен очень серьезно и ясно. В данной статье и некоторых других его работах, о которых мы поговорим ниже, нет никакой разницы между общественно-политической борьбой и литературоведением, языкознанием и публицистикой. Научные исследования в руках М. Шакури служили оружием в борьбе за решение одного из главных вопросов новейшей истории нации – вопроса о создании и укреплении государства и процесса культуротворчества. Автор использовал этот метод исследования с целью воздействия на новое национальное самопознание и самосознание в качестве действенного фактора, что является выражением его смелости и значимости.

Статьи М. Шакури были опубликованы в годы, когда ускорились процессы формирования национального самосознания, культуротворчества и определения его основного содержания. Именно в эти годы усилиями его и некоторых других интеллигентов удалось правильно определить содержание национального самопознания, действий государства, и на этой основе найти правильный подход к культурной реконструкции, выработать историческое самосознание нации, основанное на понимании важнейших политических, социальных и культурных событий прошлого и настоящего.

В этом контексте учёный признает политическую независимость высшим фактором формирования национального государства и подчеркивает, что «обеспечение культурной независимости нации есть рост её человеческого облика. Все его хорошие качества, хорошие намерения и интеллектуальные способности направлены на самосовершенствование. Это счастье достигнет своего полного потенциала только в свете политической независимости. Достижение полного потенциала возможно и без политической независимости, но вряд ли она сможет достигнуть такого высокого уровня, как например, при правлении Саманидов» [139, с. 135]. Сквозь призму изучения исторической судьбы таджиков исследователь

приходит к выводу, что для достижения полной государственной независимости нельзя игнорировать исторический опыт нации. С его точки зрения, исторический опыт таджиков, особенно опыт государственности Саманидов, является доказательством того, что «культурная независимость, духовное саморазвитие нации больше всего достигается благодаря политической независимости и способно обеспечить долговечность нации. Культурная независимость нуждается в политической независимости, а политическая независимость не будет существовать без культурной независимости» [139, с. 135-136].

Нужно отметить, что политическая независимость для М. Шакури это, прежде всего, самостоятельность и принятие собственных решений государства в воссоздании национальной структуры, в том числе и культурного уклада, который гарантирует долговечность нации. В этом контексте, он определял образованность как главный фактор культурной перестройки и писал: «В сущности, национальное государство начинается с культурной независимости, но так как культурная независимость характеризуется грамотностью и школой, гуманностью образования и воспитания, то можно сказать, что национальное государство начинается с реформы образования, с гуманизации школы». В продолжение этого мнения исследователь на основе научных изысканий и точных оценок доказывает связь между становлением национального государства, культурной независимости и гуманизацией воспитания, в основе которого лежит историческая судьба таджикской нации [139, с.137-138].

В статье для того, чтобы показать основные направления культурной независимости, являющейся твердой основой национального государства, рассматриваются тяжелые удары, нанесенные таджикско-персидскому языку «после революции 1917-1920 годов». Автор указывает на два сильных деструктивных процесса, ставших фактором уязвимости национального самосознания. Первый процесс он назвал «диглоссией» и истолковал языковую классовую политику, запущенную советской идеологией, как

разрушительный фактор культурной идентичности. По его мнению, упадок тысячелетнего литературного языка и его замена просторечием «вызвали падение культурного уровня общества и укоренение малограмотности и неграмотности».

Второй негативный процесс, наблюдаемый М. Шакури, был ещё более разрушительным, который он именуется «двуязычием — билингвизмом». Он называет этот процесс, используя слова С. Айни, «разрушающим язык процессом, упоминая роль «буквальных переводов» как фактора культурного упадка и заключает, что под влиянием этих двух «исторических» процессов «диглоссии и двуязычия, красноречивый тысячелетний персидский язык, являющийся одним из богатейших языков мира, проиграл в борьбе и отступил. Точнее, его сломали социальные и политические условия того времени подготовив почву для его ослабления и разрушения» [139, с. 139-140]. Он трактует это событие как поражение нации и фактор снижения культурного уровня общества, роста деморализации, что изменило само мышление, вследствие чего нация утратила многие свои качества.

М. Шакури после анализа и оценок, сделанных им в статьях о государстве и культуре, приходит к выводу, что, во-первых, культурная независимость таджиков возможна путём реализации ряда программ, во-вторых, что разработка таких программ необходима и обязательна, и существование нации будут защищены культурой и духовностью. В-третьих, он подчеркивает, что освобождение и вечность жизни нации находится в руках национального государства. Он определяет программирование и обеспечение культурной независимости нации как одну из главных задач национального государства, а становление и развитие этого государства считает зависимыми от формирования культурной независимости. Упоминая вышеперечисленные факторы, исследователь предполагает, что достижение «духовного возрождения» должно быть конечной целью национального государства таджиков. По его мнению, «духовное возрождение следует рассматривать как суть национальной мысли и основную идею

государственности таджиков. Государство должно организовать особое общество таджикской нации, совместимое с её менталитетом нации и менталитетом традиционного общества. То есть государство должно объявить духовное общество своей главной задачей и посвятить все силы и энергию нации на построение такого общества, которое на основе культурных традиций многовековой истории народа, на принципах древней иранской цивилизации выражало бы суть бытия таджиков, в соответствии с современной мировой действительностью» [139, с. 141].

Анализ темы и поставленных вопросов данной статьи показывает, что М. Шакури наряду с глубоким пониманием своей ответственности, ставил «главную задачу публицистики и её цель» в основу своей творческой деятельности и таким образом пытался «активно воздействовать на общественное мнение». Одно из преимуществ творчества М. Шакури при написании таких статей состоит в том, что он смог тем самым «практически повлиять на различные сферы жизни». С этой точки зрения его научная и публицистическая деятельность в силу своей направленности и общественной сущности часто имеет социальную функцию и, совмещая преимущества науки и искусства, выступает как особая форма творчества, отражающего действительность.

Та же особенность отчетливо видна и в других его статьях, посвященных теме государства и культуры, как например, статья «Культурная идентичность и глобализация», которая представляет интерес во многих отношениях, а её публицистический аспект имеет конкретную социально-нравственную цель и функцию. Эта статья является серьезным шагом в направлении пропаганды и защиты национальной идентичности.

В исследованиях М. Шакури благодаря комплексному изучению и сопоставлению западного и восточного понимания глобализационных процессов выявлены их негативные стороны в контексте социокультурной реальности Таджикистана, худшая из которых – это «лишение людей их культурной идентичности» [167, с. 210]. По наблюдению М. Шакури,

«теория культурного отсутствия», это то же самое, что «теория двух культур в каждой национальной культуре». Вторая теория, предложенная В. И. Лениным, ставит своей главной целью лишить людей их культурной идентичности, чтобы они могли как можно скорее обеспечить «мировое единство».

М. Шакури считает этот процесс противоречащим человеческим стремлениям и пишет, что «ЮНЕСКО в своей всеобщей декларации, вопреки общечеловеческой теории национального единства культуры, подчеркивает необходимость сохранения разнообразия каждой национальной культуры. ЮНЕСКО подчеркивает, что культура состоит из совокупности специфических характеристик общества или социальной группы, из совокупности его духовно-материальных, интеллектуальных и физических свойств, а помимо искусства и литературы существует ещё и «образ жизни», т.е. «способность к сосуществованию», которая включает в себя систему ценностей и убеждений. Стабильность комплекса факторов, образующих идентичность, укрепляет основы существования нации». В этом свете он рассматривает коренные традиционные факторы идентичности как причины создания национального культурного фундамента и основы культурного единства нации. При таком подходе путём обширных исследований автор последовательно перечисляет ущерб, который XX век нанес национальной культуре народов. Он на основе фактов доказывает, что теория индивидуальной, отдельной культуры для достижения глобального единообразия, вернее, для подготовки почвы для достижения единообразия с народами Запада постепенно разрушает национальное чувство, национальную гордость и вообще национальную идентичность» [139, с. 211].

М. Шакури оценивает процесс глобализации в Таджикистане как негативное явление, выражая обеспокоенность тем, что так называемые «заимствованные элементы формирования идентичности», охватывая сферы этики и языка, наносят ущерб структуре национальной культуры. Одним из

таких элементов, по его мнению, является политика национального раздора и духовного раскола.

М. Шакури считает чуждую культуру деструктивным фактором национальной идентичности и делает вывод, что «если ею затронут один человек, от неё не смогут избавиться несколько поколений его потомков» [139, с. 213]. Это мнение М. Шакури возникло на основе действительности. Учёный рассматривал и другие явления, в том числе отсутствие национального образа города Душанбе в его время, недостаток новых проектов, состоящих из элементов таджикской национальной архитектуры, отказ от традиционного стиля таджиков. Все эти явления он считал путём к лишению их национального образа, привлекая внимание государственных чиновников к возрождению традиций древнего градостроительства, что является частью элемента национального самосознания и культурной идентичности. То есть в данной статье слова автора напрямую направлены властям того времени, в надежде, что ключ к решению культурных проблем находится в руках государства. Он резюмировал свой вывод по данному вопросу следующим образом: «Национальное государство во все века основывается на национальной мысли, и его историческая миссия состоит в том, чтобы подготовить основу для долговечности нации. В частности, на таких территориях, как Мавераннахр и Хорасан, издревле являющихся пространствами духовности, национальное государство, укрепляя духовный стержень существования нации, выполняет последовательно возникающие исторические задачи, стремится защитить культурную идентичность нации, и побуждает нацию к достижению исторической цели».

В результате М. Шакури приходит к выводу о том, что государство ответственно за духовное развитие человека и совершенствование его деятельности. При этом обеспечение духовной деятельности человека, подготовку материально-технической базы, развитие духовной и материальной культуры, к числу которых относятся школа и образование,

наука и искусство, литература и язык, профессия и ремесло и т. п. он считает целями государственной стратегии.

М. Шакури во многих своих статьях, посвященных проблеме духовности и культуры, говорил именно о миссии государства и в этом ракурсе представил своеобразную теоретическую и практическую концепцию государства. Как отмечает М. Б. Муроди, «М. Шакури подходит к вопросу с социально-политической точки зрения, акцентируя внимание на природе национального государства, его миссии и задачах, основаниях формирования такого государства у таджиков. Он принимает во внимание внутренние и внешние факторы формирования такого государства, отношения между религией и государством, общую реформу высшей и средней школы и т.п., тем самым подчеркивая, что национальное государство есть высшая ступень государственности» [74, с. 499 - 450].

К этому мнению можно добавить, что с точки зрения М. Шакури обязанность государства заключается не только в защите национальных интересов и в достижении конечных национальных целей страны, но также «существуют и другие условия (читай «обязанности» - примечание наше)». Учёный последовательно называет условия, которые состоят во взаимосовместимости государства с идентичностью и менталитетом нации, с историческими особенностями её культурного и социально-политического развития, с важнейшими национальными традициями. Его вывод по данному вопросу таков: «Государство, основанное по существу на национальной идентичности и находящееся в соответствии с национальным менталитетом, является национальным государством, и в этом случае оно должным образом выполняет свои национальные обязанности. Если государство не совместимо со спецификой духовного бытия нации, оно не может правильно выполнять свою историческую миссию. Национальная сущность есть сущность государства» [168, с. 344].

Следует заметить, что создание национального государства является одним из важных вопросов, которые серьезно выдвинуты в научных и

публицистических работах М. Шакури и составляют особую концепцию его теоретических и практических взглядов. С учетом достижения Таджикистаном государственной независимости, он считает этот вопрос определяющим для настоящего и будущего страны, и в этом смысле сохранение и возрождение историко-культурного менталитета и формирование национального самосознания считается одним из факторов, влияющих на развитие национального самосознания и самопознания, а культурная независимость является средством становления и развития национального государства. Причина, по которой автор занимает такую позицию в признании национального государства и его миссии, заключается в том, что, хотя Таджикистан и приобрел свою независимость, но с момента этого события прошло много лет и, по его мнению, национальное государство ещё полностью в стране не сформировалось. Причину этого М. Шакури видел в колониальных условиях, которые не позволяли созреть политическому сознанию таджиков, развиться их политическому мышлению до достаточного уровня.

Такое положение дел привело к тому, что ни один из типов общественного и духовного сознания в таджикском обществе не нашел достаточной основы для развития, а национальное самосознание осталось в состоянии не дозрелости, не созрела сама таджикская национальность, в том числе и политическая культура. Он рассматривает гражданскую войну как ещё один фактор, замедливший процесс формирования национального государства. По этой причине одной из первых задач он считает создание в Таджикистане нравственно устоявшегося национального государства. М. Шакури подчеркивает, что «таджики на пороге XXI века нуждаются в большем, чем некоторые другие постсоветские народы для того, чтобы, иметь национальное государство», поскольку, по его мнению, «полное формирование государства будет возможно при укреплении национального государства, а нацию, ещё не имеющую своего государства нельзя считать полноценной нацией. Вот почему создание национального государства есть

одно из важнейших условий существования и развития нации, а бытие нации, не создавшей для себя дееспособного государства, подобно полусуществованию» [168, с. 339].

М. Шакури, размышляя о национальном государстве, считал соотношение нравственного и экономического факторов условием полного раскрытия потенциала государственного сознания, подчеркивая, что государство «никогда не должно считать строительство предприятий более необходимым, чем строительство библиотек». По его мнению, «принесение в жертву нравственных интересов экономической выгоде с целью предотвращения экономического ущерба равносильно тому, что от злобы сжечь шубу ради одной блохи» [168, с. 350].

Подобно тому, как он исследует отношение к национальной культуре в связи с культурными традициями, указывая на разницу между национальными взглядами и западничеством, он также обсуждает методологические отличия таджикского государства от западных стран. В ключе сравнительного исследования он напоминает об опасности вымирания наций на Западе и считает национальное государство ответственным за предотвращение этой опасности. Один из способов предотвращения исчезновения нации или утраты её национальной идентичности, по его мнению, состоит в том, чтобы держаться подальше от «универсальной культуры» Запада. По его словам, эта культура является «культурой науки и техники, а не духовности». Однако, по его мнению, для общества этого недостаточно. Для человека и общества, прежде всего, он считает необходимым существование духовной культуры как фактора защиты духовно-культурного бытия нации и личности, ибо сущностью человеческого бытия являются духовность и культура. Его вывод в этой главе состоит в том, что «мы, то есть те, кто формирует сегодня новое таджикское общество, должны помнить о том, что не следует брать пример с «общей культуры» Запада. На Западе тоже есть высокая духовная культура, которой мы должны учиться. Новообразованное государство таджиков

должно иметь национальные особенности, т.е. иметь духовную основу, вести общество к высшей духовности и защищать нацию от губительных для духовности тенденций современного мира» [168, с. 353].

М. Шакури считает защиту национальной культуры и языка от вторжения чуждой культуры долгом и одним из национальных интересов, которые требуют от государства учитывать этот процесс при регулировании своей политики. По его мнению, культурная политика государства должна вывести духовный прогресс нации на определенный путь, обеспечить её историческое наследие и естественное развитие. Система государственного управления основана на духовности, а политика должна приобрести духовную сущность во всех сферах. Эта тенденция делает процесс развития материально-научной (материально-технической) базы максимально подчинённым духовным потребностям и желаниям человека, что является одной из причин долговечности и развития национального государства.

В годы, когда М. Шакури в своих статьях высказывал подобные мнения о роли государства в защите культурной идентичности нации, таджикская публицистика ещё не вышла за рамки стереотипов. Он раньше других своими взглядами стал разрушать подобные стереотипы, выражать недовольство состоянием публицистики в начале 80-х годов прошлого века и писал: «Публицистика - одна из оперативных и воинственных жанров, которая должна быстро реагировать на новые требования жизни. Поэтому обычно круг её тематики и проблем обновляется и совершенствуется быстрее, чем другие жанры, по крайней мере, он включает в себя некоторые из последних крупных событий действительности. Но мы редко видим это в некоторых аспектах таджикской публицистики. В этом смысле таджикская публицистика отстает от развития времени. Она до сих пор не участвует в решении некоторых новых, но более важных вопросов в жизни нашей республики, либо участвует неудовлетворительно. Это следует признать одним из серьёзных недостатков публицистики» [138, с. 12-13]. Несмотря на то, что публицистика не является жанром, а «подобно науке и литературе,

представляет собой отдельную область творчества, и цель её - точное и реалистическое отражение фактов и событий» [113, с. 144], эти мнения М. Шакури можно считать эволюционными.

Такое реалистическое и профессиональное знание публицистики дало ему возможность в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века и в период независимости выйти на передний план с новаторской публицистикой и с этой позиции освещать вопросы национального самосознания. Он не только изучал различные аспекты темы национального самосознания, но в своих научных трудах, в том числе и в своих критических статьях, по его собственным словам, излагал научные «дискуссии, мнения и выводы» «не с академическим самосознанием, а публицистическим методом» [138, с. 14]. Такой подход в таджикской публицистике было новым методом, главной целью которого являлось пробуждение читательского мнения, воздействие на общественно-культурную среду и официальные круги. Таким образом, публицистические мысли М. Шакури обобщаются вокруг вопросов национального самосознания - государства и культуры, где можно выделить несколько моментов:

а) национальное государство и культурная независимость в научно-публицистической концепции М. Шакури составляет основу существования нации, обеспечение культурной независимости, которая является одной из главных задач национального государства;

б) по признанию М. Шакури - проблема культуры, основная тематическая составляющая национального самосознания, национального освобождения и обеспечения продолжения исторического существования таджикского народа, а государство играет ключевую роль в формировании и решении проблем в этой сфере;

в) в своих публицистических статьях М. Шакури путём глубокого научного анализа доказал, что только национальное государство с

созидательной культурой может укрепить существование нации и сохранить её извечную идентичность;

г) вывод учёного заключается в том, что только культурная независимость приведёт государство и нацию к изначальной независимости и защитит её национальную и человеческую идентичность на протяжении истории и времени.

II. 3. Религия и нация

Другой вопрос, который рассматривался в публицистике М. Шакури, это проблема национального самосознания и религии. Освещение и оценка этой темы в таджикской публицистике отличаются одинаковыми подходами и формировались под влиянием советской идеологии, считавшей религию опиумом, т.е. ядовитым течением, и «высшим» образцом этого можно считать повесть Ф. Мухаммадиева «На том свете». В этой повести и подобных ей произведениях «действительно также много говорилось о защите и оправдании (реабилитации) культурного наследия нашего народа» [44, с. 66], но в то время, да и впоследствии, проблема соотношения религиозной и национальной идентичности не была важна для публицистов и таджикского общества. Лишь с началом демократических процессов, начавшихся в Таджикистане в девяностые годы XX века, а также обретением политической независимости Республикой Таджикистан взгляды на взаимоотношения религии и нации несколько изменились.

Именно в этот период «было построено и вновь открыто столько мечетей, медресе и духовных школ, сколько не было построено и открыто за всё время советской власти» [100, с.106].

Кроме того, в девяностые годы прошлого века и последующий период независимости республики значительно возросло внимание к религии как элементу национального самосознания, а потому развернулась активная дискуссия о соотношении религии и национального самосознания, которая продолжалась до 2015 года. Эта дискуссия обострилась в период военно-

политического конфликта в Таджикистане, особенно на почве соотношения светскости и духовности.

Мухаммаджон Шакури был одним из тех, кто в этот беспокойный период обратил внимание на дискуссию о соотношении религиозного и национального самосознания, написав такие статьи, как «Национальное государство на территории духовности» (1997-1998), «Нация, Родина, вера незаменимы» (1997), «Одноязычный мир стал неспособен к многообразию» (1997), «Национальное государство и духовное возрождение» (1998) и другие, научные, исторические и публицистические ценности которых не снижаются с течением времени. Эти работы носят глубокий публицистический характер и определяют общественную активность автора в познании процесса политических и социальных реалий XX века и периода независимости, соотношения национального и религиозного самосознания как одного из его аспектов. Отличие таких публицистических статей М. Шакури от чисто научных трудов заключается в том, что они рассчитаны на «широкий круг читателей и публики, и по этой причине популярность, составляющая его часть, повлияла на языковую структуру, стиль и выбор материала. Автор публицистической статьи не только опирается на логику доказательств, но и широко использует средства эмоционального воздействия. Свою задачу он видит в том, чтобы убедить читателя, пробудить в нём дух и направить на совершение действия. Такие условия не могут не сказаться на структуре публицистической статьи. Его соразмерность направлена не только на фиксированное выражение смысла, но и на пробуждение у читателя чувств радости, ненависти, сожаления, строгости и т.д.» [См.: 51, с. 4]. Исследования и контент-анализ доказали, что статьи М. Шакури на тему национального самосознания и его совместимости с религией вполне соответствуют содержанию и структуре этого жанра, которую отметил П. С. Карасаев, определяя и конкретизируя суть его изысканий в этом направлении.

Когда М. Шакури сконцентрировал своё внимание на рассмотрении этой темы, в таджикском обществе существовало два распространенных взгляда на проблему соотношения религиозного и национального самосознания. Согласно А. Сатторзаде, одно из этих воззрений было распространено «среди благочестивых людей, в том числе лидеров религиозных и политических групп, а другое - среди светской интеллигенции, лидеров политических партий, демократических групп, национальных патриотов» [100, с. 105-107].

Как известно из событий 90-х годов прошлого века, на первый взгляд, их поддержали в основном представители религиозных кругов. Взгляды этой группы основывались на том, что религиозное самосознание предпочтительнее национального, а быть мусульманином выше, чем быть таджиком или представителем другой нации.

Сторонники второй точки зрения признают религию одним из столпов национальной культуры и рассматривают религиозное самопознание как одну из составляющих национального самосознания. С точки зрения этой группы, национальное самосознание включало в себя и другие виды самопознания, в том числе научное, общественное, политическое, литературное, художественное и тому подобное. Мнение этой группы заключалось в том, что религия и религиозное мышление могут быть встроены в рамки национального мышления, но не наоборот. Сторонники этой точки зрения считали рамки религии ограниченными для национального мышления.

Подобные идеи и позиции по проблеме соотношения религиозного и национального самосознания в таджикском обществе 1990-х годов породили два противоречивых мнения, что имело воздействие на кризисные процессы политики, экономики и культуры того периода.

Сторонники первого мнения считали, что путь к спасению таджикской нации и её государства заключается в том, чтобы следовать учению ислама, работать, жить и править на его основе. Последователи этой точки зрения считали ислам единственной силой и идеологией, удовлетворяющей

духовным потребностям таджикского народа. Эта группа также рассматривала демократический метод как продукт социальной и политической культуры Запада, и считала его чуждым и вредным для исламского общества.

Приверженцы второго мнения интерпретировали демократические структуры как фактор спасения страны от политического, социального и культурного кризиса и считали, что выборная особенность государственного устройства, управленческого метода и идеологии, влияющего на этот процесс, принадлежат народу.

Эти два взгляда и позиции были одним из факторов, побудивших М. Шакури думать об исламе и взаимосвязи между религиозным и национальным самосознанием, а также представить свою уникальную теоретическую и практическую концепцию. Статья «Национальное государство в сфере духовности» является одной из его важных первых работ на данную тему, в которой ставится «один из важнейших вопросов государственности — взаимоотношения между государством и религией» [168, с. 355].

Из содержания статьи и раздела, в котором обсуждается вопрос о взаимоотношениях государства и религии, отчетливо видно, что перед написанием статьи автор внимательно изучил исторические, общественные и культурные документы, ход событий, и подбирал материал таким образом, чтобы статья отражала не только общественно-историческую ситуацию, но и запечатлела эмоциональную картину событий и ситуаций. Такой взгляд усилил публицистическую сторону его статьи, цель которой состояла в оказании влияния на общественное мнение и определении правильной и реальной позиции во взаимоотношении государства и общества к религии. Ещё одно преимущество этой и других статей М. Шакури, в которых обсуждается рассматриваемый вопрос, заключается в том, что автор, поднимая главный вопрос, не скрывает своих надежд на результат такого обсуждения. Так как он знает, что его усилия, прежде всего, направлены на

«разработку научных основ самопознания нации», особенно религиозного и национального самопознания. Эта цель приводит автора к общему выводу, отличающемуся от мнения «религиозного сообщества» и «светской интеллигенции» (А. Сатторзаде). Он совершенствует оба взгляда и возводит понятие религиозного самосознания как одного из составных частей национального самосознания. Это, по его мнению, является «одним из важнейших элементов вопроса о существовании нации, особенно таджикской нации» и выдвигает решение о «взаимосвязи религии и государства с исторической действительностью, с учетом современного мирового опыта» [168, с. 355].

М. Шакури поднял вопрос религиозного и национального самосознания в таких направлениях, как: а) нация и вопрос национального самосознания в исламе; б) соответствие религиозного и национального самосознания; в) национальные интересы и религиозные ценности. В рамках этих направлений, делая экскурс в историю взаимоотношений государств и наций, учёный показывает их различные аспекты, что имеет не только пропагандистское значение, но также раскрывает подходы и сущность взаимодействия религий и наций. В процессе подробного рассмотрения он отмечает, что на Западе религия отделена от государства. Ей как-бы не отводится место в политической системе общества, но в любом случае жизнь, в том числе и политическая, не может протекать без участия религии. Исследователь вспоминает историю борьбы с религией в советской стране и отмечает подъем «атеистической воинственности на уровень государственной политики как акт отрицания религии государством. С его точки зрения, имеющей под собой реальную основу, «положение религии в третьем мире также различное, во многих случаях религия активно участвует в политических усилиях и национальных движениях Азии, Африки и Латинской Америки, занимает ключевое положение в политической системе некоторых стран, а теперь в Азии созданы несколько исламских государств» [168, с.355].

Таким образом, М. Шакури определяет религию как великую созидательную силу и фактор свободы людей и наций в сфере духовности, и по этой причине считает её одной из главных частей национального вопроса, конкретизируя её положение в «странах иранских народов» со времён зороастрийцев и до наших дней. Его вывод таков, что религиозное мировоззрение объединяет нацию как общий исторический опыт и общий исторический смысл в рамках духовного и национального самосознания.

Объясняя и оценивая проблему национального и религиозного самосознания, используя методы гласности, открытости и решимости, основанные на исторической действительности, М. Шакури направил все свои интеллектуальные силы на определение духовной роли религии в судьбах нации. Этот метод исследования и свободного выражения мнений, по его словам, удвоил «социальную силу» его произведений и усилил их духовное влияние на общественное мнение, что выражает его научную и человеческую позицию в осознании вопроса национального самосознания и его фундаментальной связи с религией. Вывод учёного о месте религии в судьбе нации резюмируется следующим образом: «В Таджикистане даже в XX и XXI веках ислам является мощнейшим фактором, способным создать единство нации и единство общества. Ни одна из других общественно-политических сил в нынешнем таджикском обществе не обладает такими возможностями для создания сплоченности и единства народа и национального единства». М. Шакури в подтверждение своего мнения приводит следующее мнение политолога Абдулгани Махмадазимова: «Ислам - это не только религиозное учение, но совокупность политических и правовых учений, нравственных норм, ценностей художественной культуры и т.д., и дает ответы и решения важных вопросов традиционного исламского общества» [См.:168, с. 356].

Наряду с определением места религии в политической и общественной жизни таджиков, исследователь считает её одной из важнейших форм выражения национальной культуры. По его мнению, специфика

национальной культуры выражается в характере религии и обычаев нации, и, наоборот, реальная сущность религии и обычаев нации определяет характер её культуры. Вывод М. Шакури по этому поводу состоит в том, что «религия и национальная культура неразделимы. Эти два понятия взаимообусловлены и исходят друг из друга. Развитие и совершенствование религии и культуры тесно связаны друг с другом. Поэтому отношение государства к религии является выражением отношения государства к национальной культуре. Государство, являющееся опорой религии, будет опорой нации и национальной культуры» [168, с. 356-357].

Из всего сказанного по данному вопросу следует, что М. Шакури является одной из редчайших личностей, которая в чрезвычайно сложный период истории Таджикистана, когда политические, научные и культурные круги в вопросе о признании религии и её взаимосвязи с судьбами нации разделились на многочисленные группы, проявил индивидуальную позицию, выразил собственную точку зрения в познании и оценке этого элемента национальной идентичности. Он определяет сущность религиозного и национального самосознания, высказывает своё мнение о поверхностных и односторонних взглядах, высказываемых в различных кругах о религии и её интеграции с судьбой нации. При таком подходе его научно-публицистическое исследование носит объективный и перспективный характер и направлено на определение содержания и сущности исторической и духовной связи религии и нации на протяжении всех времён.

М. Шакури благодаря глубоким исследованиям и аналитическим умозаключениям считал необходимость сотрудничества политической и религиозной власти необходимым условием развития страны и пришел к выводу, что если религия и политика объединятся, то человеческие основы общества будут более развиты и стабильны. Религия направляет государственных деятелей к социальной справедливости, политики поддерживают религию и государство, чтобы справедливость и гуманность имели прочные корни. В этих выводах исследователь опирается на историю

и для подтверждения своего мнения цитирует слова Низомулмулка о том, что царь должен быть «другом религии и врагом угнетателей». Он подчеркивает, что «мы, таджики, должны строить общество, не противоречащее законам нашего исторического развития. Таджикское государство должно с самого начала полностью очиститься от остатков атеистической большевистской государственности, чтобы иметь возможность успешно выполнять свои исторические задачи. Особенно в начале работы, в нашей восточной стране, установление только демократии и правовой базы не достаточно, только ими мы не достигнем желаемой цели. Духовные достижения каждого общества на Востоке достигались при укреплении связи между государством и религией» [168, с. 359].

Если учесть, что М. Шакури высказывал такие дальновидные мысли и идеи в беспокойные периоды страны и многообразия взглядов относительно статуса религии в обществе и её интеграции в национальное самосознание, то без сомнения, это был смелый поступок, хотя по понятным причинам многие его стремления на этот счет не были реализованы. Он был уверен, что если будут совместимы религиозное самосознание с национальным самосознанием, другими словами, религиозные чувства и мысли таджиков будут соединены с патриотическими и национальными чувствами и стремлениями, то в обществе будет создана благоприятная основа для выполнения социальных, политических, культурных и демократических задач.

К сожалению, действительность отношения к религии за последние пятнадцать лет приобрела иную сущность, а потому мысли и стремления М. Шакури о совместимости религиозного и национального самосознания были подвергнуты сомнению, доказательством чего является следующий вывод А. Сатторзаде: «В этом споре правда на стороне тех, кто признаёт превосходство национального самосознания над религиозным самосознанием. Это повод для радости, что в Таджикистане такое понимание

является привилегированным и заслуживает того, чтобы его изучали и продвигали» [100, с. 119].

В свете таких умозаключений, особенно ставших популярными сегодня в социальных сетях, статья М. Шакури «Нация, Родина, вера незаменимы» по-иному ставит вопрос о совместимости и взаимосвязи религиозного и национального самосознания. По его мнению, нейтралитет и равнодушие к судьбе религии и её положению в национальном таджикском обществе приносит нежелательные результаты, одним из которых является склонение «доверчивых таджиков» в другие религии под влиянием пропагандистов из восточных и западных стран. На основе реальных документов исследователь упоминает склонение таджиков в веру бахаистов, баптистов, адвентистов седьмого дня, православных, католиков, лютеран, новоапостолов и т. д., считая это «делом нежелательным и неправильным действием», добавляя, что «всё это противоречит интересам нации и ведет к её распаду» [168, с.384].

В своей статье учёный для того, чтобы убедить читателя в ценностях и роли исламской религии в таджикском обществе на протяжении веков, выдвигает религию как неоспоримый факт для достижения национальной цели, социальной свободы и божественной истины в период независимости.

Из анализа и оценки статей на эту тему, написанных М. Шакури, известно, что при создании подобных произведений он учитывал «публицистический аспект», находящийся «в числе важнейших особенностей» этой сферы, и усиливал её эмоционально-мыслительную сторону, принимая во внимание объективную основу и рациональные научные выводы. В таких статьях учёный использовал прямой приём обращения к читателю, как «Дорогой!...», «приглашаю молодых таджикских интеллектуалов...» и тому подобное, только с целью повышения публицистического аспекта статьи, являющегося выражением его искусства в познании и оценке общественно-политической действительности, особенно в вопросе совместимости религиозных ценностей с самосознанием нации.

В другой его статье «Мир не будет единым из разноцветья», опубликованной в номере газеты «Љумхурият» от 5 июля 1997 года, также затрагивается проблема склонения таджикского народа в сторону разных религий, рассматриваются пути предотвращения этого разрушительного явления и верности национальным ценностям, что является своеобразным публицистическим предупреждением обществу страны.

Следующее обращение автора ещё яснее выражает суть его мыслей и мнений в этом плане: «Я не призываю государство Таджикистан препятствовать распространению других религий, запрещать новые иностранные религиозные организации. Нет, у меня нет такого намерения. Считаю, что государству необходимо поддерживать и укреплять традиционную религию таджикского народа, исповедующего ислам, не признавать и ограничивать деятельность новых религиозных организаций, которые управляются из-за рубежа и направлены против ислама, против единства нации и целостности нашей страны, а в случае необходимости, принять против них меры» [165].

Он призывает молодых таджиков не склоняться в сторону новых религий и сект, не поддаваться на подстрекательство религиозных пропагандистов других стран, не отворачиваться от ислама, так как сегодня в Таджикистане отход от ислама разрушает духовную основу существования человека в ущерб нации и стране.

Неоднократно поднимая эту тему, автор статьи ещё раз привлёк внимание общественности и государственных деятелей к судьбоносному для нации вопросу интеграции религии в национальное государство. Автор, ставя во главу угла интересы нации, пытался донести до читателя реальность ситуации, учесть стандарты, удовлетворяющие потребностям общества, и активизировать силу масс для осознания долгосрочных интересов нации. Помимо этого, основной целью научной и публицистической пропаганды М. Шакури является распространение правильных научных взглядов в обществе, и на примере рассматриваемой статьи можно увидеть своего рода

предупреждение автора о возможности возникновения прогнозируемых трагедий, что создаст препятствие для защиты национальной идентичности. Также автору удалось через научно-теоретические воззрения исследовать и конкретизировать основания и факторы препятствий развитию национального самосознания и его соотношения с религиозным самосознанием, что является одним из приоритетов его научно-теоретических и публицистических воззрений.

Из анализа и изучения статей М. Шакури следует, что он часто методом выразительности побуждает читателя к размышлению и входу в свою творческую лабораторию. М. Шакури свою главную цель в процессе написания статей на эту тему выразил так: «Мы решили сначала рассмотреть два аспекта вопроса самосознания – вопросы духовности и языка, которые, на наш взгляд, являются важнейшими составляющими национального существования для таджикского народа» [168, с. 25].

Из приведенного отрывка видно, какую цель преследовал М. Шакури в процессе создания подобных статей. «Научная обоснованность», «национальное самосознание», «публицистический тон», «социальный тон», «самобытная публицистическая наука», «научная основа национального самосознания», «нация, родина, вера», «религиозно-национальное самосознание» являются ключевыми словами таких его статей.

Строки статей, написанных М. Шакури на тему взаимоотношения между религией и нацией, полны истины и направляют общественное мнение, оказывают влияние на его трансформацию. При этом цель автора - проследить практические результаты религиозного отступничества и склонения к иноверию, разрушающего национальную идентичность. Хотя эти две цели, которые ставил перед собой автор при написании статей, не были полностью выполнены. В то же время цель публициста М. Шакури заключалась в изменение читательского мнения, и она была достигнута, его статьи в этом отношении уж точно оказали влияние на социальную среду.

В частности, после публикации статьи «Нация, Родина, Вера незаменимы» некоторые религиозные центры были закрыты, что является результатом влияния автора. Таким образом, преимущество этих статей состоит в том, что они влияют на мышление читателя и в то же время создают практические результаты. Несмотря на это, опыт М. Шакури является отражением другой истины: когда чисто национальные интересы и расчеты правящих кругов расходятся или противостоят друг другу, желаемая цель может быть достигнута только посредством выражения мнения в форме социального действия. В период, когда публиковались такие статьи, в таджикском обществе принимались и реализовывались не каждая идея и предложение. С этой точки зрения, хотя большая часть его патриотических устремлений осталась на бумаге, нельзя не учитывать их влияние на умы общественности. Например, после публикации упомянутых выше статей М. Шакури государственный исламовед Муродулло Давлатов упомянул о «национально-исламском самосознании таджикской нации». Он подчеркнул, что «исламская религия является основой самосоздания мусульманских наций» и «таджикская нация всегда должна быть близка к религии ислама», искать и находить в ней свою безопасность и независимость». В продолжение этой дискуссии он добавляет, что «религиозное (исламское) самосознание считается частью национальной идентичности» (Чашмандоз.– 2000.–№1).

Как видно из этого высказывания, то, что М. Давлатов выразил в качестве своего концептуального мнения, М. Шакури говорил об этом четыре года назад, что было нами рассмотрено выше.

Итак, одна из причин отсутствия единого понимания религиозного и национального самосознания в нашем обществе состоит в недостатке общего и непротиворечивого понимания данного вопроса. В связи с этим М. Шакури, пришёл к такому выводу: «Ислам является национальной религией таджикского народа. Естественно, что исламские ценности, являющиеся одним из важнейших столпов духовности нации, будут участвовать в

гуманизации образования и воспитания, в воспитании человека и нравственности, в формировании мировоззрения народа» [168, с.408].

Таким образом, из анализа и оценок видно, что для М. Шакури религия и нация является элементом национального самосознания и одним из важнейших вопросов государственности. С точки зрения учёного, религия также является важной частью существования нации и национального самосознания, а совместимость религиозного и национального самосознания создаёт условия для интеграции и прогресса. С позиции М. Шакури, национальные интересы и религиозные ценности обеспечивают основу для быстрого слияния национального самосознания и реализации национальных интересов, устраняют все виды дискриминации и сомнений.

Этот своего рода призыв является общим изложением мнений М. Шакури по этому вопросу: «Нация, Родина, Вера - незаменимы. Родина, нация, религия – сакральные понятия, высшая ценность, которые ничем не заменить. Необходимо крепко и твердо их выстоять» [168, с. 388].

ГЛАВА III. ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В ОТРАЖЕНИИ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

III 1. Роль интервьюера в раскрытии реальной сути вопроса.

Полемика, дискуссия (острый спор), дебаты, диалог и интервью — похожие термины, каждый из которых имеет специфическое употребление в рамках двусторонних социальных отношений. При этом в периодической печати *интервью* является основным инструментом журналиста и репортера. Интервью не является ни полемикой, ни дискуссией, ни дебатами и ни диалогом. По мнению специалистов данной сферы, «интервьюирование представляет собой сложное и элегантное искусство и науку, занимающую особое место в общей методологии гуманитарных и социальных наук» [119, с. 14]. Специально для журналистов, репортеров и представителей науки, литературы и культуры, будь то интервьюер или интервьюируемый, интервью является важным средством выражения своих мыслей и чувств, знакомя читателя или слушателя с производящим впечатление материалом или проблемой. Будучи инструментом оперативной информации, его важнейшей целью является сбор информации, информирование, осведомление, комментирование и побуждение.

Интервью является одним из информационных жанров и широко используется в периодической печати, особенно в рассматриваемых в нашей работе изданиях. Исследователи сферы выражают различные мнения об этом информационном жанре. В частности, профессор И. Усманов утверждает, что «В жанре, называемом интервью, участвуют не менее двух, иногда несколько человек. Обычная модель включает в себя беседу между двумя людьми. Один из этих двух или более человек определенно является журналистом. Журналист задает вопрос, а собеседник отвечает» [114, с. 50].

Профессор М. Муроди дал следующее определение интервью: «Беседа журналиста с видными членами общества по разнообразным общественным вопросам и темам времени, которая проходит в форме вопросов и ответов, и

предназначена для трансляции в средствах массовой информации, которую можно назвать интервью» [69, с.107].

Важнейшим признаком жанра интервью является субъективность выражения мнения. Основу текста составляет речь интервьюируемого (собеседника), отражающая уровень его знаний и мышления. Журналист должен найти такого человека, заставить его говорить и через различные вопросы получить ответы на поднимаемые им вопросы.

Главное требование к интервью – умение его организовать и задать правильные вопросы, что помогает получить желаемые ответы. В журналистской деятельности интервью понимается двояко. С одной стороны, это метод получения информации, с другой стороны, это самостоятельный информационный жанр. В этом отношении Дж. Мукич отмечает, что «интервью является ещё и методом получения информации» [64, с. 4]. Но все ли опубликованные интервью соответствуют целям интервью в одинаковой степени? Конечно же, ответ на этот вопрос является отрицательным. Однако есть интервью, которые интересны тем, что отражают важные обсуждаемые вопросы и играют значительную роль в воздействии на общественное мнение. В таких интервью интервьюируемый и интервьюер играют ключевую роль, и его успешное завершение зависит от их интеллектуальных, эмоциональных, социальных и культурных способностей. По этой причине, в данной главе нашего исследования мы сочли необходимым выделить роль интервьюируемого в отражении и раскрытии сути вопроса, то есть национального самосознания в плане интервью, взятых у М. Шакури и опубликованных на страницах периодической печати.

Интервьюеры и интервьюируемый (М. Шакури) в большинстве опубликованных в разные годы интервью использовали метод, который можно назвать чётким интервью. Из таких интервью видно, что интервьюеры подготовились к интервью благодаря своему интеллекту и способности обсуждать тему, задавать неповторяющиеся, необычные вопросы и собирать необходимую информацию, чтобы извлечь из информации ценные моменты

и опыт, хранящиеся в сознании интервьюируемого. Позиция интервьюера в этом виде интервью зависит от нескольких факторов: во-первых, от предварительной подготовки интервьюируемого; во-вторых, его осведомленности о теме; в-третьих, специальные навыки создания коммуникативного и интеллектуально-эмоционального воздействия на интервьюируемого и в этом процессе создания у него доверия в атмосфере интервью и его результате; в-четвертых, проведение интервью в таком стиле и манере, которая нравится интервьюируемому или, по крайней мере, заставляет его чувствовать себя ответственным; в-пятых, управление процессом интервью и не допущения вспыльчивости интервьюера. Итак, если интервью происходит таким образом, можно надеяться, что интервьюер и интервьюируемый будут контролировать атмосферу интервью в соответствии с поставленной задачей [132, с. 162].

Большинство интервью, которые давал М. Шакури различным журналистам с восьмидесятых годов прошлого века и до конца своей жизни, отвечают требованиям жанра интервью, в которых поднимаются важные литературные, научные, культурные и социальные вопросы. Между тем существует большое количество интервью, которые прямо или в связи с другими вопросами поднимали проблему национального самосознания. Особенно после обретения страной независимости было опубликовано много таких интервью.

Интервью, которые были взяты у М. Шакури и опубликованы, имеют одну особенность: в них велика роль интервьюируемого (опрашиваемого) в освещении истинной сути вопроса национального самосознания. На основе анализа интервью, взятых у М. Шакури, следует отдельно упомянуть несколько моментов, касающихся признания роли интервьюируемого: а) интервьюируемый (М. Шакури) в ходе интервью, помимо ответов на вопросы интервьюера, раскрывает свою позицию, исходя из реакций и типов вопросов; б) ответ интервьюируемого показывает читателю его лицо в зависимости от его позиции в понимании вопроса и его объяснения; в) по

отношению к сути вопроса и ответов выявляется и оценивается позиция интервьюируемого; г) личность интервьюируемого, его сила, интеллект и вдумчивость становятся очевидными в процессе вопросов и ответов. Также М. Шакури во время интервью смог дать точные ответы на вопросы и быть надежным источником для читателя и слушателя. Разумное и точное принятие решений, готовность, лояльность и умение убедительно завершить мысль относятся к другим достоинствам интервьюируемого и стали фактором развития содержания и идеи интервью. Другой спецификой жанрообразующих интервью М. Шакури в связи с темой национального самосознания, согласно мнению М. Муроди, «является её интерпретация с определенной целью, а материал имеет общественное значение» [69, с. 108], и его основная цель - это «повышение осведомленности населения».

В этом контексте, одно из первых интервью М. Шакури под названием «Литература и философия бытия» опубликовано в 1986 году в третьем номере журнала «Садои Шарк». Из вопросов, поднятых в интервью, следует, что интервьюер в то время заведовал отделом литературоведения и литературной критики журнала. Это, пожалуй, первое интервью, в котором интервьюируемый в связи с проблемами современной таджикской литературы при оценке литературного наследия поднял вопрос преемственности и языка, которые одновременно являются культурными элементами национальной идентичности.

Интервьюер задал такой вопрос: «По мнению Пушкина, «почитание прошлого есть привычка, отличающая добродетель от невежества». В этом же ключе Дж. Руми говорил, что каждая история имеет свой смысл и её делают осмысленной, чтобы история была вынесена на свет, а не ради избавления от скуки, то есть более важно философское изучение фактов древней и современной истории». Интервьюер, концентрируя своё мнение через подобные вопросы, заставляет задуматься интервьюируемого. В интервью завуалированно поднимается вопрос об исторической памяти, которая также является элементом национального самосознания.

Интервьюируемый сразу же понимает цель интервьюера и в своем ответе трактует вопрос о памяти как «одну из важнейших частей социально-исторического самосознания человека и общества, духовно-нравственной духовности». В этом интервью в связи с политикой того времени использовался термин «национальное самопознание» и М. Шакури с силой и уверенностью в себе поднимает вопрос исторической памяти, которая связана с судьбой и историей нации. С помощью этого метода интервьюируемый поднимает суть проблемы национального самосознания в контексте защиты исторической памяти.

В продолжение этой дискуссии М. Шакури в связи с вопросом, заданным интервьюером, поднимает проблему следования традициям старой поэзии, что также имеет прямое отношение к культурной самобытности таджикского народа. Поэтому помимо вопроса интервьюера он также прокомментировал язык и его национальные ценности, что было беспрецедентным в те годы.

Сравнивая вопросы и ответы в интервью с М. Шакури, можно прийти к выводу, что интервьюируемый мыслил выше того, что хотел интервьюер, и поднял вопрос, который делает важную информацию доступной для читателя и стимулирует его чувство самопознания.

В этом и других интервью М. Шакури, по мнению В. В. Ворошилова, читатель иногда сталкивается с «дискуссиями двух сторон», «соединением двух позиций» или духовной интеграцией личности, пригодными для решения социальных проблем» [28, с. 222]. Если позиция интервьюера уточняется вопросом, то роль интервьюируемого (М. Шакури) является выдающейся в формировании и объяснении проблемы. В таких интервью М. Шакури не только стремится собрать информацию, но, сообщая и объясняя проблему, он направляет общество к распознаванию и пониманию сути проблемы. Такие интервью очень точно выражают «настроение и ожидания» интервьюируемого, как, например, интервью М. Шакури с Махтабом Маки, которое было опубликовано в 1371 (1992) году в журнале «Килк» (издается в

Иране). Это интервью преследует несколько конкретных целей, включая сбор информации, оценку, рекомендации и консультации.

Из текста интервью и поставленных вопросов видно, что интервьюер тщательно подготовился, то есть сделал интервью чем-то большим, чем разговор и беседа, и постарался получить наилучший результат. В интервью очень важна роль интервьюируемого в разъяснении основного обсуждаемого вопроса – «состояния таджикского языка, его современные проблемы (то есть в восьмидесятые годы XX века – наша интерпретация), «изменение алфавита», «ограничение таджикского языка», «Закон о языке» [171, с. 133]. С таким подходом интервьюируемый всерьез обсуждал фундаментальные проблемы таджикского общества - язык и его место в национальном самосознании. Кроме того, данное интервью затрагивает и другие вопросы, в том числе религию, национальный язык, национальную литературу, статус религии, национальное государство, судьбу просвещенных людей, историю, историю происхождения таджиков, разделение географической территории и другие вопросы. М. Шакури «тщательно проанализировал в интервью упомянутые проблемы, показал причины трудностей, и главное, правильные и верные пути их решения» [1, с.261].

В качестве примера приведем фрагмент из этого интервью, в котором, прежде всего, описывается роль М. Шакури на пути познания национальных интересов в последнее десятилетие XX века.

Вопрос: В своей беседе Вы упомянули о реализации «Закона о языке» с целью доведения персидско-таджикского языка до государственного статуса. Можете ли Вы дать дополнительные пояснения по этому поводу?

Ответ: «Закон о языке» направлен на то, чтобы сделать таджикский язык официальным языком общества. То есть, таджикский язык должен использоваться в учреждениях и во всем обществе. В этом состоит основной смысл «Закона о языке». Но, в наших условиях внедрить его очень сложно и это занимает много времени. В «Законе о языке» определен крайний срок и в

течение 5 лет таджикский язык должен стать официальным языком. А сейчас Комитет по терминологии, который я возглавляю, занят подготовкой терминов по делопроизводству, чтобы наши учреждения и ведомства могли перейти на таджикский язык. Мы должны сначала создать и внедрить термины, а затем перейти на литературный персидско-таджикский язык.

Вопрос: Вы говорите, что надо заново охватить язык и указываете, что «это сложно» и «если возможно». И у вас есть такие же опасения и ожидания относительно внедрения «Закона о языке». Вы считаете, что условий для завершения этой работы ещё нет? Если ответ отрицательный, то почему?

Ответ: Да, такое опасение существует и условия ещё не благоприятны для того, чтобы наш язык выполнял все свои социальные задачи в обществе.

Вопрос: Какие условия ещё не выполнены?

Ответ: Образование должно быть везде на таджикском языке. Все учреждения должны работать на персидско-таджикском языке. Таджикский язык должен иметь естественное состояние, чтобы свободно функционировать. Мы пытаемся создать эти условия.

Вопрос: Какова роль Комитета терминологии персидско-таджикского языка в этом контексте?

Ответ: Основная задача, которую мы постараемся реализовать только через 5 лет, это создание научно-образовательных и общественно-политических терминов на таджикском языке. Мы хотим очистить существующую терминологию. Мы хотим создать новые термины в тех областях, где ещё не были созданы термины. Среди прочего перед нашим Комитетом стоит задача создания терминологии.

Вопрос: Вы сказали, что государственной программы по преодолению нынешней языковой проблемы нет. Как вы думаете, почему, и можно ли без неё освободить язык от его нынешнего состояния?

Ответ: В том хаосе, который у нас есть, трудно создать общую программу - комплекс мер. Например, сейчас в газете была опубликована программа таджикской национальной школы, это большая программа о том,

что нужно сделать, чтобы таджикская школа стала национальной школой. Программы были предоставлены различными государственными и общественными учреждениями. У нас есть такие программы, но в будущем может быть разработана комплексная и полная программа [171, с.136-137].

Как видно из содержания вопросов, интервьюер является психологически сознательным человеком и «намерен направлять интервьюируемого и достигать определенной цели, задавая вопросы и добиваясь ответов». В таких интервью интервьюируемый «ориентируется на решение проблем, адекватное обращение с другими, быть сильным профессионалом в создании отношений с другими и в целом на восстановление правильных и успешных отношений в повседневной жизни» [35, с. 144].

Из ответов интервьюируемого видно, что кроме ответов на вопросы, он обращал внимание на суть вопроса, то есть на судьбу таджикского языка, и пытался донести до читателя правду. В его ответах была получена «лишь заслуживающая внимания идея», «ведущая к самосознанию» [20, с. 376].

В интервью, помимо вопросов о языке, как элементе национальной идентичности, также рассматривались вопросы представления таджикской литературы в Иране и Таджикистане, прямая связь М. Шакури с культурными кругами Ирана и т.п., цель которых состоит в целеустремленном поднятии таджикской национальной идеи и выражении своих уникальных мыслей о самопознании и идентичности. Национальная мысль в интервью М. Шакури занимает особое место и связана с вопросами национальной и политической независимости таджикского народа, национальной гордости и его историко-культурной судьбы, которые имеют глубокий информационно-ценностный аспект.

В этом плане интервью «Родной язык – язык Родины» (Адабиёт ва санъат. – 1989. – 16 февраля), «Таджики Вароруда на пороге века надежды» (Садои Шарқ. – 2001. – №1-6), «Таджики вместе с народами мира» (Чархи гардун. – 2001. – 6 апреля), «Мухаммаджон Шакури: наш персидский язык

плавит каменное сердце мелодией музыки» (Адабиёт ва санъат. – 2001. – 6 апреля), «Хорасан, родина храбрецов» (Адабиёт ва санъат. – 2004. – 10 ноября), «Мухаммаджон Шакурии Бухорои: В день языка мы празднуем наше существование» (Чумхурият. – 2005. – 21 июля), «М. Шакури: Без национальной мысли нельзя сделать шаг вперед» (Миллат. – 2006. – 27 апреля), «Мухаммаджон Шакурии Бухорои: Дай Бог, у нашего Таджикистана большое будущее» (Чумхурият. – 2006, – 27 мая), «Мухаммаджон Шакури: Айни – духовный лидер таджиков» (Ҷомеа. – 2008. – 30 апреля), «Под счастливой звездой. Разговор с Мухаммадджоном Шакури» (Тегеран, 2001) и другие интересны как по содержанию, так и по жанровой структуре, и охватывают различные вопросы, связанные с национальным самосознанием. Успех этих интервью зависит от роли «обеих сторон в организации интервью и его проведении» [69, с. 108], если умение «журналиста, прежде всего, ориентировано на организацию интервью и его направления к основному руслу, ответственность интервьюируемого увеличивается в десять раз: он должен быть хорошим отправителем и получателем информации во время интервью. Кроме того, интервьюируемый должен быть верным, надежным и сильным в принятии своевременных решений и быть хорошо подготовленным, чтобы проводить влиятельное интервью.

Теперь мы в качестве примеров проанализируем и оценим некоторые из упомянутых выше интервью. Наш анализ будет больше связан с ролью интервьюируемого в изложении рассматриваемой проблемы. Потому что позиция и роль интервьюируемого во многом конкретизируют «личностные характеристики интервьюера» [80, с. 62].

В этом смысле во многих отношениях интересно интервью Хокима Азиза, внештатного корреспондента еженедельника «Адабиёт ва санъат» с академиком Мухаммадджоном Шукуровым. В нём в первую очередь выражается роль интервьюируемого в осознании и объяснении проблем о придании таджикскому языку государственного статуса. В первом вопросе интервью интервьюер выясняет отношение общества к проблеме придания

таджикскому языку статуса государственного языка, в котором повседневная жизнь имеет принципиальное значение, а сегодня также влияет на уровень и ответственность народа в постижении интересов нации. М. Шакури упомянул документальные источники, в том числе письма, направленные «не только от имени интеллигенции, но и от рабочих, колхозников, от людей различных профессий» (Адабиёт ва санъат. – 1989. – 16 февраля) в Президиум Верховного Совета Таджикской ССР, в редакцию газеты и некоторые другие учреждения о придании государственного статуса таджикскому языку, говоря и подчеркивая важность мнения людей для осуществления их мечты, что в то же время выражает уровень самосознания общественности в признании национальных интересов.

Это интервью было опубликовано задолго до придания таджикскому языку государственного статуса, и оно носит несколько прогностический характер, что также отражает природу этого жанра [См.: 127, с. 62] и подчеркивает общегосударственную важность вопроса придания таджикскому языку государственного статуса. Интервьюируемый, который является информированным и ответственным лицом в данной области, является причиной успеха интервью и освещения различных вопросов вокруг таджикского языка, что наряду с информационной ценностью, также имеет историческое значение и представляет собой усилия и самоотверженность интеллигенции в защите фундаментальных интересов нации.

В интервью Барно Кодирдухт на тему «Мухаммаджон Шакури Бухорои: В День языка мы празднуем своё существование», опубликованном в газете «Чумхурият», обсуждаются пути развития и совершенствования таджикского языка. Это интервью отображает личность интервьюируемого в освещении фундаментальных вопросов развития языка. Иными словами, это и большинство других интервью М. Шакури, по словам И. Усмонова, «отличаются активным участием интервьюера как инициатора темы, комментатора темы, ведущего темы и интервьюера» [113, с. 303]. Вышеупомянутое интервью имеет такие же характеристики и показывает

позицию интервьюируемого как человека, знающего тему и наблюдающего за проблемами сферы в течение многих лет до публикации этого интервью.

В интервью М. Шакури, отвечая на вопросы журналиста, отметил роль независимости в развитии языка, статус языка в обществе, проблемы в этом контексте, пути исправления ситуации и уровень реализации Закона о языке. В постановке вопросов и их обсуждении он раскрывает себя как специалиста данной области с интеллектуальной и человеческой позицией, обладающего глубоким аналитическим и информационным аспектом. Для него во многих случаях вопрос является мотивацией или средством, но он смог выйти за рамки вопроса интервьюера, хочет усовершенствовать тему, примером чего является его ответ на следующий вопрос интервьюера:

Вопрос: Язык всегда является спорной темой. На Ваш взгляд, сегодня таджикский язык находится в своём истинном статусе?

Ответ: У меня есть несколько предложений. В целях улучшения состояния языка необходимо создать авторитетную организацию на высоком государственном уровне с участием Академии наук Таджикистана (Института языка и литературы им. Рудаки) при сотрудничестве с Фондом языка и Союзом писателей, который будет заниматься вопросами исправления состояния языка и повышением грамотности населения, в целом определит конкретные меры. Развитию нашего языка мешает то, что в последние годы усилилась культурная атака на таджикский язык, снижается престиж таджикского языка в обществе, школе и образовании, в сфере культуры и управления. В Душанбе и других городах Таджикистана наименования организаций, компаний, магазинов, ресторанов и т.д. в основном не таджикские. Люди будто стесняются таджикских имён, и они всегда ищут странные западные имена. Иногда они доходят до оскорбления таджикского языка и таджикской нации. Городские власти и правительство должны строго контролировать процесс присвоения имён. В новом проекте Закона о языке, который в настоящее время редактируется, иностранное

наименование должно быть установлено в размере двадцати процентов от общего числа имён» (Чумхурият. – 2005. – 21 июля).

М. Шакури в этом интервью пошел ещё дальше, отмечая размах негосударственного языка в «радио и телепрограммах (радио «Азия-Плюс», «Ватан», «Ватан», «Ориёно» и им подобных) в ущерб таджикскому национальному языку и культуре. Для корректировки этого процесса им было предложено в новой редакции Закона о языке внести следующее ограничение: отечественные радио и телепрограммы, которые транслируются на другом языке в Таджикистане, не должны превышать двадцати процентов от общего объема программ. Должна быть создана организация, контролирующая процент именованя, радио- и телепрограмм, газет и других изданий. М. Шакури считает получение информации через другие языки естественным явлением, но вместе с тем подчеркивает, что «главным источником информации и знаний должен быть родной язык. В средних и высших учебных заведениях, в печати и издательствах, на радио и телевидении, в учреждениях - везде приоритет должен отдаваться государственному языку. В Таджикистане необходимо создать национально-культурную атмосферу, потому что долговечность нации не может быть обеспечено чужой культурой и разными языками. Здесь главную роль должны сыграть национальная культура и национальный язык» (Чумхурият. – 2005. – 21 июля).

Из продолжения интервью М. Шакури выяснилось его недовольство выполнением Закона о языке и трактовка роста нетаджикских наименований, вещанием радио- и телепрограмм на иностранном языке, увеличением русских групп в средних и высших школах, преподаванием учителей на русском языке, что расценивается им как фактор игнорирования государственного языка.

Как видно, данное интервью не носит описательного характера и интервьюируемый поднял проблему, решение которой важно для таджикского общества, что определяет позицию интервьюируемого в

познании и оценке языковой проблемы, являющейся элементом национального самосознания. Согласно мнению А. Нуралиева, действительно, «интервью таких административно-ответственных лиц считаются официальными документами» [80, с. 62].

Интервью М. Шакури, которые публиковались в периодических изданиях с конца восьмидесятых годов прошлого века до первой половины двухтысячных годов, кроме языкового вопроса, поднимали и другие литературные, культурные и социальные проблемы, в которых важная роль отводится интервьюируемому лицу, поскольку их представление, анализ и оценка имеют определённое влияние. Одной из таких работ является интервью журналиста Нурмухаммада Холзаде с М. Шакури на тему «Таджики Вароруда на пороге века надежды», опубликованное в журнале «Садои Шарк». Содержание этого интервью составляет новая таджикская национальная мысль, и специфическое учение этой мысли, которое формирует суть национальной мысли, и выявляет отношение интервьюируемого к процессу национального самосознания. Эта идея была выдвинута на основе признания фактов прошлой истории и периода независимости таджиков. На первый короткий вопрос интервьюера интервьюируемый даёт обоснованный, убедительный ответ, охватывающий исчерпывающую информацию о важнейшем событии 20 века в истории таджиков, связанным с обретением государственной независимости и развитием национального самосознания и самопознания таджикским народом.

Последующие вопросы журналиста касаются положения таджиков как нации, национальной идентичности, социального самосознания, кризиса самосознания и его факторов, территориального разделения Центральной Азии и её влияния на национальное самосознание таджиков, утраты таджикским народом части исторических земель и последствий такой утраты. Интервьюируемый выражает свою точку зрения, анализирует положительное и негативное влияние Октябрьской революции на судьбу

таджиков в XXI веке, возвращение к своим истокам, овладении своей культурной самобытностью и т. д., которые М. Шакури объяснил с научной точки зрения. Эти объяснения содержат как достоверную научную информацию, так и ориентируют общественность на признание исторической правды.

Еще одно интервью, которое М. Шакури дал Хоким Азизу, опубликовано под названием «Мухаммаджон Шакури: Наш персидский язык плавит сердце камня своей мелодией». Оно представляет человеческое, культурное и национальное лицо М. Шакури и дает точные сведения о его семье, отце, детях, сферах деятельности, его отношении к истории, судьбам литераторов, в том числе Аджзи, Айни и другим, отношение к вопросам современной таджикской литературы. Это интервью больше касается вопроса человеческой и творческой личности М. Шакури, конкретизирует его роль в познании и оценке политических, социальных, научных, литературных и культурных проблем. М. Шакури, признавая и оценивая факты, определившие судьбу его самого и нации, прежде всего, «действовал как учёный» и использовал эмоциональную и научную силу журналистики для воздействия своими идеями на общественное мнение. Даже название интервью, основанное на словах М. Шакури («Наш персидский язык плавит сердце камня своей мелодией»), наполнено публицистической эмоциональностью.

В качестве примера приведем следующий фрагмент, являющийся продуктом исследования и эмоциональных публицистических размышлений учёного: «...Литература, будь то проза или поэзия, есть искусство слова, в особенности таджикская литература показывает сущность искусства речи больше, чем некоторые другие литературы. Таджикский язык – это язык поэзии. Мягкий, плавный и приятный язык. Существует легенда, что ангелы на четвертом небе говорят на персидском-дари, то есть на нашем таджикско-персидском языке. Существует также легенда о том, что откровение Бога приходит с небес на двух языках: арабском и персидском-дари. Но жесткое

откровение приходит на арабском языке, а мягкое, игривое откровение приходит на персидском языке. Эта легенда, кажется, была хадисом Пророка. Вне зависимости от того, правдивый это хадис или нет, появление таких хадисов не было безосновательным. Обе приведённые выше легенды подчёркивают высокий статус нашего персидского языка и очень хорошо выражают особенности нашего языка. На самом деле таджикский-фарси — мягкий, плавный и душевный язык. Строгий военный приказ звучит на таджикско-персидском языке не очень хорошо, а вот душевное лирическое стихотворение имеет прекрасное звучание. Наш персидский язык плавит сердце камня своей мелодией» (Адабиёт ва санъат. – 2001. – 6 апреля).

Это интервью отличается большим объемом и включает в себя двадцать один вопрос журналиста и столько же ответов интервьюируемого. Согласно мнению А. А. Тертычного, в этом интервью «ответ и вопрос образовали информационное единство, унифицирующее значение вопроса и его ответа» [108, с. 84].

В большинстве случаев вопросы носят проблемно-перспективный характер, ответы также являются проблемно-решающими, но имеют широкий спектр, часто связанный с вопросами национального самосознания. В том числе, вопрос «Извините, это были восьмидесятые годы, по-моему, одна из ваших статей была опубликована в «Садои Шарк» об Аджзи?» хоть и внешне звучит как реплика интервьюера, но на самом деле поднимается один из важных вопросов для интервьюируемого из истории таджикской литературы, который связан с вопросом защиты национального наследия, и показывает личность М. Шакури в познании литературных и культурных ценностей нации.

М. Шакури в ответ на этот вопрос интервьюера назвал несправедливым отношение к литературному наследию таджиков, в том числе к Аджзи как к «буржуазному националисту и реакционному поэту». Тот факт, что в советское время официальная политика препятствовала публикации произведений и исследованию биографии Аджзи, и по этой причине М.

Шакури не смог защитить свою кандидатскую диссертацию, он интерпретирует как тенденцию против национальной литературы и достижения национального самосознания. Учёный подчеркивает, что Аджзи не был «буржуазным националистом, реакционным поэтом», у него были ясные взгляды, он был ведущей личностью того времени». (Адабиёт ва санъат. – 2001. – 6 апреля). М. Шакури называл Аджзи наследником и идеологом таджикского национального просветительского процесса, его заслуга заключалась «во внедрении воспитательных идей и мнений, в качестве образцового примера» [20, с. 97]. Для этого интервью действительно характерна изящность и выразительность, при этом его ход «непредсказуем» как для интервьюера, так и для интервьюируемого. По этой причине интервьюер задаёт уточняющий вопрос из ответов интервьюируемого, и таким образом улучшаются и расширяются тема и рамки обсуждения.

К примеру, после упомянутого выше вопроса постановка вопроса «Мы говорили об Айни. Каково Ваше мнение о творчестве Айни с сегодняшней точки зрения?» - явление естественное, и содержание ответа М. Шакури определяет суть его мыслей о Садриддине Айни, являющемся одним из ярких представителей национальной литературы и культуры, основоположником новой таджикской национальной литературы. М. Шакури «в новую эпоху после 1985 г., особенно после 1991 г., т.е. в период независимости Таджикистана, появление нового взгляда на историю» (Адабиёт ва санъат. – 2001. – 6 апреля) оценивает, как действительно положительное явление. Вместе с тем возникновение таких вопросов, как якобы Айни имел отношение к «разрушению таджикского языка», что он «навязал латиницу на плечи таджикского народа», М. Шакури трактует как оскорбление этой национальной личности, доказывая на основании документов и свидетельств, что «Айни по отношению к таджикскому языку, исконно персидскому языку имеет героические заслуги. Его вывод в этом плане состоит в том, что Айни «является одним из выдающихся знатоков

чистого персидского языка, одним из мастеров за всю историю этого языка. Его имя можно поставить в ряд великих мастеров тысячелетней истории персидского языка. Например, если мы прочитаем повесть «Одина», эта истина станет ясной, или, скажем, если мы прочитаем первую главу романа «Дохунда», которая называется «Дараи Нихон», мы увидим, что его речь прекрасна, словно музыка приятна слуху. Она лирична, романтична и реалистична, комфортна для слуха и просветляет глаза, мы видим красивую долину, прекрасные виды на горы, слышим журчанье и его прекрасный звук. Мы видим, мы слышим, мы очарованы. Все это описано писателем с высоким мастерством и доставляет нам эстетическое удовольствие. Ни один писатель XX века не может сравниться с Айни в красоте речи, в выражении силы таджикского языка» (Адабиёт ва санъат. – 2001. – 6 апреля).

М. Шакури обвиняет «большевистский режим» в изменении алфавита и создании мифа о новой литературе, обращаясь к тем, кто хочет обвинить Айни, говоря, что Айни не хотел, чтобы это произошло, это было следствием политики того времени.

В целом, М. Шакури исходя из вопроса, заданного интервьюером, поднял важнейшие литературоведческие и культурологические вопросы в этом интервью, которое, во-первых, освещает проблемы национального самосознания, а во-вторых, совершенствует форму, содержание и структуру этого жанра. Помимо того, интервьюер с помощью вопросов, лежащих в основе ответов М. Шакури, представил его образ, как сознательного, ответственного, патриотичного и дальновидного человека.

Следующее интервью с М. Шакури, которое привлекло наше внимание, называется «Айни – духовный лидер таджиков». Интервьюерами являются журналисты-исследователи К. Шарифзаде и П. Гулмуродзаде. В этом интервью также затрагивается актуальная тема, касающаяся духовных вопросов, в том числе таджикского просвещения, самосознания и самопознания таджикской нации, истории и цивилизации, а также патриотических усилий великих людей нации, таких как А. Дониш, С. Айни,

С. Зиё, М. Мансурзаде, Б. Гафуров и др. Это интервью также интересно с точки зрения структуры и постановки вопросов. С помощью логичных и наводящих на размышления вопросов интервьюеры побудили интервьюируемого свободно высказать своё мнение по теме интервью на основе различных материалов, фактов и цифр. Например, он своими научными пояснениями убеждает читателя в том, что «...концепцию истории таджикской культуры создал Айни, а теорию социальной истории создал Бабаджан Гафуров» [177]. Большой вклад этих двух сыновей таджикского народа в развитие культуры и истории нации М. Шакури считал главной причиной того, что нация, культура и история древнего таджикского народа не исчезли. В качестве примера убедительности его позиции, приведём ещё один вопрос и ответ из этого интервью:

Вопрос: Бабаджан Гафуров продолжил дело Айни в 20-е и в 40-е годы...?

Ответ: Айни был духовным лидером, Абдулкодир Мухиддинов, Абдурахим Ходжибоев, Нусратулло Махсум были политическими лидерами нашего народа, к сожалению, прожили они недолго, были арестованы из-за клеветы и погибли, а Бабаджан Гафуров десять лет был секретарем ЦК, более 20 лет в Москве служил для Таджикистана и таджикского народа» [177].

В целом, интервьюируемый высоко оценивает все заслуги сыновей нации, в свою очередь, как духовный человек, проявляет к ним и их труду особое уважение. Вкратце, из содержания этого интервью следует, что и интервьюеры, и их интервьюируемый хорошо разбираются в таджикской науке и культуре. В частности, интервьюер Мухаммаджона Шакури наряду с широкими энциклопедическими знаниями проявил высокую профессиональную и человеческую смекалку, отдал дань уважения почетным заслугам героев нации.

Одним из серьезных и масштабных было интервью Мирбобо Миррахима с М.Шакури, которое состоялось в 2000 году под названием «Саъдахтар» (Звезда в апогее). Это интервью было завершено за два дня, и в разговоре также приняла участие жена учёного Дилафруз Икромии. В этом

интервью «рассматриваются и представляются читателю научные взгляды, теории и исторические факты, выходящие за рамки содержания книги» [172, с. 4]. Как исходит из интервью, интервьюером (М. Миррахимом) были поставлены многие вопросы, в том числе проблемы, связанные с национальным самосознанием, и искренние и ясные ответы интервьюируемого находили отклик в душе общественности. В этом интервью интервьюер стремится пролить свет на «тёмную историю прошлых лет и веков нашего народа» и «заглянуть в будущее».

Интервьюируемый с помощью интервьюера просматривает страницы истории науки и культуры нашего народа, а результаты и выводы оставляет на суд читателей, что является одной из особенностей интервью.

Как и большинство интервью с М. Шакури, первый вопрос затронул некоторые стороны его биографии, затем вопросы о состоянии семьи, в том числе его родителей, сожжении книг и произведений его отца, интеллектуальной революции в сознании Садриддина Айни, судьбе библиотеки Садри Зиё, важнейших фактах детства М. Шакури, школе «Шашмаком»-а в Душанбе и защите национального культурного наследия, негативной роли некоторых партийных лидеров в недостаточной оценке национальных ценностей, некомпетентности партийных органов в «промывании» мозгов, судьбе некоторых исторических деятелей, в том числе Махмудходжи Бехбуди, Аббоса Алиева и др., роли С. Айни в судьбе учёного М. Шакури, ответственности просветителя перед литературным, научным и культурным наследием нации, подвиге Бабаджана Гафурова и т.п.

Это интервью очень длинное и подробное, и в нём очень ярко проявляется роль М. Шакури в познании и оценке исторических фактов, судеб интеллигенции, положении времени и факторов, искажавших национальное самосознание. М. Шакури в этом интервью не только свидетель и участник многих реалий, но и справедливый судья. Его воспоминания об отношении М. Турсунзаде к произведениям Садра Зиё, безответственности З. Ш. Раджабова в деле сохранения древних письменных

произведений, в том числе о знаменитых путевых заметках «Наводир-ул-вакое» (Редкостных событий) Ахмада Дониша, отношении З. Шахиди к национальному музыкальному наследию, в том числе «Шашмаком» и др., демонстрируют его позицию и роль в защите литературных, научных и культурных традиций нации. Мысли учёного об исторических личностях, в том числе об Аббосе Алиеве, Бабаджане Гафурове выполняют важную социальную и духовную миссию и оказывают влияние на развитие национального самосознания таджиков.

Два других интервью, одно из которых взяла у М. Шакури Анзурат Маликзод, а второе Далер Гуфронов, под соответственными названиями «Хорасан - Родина храбрецов» и «М. Шакури: Без национальной мысли нельзя делать ни шагу вперед», были опубликованы в еженедельнике «Адабиёт ва санъат» и в газете «Миллат». Эти публикации являются содержательными и структурированными интервью, позволяющими понять позицию интервьюируемого в познании и оценке фактов, связанных с национальным самосознанием.

Первое интервью журналист взяла после возвращения М. Шакури из Афганистана, с «Конференции масъудоведения», в котором оценивается позиция учёного в постижении человеческой и национальной судьбы национального афганского героя, этнического таджика Ахмадшаха Масъуда для таджикского читателя. В интервью сохранён ряд привилегий этого жанра. Во-первых, это интервью раскрывает реальность физических, духовных и национальных связей Ахмадшаха с Таджикистаном, во-вторых, в контексте подвигов Ахмадшаха учёный определяет его социальную и национальную миссию и показывает читателю его лицо как образец национальной гордости. Основная цель интервьюера и интервьюируемого заключается в определении роли этого героя в защите и пропаганде национального самосознания и патриотизма, что и было достигнуто путём предоставления доказательств и документальных источников.

Интервью Далера Гуфронова с М. Шакури состоялось после конференции на тему «Проблемы национальной идеи в Таджикистане» в честь 15-летия независимости страны и было направлено на конкретизацию аспектов концепции национальной идеи, её направлений и вопросов, связанных с этой идеей. Первый вопрос интервьюера требовал постановки вопроса о необходимости обращения к понятию национальной идеи. М.Шакури, отвечая на этот вопрос, утверждает, что «Сейчас в истории таджиков, по крайней мере, той части таджиков, которые проживают в Республике Таджикистан, началась новая эпоха». Таджики добились политической независимости, и теперь им предстоит решать свою судьбу. Эта историческая задача может быть решена, если национальное самосознание выйдет на более высокий уровень в соответствии со временем и его изменениями, а нация как можно полнее осознает свои интересы в целом и на сегодняшний день, определит свой образ действий, исходя из этого знания» (Миллат. – 2006. – 27 апреля).

В рамках этой темы учёный рассматривает национальную идею и её правильное определение как один из главных факторов самопознания, постижения национальных интересов и путей общественного, научного и культурного прогресса. Он подчеркивает, что национальная идея выражает сущность исторического бытия нации и деталей её духовного лица, и благодаря этому можно указать путь будущего для нации. Его вывод заключается в том, что если национальная идея будет правильно определена, то она будет творцом судеб, истории и создателем нации.

В продолжение интервью интервьюер посредством вопросов поднял такие вопросы, как характер данной концепции, учет многообразия мнений, роль исламской религии как фактор формирования идентичности, государственные программы для реализации национальной идеи, цели национальной концепции и периода её реализации и т.д. М. Шакури обращает внимание интервьюера на проблемы, которые являются

судьбоносными для настоящего и будущего национального общества таджиков.

В этом интервью М. Шакури точные и аргументированные ответы, постановка проблемы, указание путей её решения, позиция государства, укрепление национальной идеи в духовности и жизни народа выражает роль интервьюера в рассмотрении проблемы, её оценку и влияние на общественное мнение. Это и другие интервью, использованные нами в данном исследовании, имеют широкий информационный объем и охватывают различные вопросы, требующие развернутых ответов. В любом случае, независимо от объема и количества вопросов и ответов, главная и реальная цель этих интервью с учёным М. Шакури состоит в ознакомлении читателя с вопросами, интересующими интервьюируемого, которые, несомненно, обладают большой ценностью для общества.

Интервью Фотеха Абдулло с М. Шакури обладает такими же характеристиками, а освещение вопросов, оценка и предложения интервьюируемого определяют его духовную и структурную сущность. Шесть первых вопросов интервью посвящены месту М. Шакури в научных и культурных кругах Ирана, публикациях произведений его отца Садра Зиё в этой стране, его биографии и семьи, библиотеки Садра Зиё, его матери и его покровителей в период его сиротства. Все эти вопросы имеют биографическую особенность, а ответы М. Шакури, прежде всего, доказывают его гражданскую и человеческую позицию. Последующие вопросы и ответы М. Шакури о заслугах Айни перед таджикским народом, встрече Сталина с Бабаджаном Гафуровым по вопросу пересмотра политических границ 1924 года, помощи Бабаджана Гафурова представителям других народов, в том числе казахов предоставляют читателю важную информацию о роли Б. Гафурова в судьбе таджиков, и способствуют укреплению их национального, духовного и нравственного самосознания. Дальнейшие вопросы интервьюера касались проблем существования нации, ценных трудов М. Шакури, его творческих усилий,

первой поездки в Бухару, положения его детей в обществе, его брата Мирзо Зарифа, хороших и плохих качеств человека, сути человеческого счастья и его дальновидных мыслей о будущем Таджикистана. На все эти вопросы интервьюируемый даёт точные и дальновидные ответы, что является выражением его глубокомыслия, правдолюбия и устойчивой человеческой и национальной позиции.

Вопросы, затронутые в анализе и оценке М. Шакури, рассматриваются в контексте исторических и современных судеб нации, определяют его объективную позицию в познании и оценке многих политических и культурных вопросов и роли некоторых политических деятелей, в том числе Б. Гафурова и представителей других народов в судьбе таджиков. Благодаря этому интервью облик М. Шакури сохраняется в памяти как облик чистого, правдивого и дальновидного человека, всегда заботящегося о нации, её социальной и культурной защите, остро переживающего за её прошлое, настоящее и будущее. Его ответ на вопрос «Ваш взгляд на будущее Таджикистана и таджикского народа» является, прежде всего, выражением его благотворной роли в познании, объяснении и оценке фактов, связанных с исторической и культурной судьбой народа.

Ответы и оценки М. Шакури в этом интервью о роли и месте великих личностей, таких как Б. Гафуров в истории нации указывают на его правдивую научную позицию. К примеру, на вопрос «Несколькими словами опишите заслуги Бабаджана Гафурова перед таджикским народом?» он ответил: «Я считаю Бабаджана Гафурова такой же видной политической фигурой, как и Бармакиды, Балъамиды, Низомулмулк и им подобные. Придя к власти, он по-отцовски заботился о нации и отвел от нее многие беды». Далее М. Шакури добавляет, что имя Бабаджана Гафурова связано с именем Садриддина Айни, а Айни «как руководитель национально-освободительной борьбы таджиков Вароруда создал теорию социальной и культурной истории нации», которая имеет особое значение «для национального самопознания таджиков и укрепления основ исторического бытия». Согласно его

утверждению, «академик Бабаджан Гафуров продолжил путь Айни... В условиях, когда таджиков хотели вытеснить из истории, Б. Гафуров встал на сторону С.Айни, продолжил его борьбу, определил границы великой истории таджикского народа, показав, что таджики это не тот забытый историей народ. Это нация, которая оставила след в истории как один из великих исторических и культуротворческих народов» (Чумхурият. – 2006. – 27 мая).

Этот отрывок представляет собой системный подход М. Шакури к обществу и конкретизирует роль и место исторических личностей, основанных на фактах и свидетельствах, пробуждая мысль читателя в познании важных процессов в истории таджиков. Таким образом, опираясь на документальные источники и факты жизни, можно определить позицию М. Шакури в этом интервью как позицию знающего, правильно мыслящего, дальновидного человека, что определяет содержание и структуру интервью М. Шакури.

Итак, из анализа и оценок, проведенных в данной главе, можно сделать вывод, что в интервью М. Шакури, которые в разные годы были опубликованы в различных периодических изданиях, обсуждались и анализировались исторические, научные, литературные и культурологические вопросы, а также были показаны пути их решения. Эти интервью, следуя жанровым особенностям, смогли повлиять на информационную среду, поставить перед читателем важнейшие вопросы национального самосознания и самопознания, изменить его взгляды на историко-культурную судьбу таджиков и связанную с этим действительность. Интервьюируемый, являющийся одним из выдающихся представителей истории науки, литературы и культуры Таджикистана, наряду с ответами на вопросы интервьюера, высказывает собственное мнение, обозначает свою роль в постановке и решении проблем национального самосознания, что является одним из средств практического воздействия этого жанра на информационную среду и общественное мнение.

III. 2. Соотношение мыслей и фактов, культуры и мировоззрения в статьях Мухаммаджона Шакури

Еще в 80-х годах прошлого века Мухаммаджон Шакури (М. Шукуров) отмечал «пылкий и искренний публицистический» характер статьи и подчеркивал её значимость на «этапах развития» общества [138, с.8]. В те годы в его статьях «С пламенным сердцем и острой речью» обсуждался вопрос о стиле и методе создания публицистической статьи и сознательном отношении писателя к использованию этого жанра, и в этом контексте он рассматривал «неполное использование бесконечных возможностей этого жанра» как один из недостатков публицистики. Он считал публицистику, в том числе жанр статьи, «одним из оперативных и воинственных жанров» и оценивал «статьи и речи, полные жизненных мыслей и человеческих эмоций», способствующие прогрессу общества и общественного мнения.

В другой его статье под названием «Художественное исследование и публицистический аспект» [141, написанной также в конце семидесятых годов, выражается взгляд и позиция автора в признании и оценке роли публицистики, особенно публицистической статьи, в «эмоциональном исследовании» социальных и культурных реалий общества.

Мухаммаджон Шакури в предисловии ко второму изданию книги «Здесь Хорасан» (2009 г.) вернулся к этой теме и конкретно изложил свою теоретическую концепцию по вопросу о публицистике, рассматривая важность её роли в самосознании и формировании исторического мышления нации. По его наблюдению, этот вид публицистики благотворно влияет на общественное мнение «благодаря научной доказательности и публицистическому тону» [168, с. 23], и в этом контексте научная статья занимает исключительное положение.

Говоря о роли науки, особенно истории, в жизни общества, он подчеркивает, что «есть такая историческая необходимость, чтобы наука использовалась для решения важнейших проблем современности, для влияния на пути дальнейшего развития нации, для определения

национальных целей и устремлений в нравственном плане, оказала помощь в формировании нового самосознания таджиков. Теперь груз социальных задач, возложенных на плечи науки, стал ещё больше. Необходимо не ослаблять научную базу исследования, а укреплять её, и в то же время усиливать её социальный тон, чтобы она имела большее влияние на выполнение исторических задач. По этой причине потребность общества в «подлинной публицистической науке» он интерпретировал как один из факторов, побудивших его к написанию публицистических статей. В этом плане он считает настоящим императивом изучение «вопроса самосознания — вопроса о духовности и языке», который, по его мнению, является «важнейшим элементом национального бытия» [168, с. 25].

Как видно, М. Шакури разработал свою концепцию и подход к публицистическому исследованию социальных, литературных и культурных реалий ещё в семидесятые-восемидесятые десятилетия прошлого века, усовершенствовав её в девяностые годы и в период независимости страны, что, прежде всего, выражает его человеческую, общественную и культурную позицию. Такая позиция М. Шакури опирается на научную основу национального самосознания в познании сущности исторического и духовного самосознания, и статьи, написанные им в этом контексте, определяют его социальное и культурное значение. Именно поэтому учёный в таких статьях активно использует исторические факты и документы, и рассуждает о проблемах национального самосознания. Статьи, написанные им в рамках этой тематики, ещё более наглядно отображают особенности этого жанра, и наряду с произведениями Айни, Бабаджана Гафурова, Лутфулло Бузурзаде и др., разъясняют вопрос об историческом и национальном самосознании таджиков, и придают специфичность его новаторству в использовании особенностей жанра статьи. Одним из его опытов является наблюдение за соотношением мысли и факта, просвещения и мировоззрения, о котором пойдет речь в этой главе.

Особенность статей М. Шакури заключается в том, что, по мнению профессора М. Муроди – «предметом исследования являются те вопросы, которые необходимо решить, а автор формирует общую мысль или представление на основе определенных фактов и событий». По этой причине М. Муроди подчеркивает, что в статье «мнение, анализ и размышление занимает главную позицию» [69, с. 149]. Кроме того, статьи М. Шакури, в которых обсуждаются вопросы национального самосознания, касающиеся этих вопросов идеи и факты, способствовали рассмотрению и решению проблем относительно просвещения, знания и мировоззрения. В контексте таких статей можно отметить, что, прежде всего, они «направлены на анализ процессов, ситуаций, событий, имеющих важное общественное значение, и закономерностей, ими управляющих» [108, с. 150], и в них аналитическая тематическая дискуссия побуждает читателя думать о теме, достойной его внимания. В связи с этим, М. Муроди считает автора статьи «более активным по сравнению с автором корреспонденции» и признаёт его активность «не только в анализе темы или вопроса, но и в изложении идей, мнений, разъяснении и убеждении читателя» [69, с. 150]. По его мнению, «в этой работе запечатлены авторское мировоззрение, знания, позиция и мудрость». Исходя из этого, основным фактором влияния статей М. Шакури в научной, культурной и общественной среде Таджикистана – это, прежде всего, соответствие содержанию и структурным требованиям этого жанра, о котором мы говорили.

М. Шакури писал: «Сегодня очень важно, чтобы каждый имел в руках перо, чтобы выразить своё мнение о нынешнем состоянии таджикской нации, мнение о том, каким было прошлое этого народа и каково его завтра», высказать мнение о духовных идеалах и национальных целях этого народа. Наступило время, когда судьба нации не может оставить равнодушным ни одного из её представителей. Каждый должен что-то делать, думать. Будущее нации будет зависеть от мыслей и действий каждого» [168, с. 25].

Такая ответственность побудила М. Шакури написать серию статей в годы независимости, а также исследовать и рассмотреть историческую судьбу таджикского народа. Статья «То, что выстрогано нечестным топором» из этой серии, поскольку она носит обще-исследовательский характер. В ней вопрос территориального разделения Средней Азии и потерь среди таджиков изучен и проанализирован в научном ключе. Автор представляет читателю последние полученные результаты на основе исследований, проведенных в этой области.

Ученые придерживаются мнения, что «как правило, разработка и подготовка таких статей ограничивается теми, кто достиг уровня совершенства в одной из отраслей науки и образования. В связи с этим, Хуверос, великий латинский стихотворец, говорит: «писатели должны выбирать для написания темы, которые пропорциональны их информации и способностям, а затем обсуждать их всецело» [9, с. 177].

На самом деле М. Шакури был одной из таких научных личностей, которые при написании статей полностью следуют нужному методу исследования, анализируют и всесторонне оценивают проблему на основе логических фактов и документов. Учёный при написании статьи избегает ссылок на домыслы, он способен получить от своего исследования желаемый результат и благотворно повлиять на процесс национального самосознания и общественного мнения.

В статье «То, что выстрогано нечестным топором» факты породили мысли, а мировоззрение помогло в понимании факторов и неприятных последствий топорного разделения Средней Азии. Усилия автора от начала и до конца статьи направлены на обеспечение научной основы самопознания нации на основе фактов и документов, анализа и оценки. Другими словами, он смог практически следовать истине с помощью науки, а также этим он поставил науку на службу обществу. Серьёзный и справедливый анализ исторических фактов и их знание, а также мировоззрение, просвещение и правильная позиция позволили автору раскрыть перед читателем тёмные

страницы истории таджиков, действия внутренних и внешних недоброжелателей и другие деструктивные факторы, имевшие негативное влияние на судьбу таджиков.

М. Шакури написал статью таким образом, что четко раскрывается суть основной темы. Мнение автора направлено на то, чтобы смысл вопроса был понятен читателю. Согласно П. С. Карасеву «активная публицистическая статья имеет смысл только на основании фактов» [51, с.11]. Рассматриваемая нами статья обладает схожими характеристиками. Для её создания М. Шакури, во-первых, собрал много материала, а во-вторых, на основе сравнительного анализа пришёл к достоверному выводу. Факты в статье использованы в определённой системе и рассказывают о трагической судьбе таджиков в период национально-территориального разделения Средней Азии, что также является уроком и напоминанием истории. Автор один за другим выборочно и кратко приводит факты, что зачастую эффективно усиливает публицистический аспект статьи. В статье эмоциональная сторона материала усиливается фактами, доказывающими бесспорный смысл, читатель убеждается фактами и строгой логикой суждения, принимает чуткость авторской оценки действительности, проявляет солидарность и сочувствует ему. Здесь, следует подчеркнуть один момент, что в методе написания статьи М. Шакури чувство не заменяло конкретного анализа, а находилось в сердцевине исследуемого вопроса. В вышеупомянутой статье, при рассмотрении важных фактов, их роли в административном делении Средней Азии и негативного влияния на судьбу таджиков определяется принципиальная цель автора при создании таких статей, а также роль центральной власти и пантюркизма в раскрытии замысла и реализации «теории существования единой тюркской нации».

М. Шакури как важный исторический факт напоминает о том, что «начиная с VI века, элементы тюркского этноса постепенно проникали в страну таджиков и их предков», и продолжает свою мысль следующими словами: «Тюрки установили своё военное и политическое господство в

Центральной Азии, начиная с XI века. В XVI веке на эти земли пришла новая волна тюрков, на этот раз узбеки. Название узбекского народа происходит от названий этих племен. Ханский строй и узбекская военно-административная аристократия мечом держали образованный народ этой страны в состоянии порабощения» [168, с. 159].

Этот исторический факт и последовавший за ним процесс консолидации тюркских народов, приводят учёного к выводу, что Октябрьская революция лишила таджиков их основных прав. Вследствие этого, после 1920 года численность таджиков в этих районах «разом уменьшилась более чем в четыре раза». В доказательство своего мнения автор статьи использует свидетельство В. В. Бартольда: «Когда в 1920 г. была утверждена Конституция Туркестанской Республики, «коренными нациями» были признаны только киргизы, узбеки, туркмены: о таджиках - старейших жителях страны забыли» [168, с. 162].

Таким образом, с его точки зрения, отсутствие официального признания существования таджикского народа, переход преподавания «с таджикского языка на неродной язык» во всех школах оказали негативное влияние на будущее таджикской нации» [167, с.163].

Как видим, М. Шакури в статье сначала излагает тезис, а затем научно обосновывает его на основе фактов. После этого, он объясняет свою точку зрения на основе надежных документов, делая её понятной и достоверной для читателя. В центре дискуссии историческая судьба таджикского народа, представляющая собой особую концепцию национального самосознания.

Автор усовершенствовал содержание и жанровую структуру статьи за счет использования фактов, других мнений и глубокого знания действительности, которая тесно зависит от его знаний и мировоззрения, и установил композиционную связь между её частями. Все части содержания (заголовки, абзацы и предложения) связаны естественным и логичным образом, подготавливая читателя к восприятию последующей мысли. Такой метод придаёт статье форму серьёзной системы рассуждений и неоспоримых

подтверждений, в которых отбрасываются лишние слова. Следует подчеркнуть, что М. Шакури умело, использовал эту структурную особенность статьи не только в содержании, но и в других частях, что является доказательством его мастерства в написании статей. Его умение и мастерство можно увидеть на примере большинства статей М. Шакури. В качестве аргумента обратим внимание на его статью «Истина – основа дружбы».

Статья начинается с небольшого абзаца, определяющего её цель: «Сейчас наше общество по-новому осмысливает свою историю. Были предприняты серьёзные шаги в направлении нового признания советской литературы, её основных направлений, творчества отдельных её писателей, идейно-эстетической сущности как известных, так и забытых произведений. Это важное событие, способствующее нравственному оздоровлению общества» [169, с. 231]. В другом абзаце делается ссылка на «идеологию и психологию сталинизма, хаоса и застоя», которые «во многих случаях приводили к ухудшению культуры отношений между народами». По его мнению, именно эта идеология стала основой для того, чтобы «показать свою нацию за счет игнорирования других, то есть своего рода историко-культурным преувеличением», которое закончилось в ущерб другой нации.

Такой вывод неизбежно вызывает у читателя следующий вопрос: «Чем отличается это течение национализма, проявившееся в 80-е годы, от поведения националистически настроенных общественных деятелей Средней Азии 20-х годов, таких как Файзулло Ходжаев, Абдурауф Фитрат, Абдулло Рахимбоев и другие? Ответ на этот вопрос краток: «Наука давно доказала необоснованность их идей, и некоторые из этих общественных деятелей позже признали данный факт. Но кое-кто сегодня хочет возродить эти идеи» [169, с. 231-132]. М. Шакури сделал акцент на определениях «общественные деятели» и «некоторые из них сегодня», тем самым направив внимание читателя на главный вопрос, который, прежде всего, представляет собой

структурно-интеллектуальные и идейно-жанровые характеристики его статьи.

В последующих абзацах автор статьи с доказательствами указывает на политико-националистический аспект, зарождающуюся тенденцию негативного отношения к таджикам, присвоения их духовного и культурного наследия и делает вывод, что «на основе процесса гласности и открытости, борьба с такими явлениями считается одной из важных задач эпохи перестройки и более необходимой для укрепления традиционных многовековых дружеских отношений между народами» [169, с. 232].

Первая часть статьи заканчивается упоминанием факторов, причин и исторических корней этого зарождающегося явления, которое было направлено на лишение таджиков права на государственность и духовно-культурное наследие, а именно:

- а) противостояние националистов созданию Таджикской республики в 20-е годы;
- б) ликвидации таджикских школ и запрещении обучения на таджикском языке в крупных населенных таджиками центрах;
- в) очередные проявления этого процесса через художественные произведения, фильмы и материалы прессы.

В статье кратко показаны факторы и причины этого движения против прошлого и настоящего таджиков на основе конкретных примеров, а в заключительной части статьи приводятся доказательства, анализируются и оцениваются на примере ряда художественных фильмов, романов, повестей и очерков.

Еще одним преимуществом данной статьи является то, что её структура и содержание улучшены основной идеей защиты исторического самосознания таджиков. В каждой части автором ставится вопрос и предлагается его решение, что способствует улучшению общей цели автора. Ответы на спорные вопросы и выводы также основаны на твердых и

достоверных доказательствах, что побуждает читателя задуматься и приступить к поиску истины.

Эта статья, которая написана после письма М. Шакури в соавторстве с Р. Амоновым, А. Мухторовым, А. Я. Вишневым, Р. Р. Масовым, Л. Шерали и др. на имя М. С. Горбачева на тему топорного раздела Средней Азии и пренебрежения правами таджиков, фактически, во-первых, разоблачает новоявленных пантюркистов, а во-вторых, документальными свидетельствами и глубоким научным анализом открывает перед читателем глаза на историческую действительность. Статья пробуждает чувства и мысли читателя, что является одной из основных характеристик публицистических статей.

Таким образом, цель М. Шакури в подобных статьях заключается в том, что читатель вместе с автором обдумывает обсуждаемый вопрос от начала и до конца. Он обретает доверие под влиянием правды, написанной автором, а его мнение и мировоззрение формируются в процессе обсуждения правдивости исторической судьбы таджикского народа, то есть трагедии языка, школы, образования, географической территории, которая была не только средством ликвидации национальной идентичности, но также фактором лишения этой нации её исторически унаследованной географии.

Английский писатель Монтане считает важным «отношение между контролем и личными убеждениями писателя относительно темы, о которой он пишет, и определяет статью как средство «своего рода формальной связи между писателем и читателем» [120, с. 275-276]. Другой учёный, Ходсен, считает главным элементом настоящей статьи «честность и верность», которые «писатель создает между собой и своим читателем с ясностью своей речи и с раскрытием своей личности».

М. Шакури при создании публицистических статей, прежде всего, преследовал художественную цель, а при анализе и оценке фактов учитывал общенациональный характер вопроса. Поэтому с уверенностью можно констатировать, что его статьи всегда ведут читателя «от факта к проблеме»

[12, с. 48]. Статья под названием «Если мерить весами справедливости» серьёзно выражает не только связь между личным мнением и убеждением автора и темой, но и его мысли, знания и мировоззрение в ходе анализа и конкретизации проблем, основанных на фактах. Статья носит общий исследовательский характер и показывает его сознательное столкновение с «большим очерком Абдукаххора Ибрагимова», который был опубликован под названием «Я - Бухара!» в только что созданной газете «Халқ сўзи» (узб.: Слово народа) - издании Верховного Совета Узбекской ССР. В этой статье были опубликованы факты, которые ни одного честного человека не могут оставить равнодушными.

Учитывая важность проблемы, М. Шакури также опубликовал эту статью под названием «Будем искать истину вместе» в журнале «Дружба народов» (1990. – №9). Статья также вызвала бурную реакцию читателей, и издание опубликовало ответ Хамида Исмаилова под названием «Чего мы не поделили?». Существует ещё один ответ на эту статью под названием «Почему мы не можем договориться между собой» с подписью А. Собирова, А. Белова и М. Ходжимухаммадова, опубликованный в русскоязычном издании Узбекистана «Звезда Востока» (1994. – №11). По словам М. Шакури, в этом ответе: «респонденты в основном говорили о том, что какая необходимость брать друг друга за шиворот и спорить друг с другом?» [169, с. 258]. В то же время следует отметить, что в то время ни в центральных, ни в местных СМИ Таджикистана на статью М. Шакури не отреагировали, никто не написал ответа и не поддержал его, что также является доказательством недалёковидности некоторых таджикских интеллигентов и, по мнению М. Шакури, является их «несознательностью».

Как подчеркивают учёные, автор статьи в процессе её написания, в первую очередь имеет дело с «правдой жизни». Это столкновение с фактом может происходить заочно или одновременно. В обоих случаях, «здесь нужна вдумчивость, глубинный взгляд, широкий кругозор и глубокий анализ. А потому за неопределённым фактом и событием можно наблюдать важные

и назревшие жизненные проблемы» [12, с. 49]. Упомянутая статья М. Шакури, которая была написана в результате глубоких размышлений над фактом присвоения исторического наследия и национальной географии таджиков на примере Бухары и её населения, показывает подход автора к познанию действительности и анализу конкретных фактов, что является доказательством его веры, глубоких знаний и широкого мировоззрения в раскрытии истины вопроса.

М. Шакури также, рассуждая об эссе Абдукаххора Иброхимова под названием «Обида на кончике пера», в начале статьи высказал следующее мнение: «Автор, рассказывая о древней Бухаре, до конца продолжая рассказ от имени города, выражает его старую и новую боль. Правдиво выражены некоторые социальные проблемы сегодняшней Бухары, и самый главный вывод таков: «Я подобен двору, хозяин которого уехал». Эта аналогия, в самом деле, хорошо представляет бедственное положение нынешней Бухары» [169, с. 258].

Своё мнение о «бедственном положении Бухары» автор статьи подтверждает заслуживающими внимания фактами, оказывающими глубокое воздействие на читателя. М. Шакури в первую очередь критикует автора очерка, который «не упомянул и объективно не искал главных причин упадка этого знаменитого города, бывшего когда-то одним из величайших городов исламского мира. Наоборот, он смотрел на древнюю историю Бухары со злобой завоевателя и всю её славу, и культурный интерес приписывал своему народу».

В упомянутой статье он взглянул на факты, высказанные автором эссе Абдукаххором Иброхимовым под влиянием злонамеренной идеи завоевания, с точки зрения национальных интересов, и смог увидеть в них большую национальную проблему, судьбоносную для таджиков Бухары. Он серьезно поднял вопрос о национальной принадлежности Ахмада Дониша и Садриддина Айни, интерпретируя основную идею, высказанную А. Иброхимовым, как уход от правды истории.

Для того чтобы донести авторское мнение, мысли и мировоззрение до читателя, М. Шакури оставляет факты в распоряжении читателя и даёт ему возможность самому судить о проблеме. Примером такого свидетельства является следующая выдержка: «Иброхимов подчеркивает, что в XVII веке в Бухаре было 250 медресе, 390 мечетей, почти 500 караван-сараяев, 350 водоёмов, что свидетельствует о высоком уровне культуры города. Причиной такой благоустроенности, по мнению А. Иброхимова, который говорит от имени Бухары, было то, что «вообще для предводителей тюркского государства (как и, разумеется, моего народа) испокон веков было характерно строить здания и любоваться ими». Следовательно, А. Иброхимов назвал большой минарет Бухары «Минаретом Арслонхона», то есть «Катта-Минор», что не соответствует ни исторической действительности, ни воображению народа, ни её народному названию» [169, с. 259].

На основании такого утверждения автора эссе М. Шакури подчеркивает необоснованность спора об исторической и современной принадлежности культурных памятников Бухары другому народу, фиксируя действительность следующим образом, что соответствует фактам и правде: «Как известно из истории, наоборот, тюркские ханы и беки разрушали страну постоянными набегами и нападениями, превращали обрабатываемые земли в пастбища и разрушали то, что построили местные жители. Лишь некоторые тюркские правители, если период их правления был долгим, отдавали немного из награбленных денег на постройку медресе или караван-сараяев» [169, с. 259-260].

М. Шакури приводит факты из эссе А. Иброхимова и доказывает ошибочность его утверждения с помощью убедительных доказательств. Например, на мнение А. Иброхимова о том, что Ф. Ходжаев, «объединив весь Туркестан», хотел «построить справедливое государство», то есть имел намерение «объединить разделенный Туркестан и создать единую Туркестанскую республику и даже общий туркестанский язык», на основе

конкретных примеров доказывает, что политическая деятельность Ф. Ходжаева была направлена против таджиков. Отсюда он приходит к такому выводу: «Высокомерные и шовинистические идеи Ф. Ходжаева в 1920-е годы были направлены против таджикского народа. Они послужили причиной нарушения прав таджикского народа, стали предлогом неслыханных несправедливостей, совершённых в отношении этого древнего и автохтонного народа не только на обширной территории Бухары и Самарканда, но и всего Мавераннахра и Хорасана. А. Иброхимова всё это не волнует. Он лелеет в своём сердце мечту, чтобы те идеи Ф. Ходжаева сегодня вновь оживились!»

Продолжение статьи состоит из исследования вопроса «откуда взялось тюркское зазнайство и национализм, приписывающий всю историю прошлого и настоящего своему народу, и каковы были его цели?», на который он даёт обоснованный ответ. Из научных исследований М. Шакури исходит, что «такие захватнические претензии имеют предысторию», которая включает агрессивные действия, направленные против таджикского народа. М. Шакури сгруппировал краткую историю претензий по поводу якобы агрессивных действий таджиков в приведённой ниже форме, что является жёстким ответом А. Иброхимову и его коллегам:

а) источником и родиной высокомерия и зазнайства, национализма и его угрозы является Османская Турция;

б) газета «Тюрк юрти» («Земля тюрков») является кривым зеркалом, показывающим рост численности тюркского населения, и рассматривает Бухарское ханство как государство тюрков;

в) тюрки считают все материальные, духовные и культурные ценности Бухары своей собственностью;

г) для тюрков Ибн Сино (Авиценна) был «тюрком, сыном тюрка» («*турк ўгли ўлантурк*»);

д) Заратустра тоже был выходцем из тюркских племён;

- е) неприемлемые явления национальной идентичности в Советском Союзе и появление движений против таджикского народа;
- ё) приписывание себе исторических и духовных ценностей таджикского народа и заносчивость по отношению к нему;
- ж) разъяснение этимологии названий городов, в том числе Ташкента, Бухары, Самарканда, в интересах узбекской нации;
- з) ошибочное представление о том, что Туран, тюрк и Туркестан якобы происходят из одного корня;
- и) предложение назвать Мавераннахр Туркестаном и так же назвать республики Средней Азии и Казахстана;
- к) ошибочное представление о господстве персидского языка в Средней Азии, основанное на традициях;
- л) основной причиной персидского господства в Мавераннахре и Хорасане было то, что таджикский народ всегда имел численное преимущество в Мавераннахре;
- м) тюркский народ не был строителем, а в большинстве случаев был разрушителем;
- н) Вароруд помнит разрушительную роль тюрков после 15 века и до наших дней;
- о) главными виновниками трагедии, постигшей таджиков Узбекистана, были руководители (советской, большевистской) партии и правительства, пришедшие к власти под руководством Файзулло Ходжаева и Абдулло Рахимбоева, и проводившие политику ассимиляции таджиков.

Мы выделили и записали только малую часть из сотни фактов, доказывающих то, о чём М. Шакури упомянул в статье. Вывод учёного заключается в том, что в соседней стране до сих пор продолжается открытая и тайная вражда против таджикского народа, а её ведущей силой является так называемая интеллигенция этой страны. М. Шакури следующим образом представляет одну из характеристик истинной или ложной национальной гордости: «На весы справедливости и совести кладутся и испытываются

самые высокие социальные и духовные чувства, такие как национальная гордость и патриотизм. Если это чувство может откликнуться на высокие потребности человека и народа, будь то свой человек или народ, или же чужой, то это поистине великое чувство, но если оно не может откликнуться, то это пагубная страсть, от которой надо избавиться» [169, с. 274].

Таким образом, М. Шакури является творцом фактов, выразителем и регулятором мыслей и представлений. Он за счёт соотнесения этих фактов со знаниями и мировоззрением добился долгосрочных и перспективных результатов, что является доказательством его знаний и понимания сути структурной возможности жанра статьи.

Рассмотренные выше статьи и статья «Давай от несправедливости умоем руки» выявили ещё одну творческую направленность мысли М. Шакури с использованием этого публицистического жанра, оказавшего положительное влияние на развитие его самосознания и национальной идентичности. Эти статьи выражают его сознательную борьбу против пантюркизма и пантуранизма. Этот процесс был начат ещё в двадцатые годы прошлого века Садриддином Айни, написав несколько статей и антологию «Образец таджикской литературы».

М. Шакури начал говорить на эту тему в то время, когда многие двери были закрыты, и только в период независимости появилась возможность высказаться. Вопрос, который поднял в данной статье автор и его соавторы Р. Амонов, Лоик и др., очень схожи с событиями тюркизации языка обучения в школах Бухары и других регионов Средней Азии, подобно тому, как «после Бухарской революции все школы были открыты на тюркском языке» (Икромид Д., Бухара Айни / Коммунист Таджикистана. – 1990. – 17 января). Однако круг дискуссии, обсуждаемый факт и мнения, высказанные в статье по данному поводу, имеют более глубокий смысл и звучат как публицистическое заявление о национальном самосознании. В начале статьи, автор упомянул дни «растерянности и беспомощности» таджиков, то есть «бессмысленную гражданскую войну», а затем в качестве предостережения

написал: «Вот статья, опубликованная в Турции, в газете «Уртодугу», вышедшей 7 февраля этого года, имеет следующий заголовок: «Турция не должна оставаться равнодушной к Таджикистану» её автор Мухсин Идикут Кози-углу, предупреждает руководителей своей страны, что пора задуматься о Таджикистане. И что же, по мнению того автора, должна думать далекая Турция о Таджикистане?» [169, с. 276]. Цитата из этой статьи, в которой ясная цель Мухсина Идикут Кози-углу не оставляет равнодушным сознательного читателя, поскольку данная статья представляет собой «пантюркистские мечты» автора и его сподвижников.

М. Шакури, тщательно изучив и сопоставив факты статьи, в том числе сопоставив количество представителей разных национальностей в таджикском обществе, и это количество с официальными данными, с помощью точных статистических данных отверг мнение турецкого журналиста о том, что таджики являются меньшинством в Таджикистане. Критикуя турецкого автора в том, что он под предлогом «защиты прав соотечественников вмешивается в дела других стран» и, интерпретируя это как «захват и оккупацию» пишет: «Автор статьи газеты «Уртодугу» призывает Узбекистан и Турцию сделать именно это. Чтобы облегчить лидерам Турции и Узбекистана такие действия, он утверждает, что Таджикистан является законным правом тюрок, и поскольку «таджики составляют меньшинство в Таджикистане, то очень серьезной ошибкой является присвоение этой стране названия Таджикистан!» [169, с. 277].

Автор статьи для ознакомления читателя с уровнем мысли, знаний, интуиции и мировоззрения Мухсина Идикута Кози-углу, приводит вымышленную им численность этносов региона и называет автора представителем неопантюркизма. Цель неопантюркизма трактуется как «лишение таджиков родины», а суть этого шага резюмируется следующим образом: «пантюркизм есть идеология великодержавного шовинизма и насильственного навязывания (насильственной ассимиляции)

малочисленных народностей в Турции, идеология узурпации и грабежа других народов».

М. Шакури в этой статье предостерегает таджикское общество и его руководство от «старого демона пантюркизма» и требует, чтобы турецкие школы, которых «в Таджикистане не мало», были под контролем общества. Он также упоминает о том, что «в 1910-1914 годы несколько групп бухарских детей были отправлены в Турцию для обучения, и многие из них вернулись зараженными воинствующим ядом тюркизма». По мнению автора статьи, отправляя сегодня студентов в Турцию, следует помнить об уроках истории.

Статья заканчивается следующим предложением, являющимся своего рода предостережением для таджикского общества. Это предложение является не только выводом автора, но и представляет собой его дальновидный, реалистичный и правдолюбивый взгляд: «нам следует помнить, что неопантюркисты имеют таких воинственных идеологов, как Мухсин Кози-углу и такие издания, как «Уртодугу», которые сегодня активизируются и, кроме всего прочего, ставят цель покушаться на жизнь таджикского народа.

Эта статья была написана в 1997 году. Это было время, когда не каждый мог говорить прямо, с такой принципиальной, надежной, твердой, публицистической резкостью, ясным и уверенным стилем. Во всех упомянутых статьях М. Шакури придерживался такого подхода и соблюдал структурные особенности этого жанра, которые были проанализированы и рассмотрены выше, что является свидетельством его ответственности и мастерстве в научно-публицистическом жанре.

В других статьях М. Шакури, которые, по его словам, «являются в основном продуктом 1997 года – года национального примирения, мира между государством и оппозицией», обсуждались и рассматривались вопросы национальной государственности, религии и национального единства. Профессор Х. Шарифов определил единственную цель этих статей

как «борьбу с подрывными государственными и национальными силами, национально-религиозной идентичностью» [1, с. 90]. К этому можно добавить, что статьи, написанные М. Шакури, также впервые затронули вопросы духовного возрождения, идейно-культурных ошибок таджиков и призывают читателей беречь и использовать национальное культурно-духовное наследие, имеющее большое пропагандистское и духовное значение. Такие статьи М. Шакури также «составляют сущность его политических мыслей, в том числе его теории о государственности, национальном государстве, политическом и национальном самосознании, акценте на верховенстве духовности».

Духовность М. Шакури в этих статьях упоминается в контексте неудачных реалий политической истории таджиков, а его мысли, факты, знания и мировоззрение улучшают их содержание и жанровую структуру. Мысли автора в этих статьях являются не подражанием или повторением политических программ и опыта его предшественников, а сознательным и объективным пониманием автором горького опыта своих соотечественников и, прежде всего, продуктом его глубоких знаний и широкого мировоззрения в контексте политических, социальных и духовных реалий Таджикистана.

Считаются ли статьи М. Шакури на упомянутую тему жанром науки и литературы или публицистической формой, в любом случае сильный публицистический аспект является одной из их важнейших особенностей. Слова автора имеют публицистический тон, они основаны на объективном научном анализе и аргументированных выводах. Однако такие статьи отличаются от чисто литературоведческих и литературно-критических статей полемикой, размышлениями и обоснованными научными выводами, выраженными в публицистической форме. При написании подобных статей, автор учитывал интересы читательских масс и других слоев населения, четко выражая свои мысли. Аналитические комментарии в статье сделаны таким образом, чтобы читатель использовал материал и в дальнейшем обдумывал интересующие его вопросы.

В таких статьях открыто выражается субъективное внимание автора, индивидуальный тон речи, его общественно-политические и национальные чувства, совершенствуется публицистическая основа текста, что является проявлением способности автора распознавать действительность и использовать жанр.

Не следует забывать, что автор статьи, будь то писатель, учёный или журналист, высказывает своё мнение по рассматриваемым вопросам либо непосредственно, либо на основе теоретических и практических работ или жизненных событий. Однако у него должно быть независимое мнение и достоверный источник по рассматриваемым вопросам, чтобы он смог мыслить на уровне учёного, социолога, культуролога и политолога, при необходимости дискутировать со специалистами и полностью прояснить вопрос. И наука, и публицистика являются сферами размышлений о жизненных событиях, связанных с судьбой человека. С этих мыслей начинается общественная, культурная, особенно национальная деятельность учёного-публициста. Эффективность и результаты этой деятельности зависят от того, на каких документах или фактах основаны мысли, знания и мировоззрение автора, насколько они глубоки, насколько далеко они достигли реальной сути вопросов, и смог ли автор выражать свои мысли с высоким человеческим чувством и достоинством или нет.

М. Шакури в предисловии ко второй части книги «Здесь Хорасан», содержащей в основном его статьи, писал с большой скромностью: «Я не специалист в таких науках, как политология, социология и философия, но, поскольку я немного осведомлён об историческом опыте нации, хотелось бы выдвинуть некоторые идеи, которые могут быть полезны для развития национального самосознания в таджикском обществе и философско-духовного самосознания их новообразованного государства» [168, с. 263].

М. Шакури в этом же предисловии книги «Здесь Хорасан», в которой собраны его статьи под названием «Независимость и социально-духовное самосознание», называя период независимости «новым этапом

национального самосознания», положительно интерпретирует это событие, в качестве серьезного толчка для углубления общественного и духовного сознания. С его точки зрения «изменение общественно-политической обстановки, гражданская война и общенациональный кризис, явившиеся неожиданными и разрушительными последствиями периода независимости, создали много препятствий для нормального развития общественного самосознания, сдерживали общество от духовного развития. Эти и другие вопросы, до того времени не были рассмотрены научным сообществом» [169, с. 263-264]. По этой причине в 1987, 1988, 2000 годах М. Шакури написал серию статей, которые конкретизируют его духовные поиски в этом направлении.

Одна из первых статей этой серии - «Провинциальное сознание и национальное сознание», в которой со скрупулёзной тщательностью и вниманием рассматривается и анализируется важный вопрос духовного существования нации, благоприятные факторы её формирования и препятствия на этом пути. Жанровая структура этой статьи была сформирована идеальным соотношением факта и мысли, знания и мировоззрения, а также определены и конкретизированы отношение автора к действительности, его положительные и отрицательные взгляды и выводы. По мнению автора, «усиление публицистического аспекта и гражданского пафоса» статьи представляет также его усилия по совершенствованию статьи, прежде всего, более активными мыслями и чувствами, а также поисками, связанными с распознаванием категорий сознания и их влияния на духовность нации, что мастерски выражено в упомянутой статье.

Следует сказать, что содержание и идейно-тематическая структура статьи, имея принципиальную связь с социокультурными условиями Таджикистана, выбраны в соответствии с духовным состоянием страны, и в то же время эффективны для улучшения ситуации. Для достижения этой цели автор строго соблюдал в этой и других статьях следующие особенности: а) его информация по данной теме отличается широтой и новизной; б) его

взгляд на факты, связанные с вопросом, ясен, и он уделяет больше внимания явлениям, значимым для таджиков, независимо от их географического положения; в) знание автором социальных наук и методов исследования позволило ему сознательно и смело рассматривать и решать вопросы, связанные с социальной и духовной этикой таджиков, или представить пути их решения для общества; г) благодаря тому, что автор знаком с исследовательскими подходами в обществознании, ему легко удаётся решение многих задач, одной из которых является сбор актуальной информации и мнения других по данному вопросу; д) независимость суждений позволила ему не быть подверженным мнениям и мотивам, которые дистанцировались от действительности; е) при создании таких статей автор посвятил жизнь выполнению своей социальной и культурной миссии, что является надёжным доказательством нетленности его трудов.

Теперь, чтобы доказать сказанное, кратко рассмотрим некоторые аспекты упомянутой статьи «Провинциальное сознание и национальное сознание» и конкретизируем исследовательский подход автора в этом контексте. Кстати, следует сказать, что некоторые литературоведы негативно отреагировали на эту статью и обвинили автора в местничестве, непонимании сути вопроса. Для правильного понимания стремлений учёного необходим широкий исторический и современный кругозор.

М. Шакури, основываясь на имеющихся у него фактах и реальных документах, и с помощью своих глубоких знаний и обширного мировоззрения исследовал и проанализировал вопрос в контексте исторической и современной судьбы таджикского народа и пришел к следующему важному выводу: «Когда тело нации слабеет, возникает опасность умаления национальной гордости, опасность её ослабления. Тогда пострадает и национальная идентичность, и региональное самосознание, являющееся феноменом гордости за место рождения и малую родину. Пока крепко национальное самосознание и высока национальная гордость, местное самосознание укрепляет нацию. Как только национальное чувство

убавляется, не исключено, что активизируется желание и энтузиазм, который мы сегодня называем местничеством» [168, с. 303]. В этом контексте учёный, рассматривая местное самосознание как важную часть структуры национального самосознания, считает местничество совершенно негативным явлением в жизни нации, конкретизирует предпосылки его возникновения, одной из которых являются «низкие чувства». Согласно его реалистическому пониманию, местная идентичность, региональная духовность, любовь к месту рождения и малой родине - все это благородные чувства, основанные на человечности и духовности. Однако местничество есть социальный эгоизм, заключающийся в том, чтобы считать себя выше сородичей, выше окружающих, противопоставляя свои интересы интересам других, интересам нации. Его вывод из этого трагического события состоит в том, что «местное самосознание увеличивает силу нации, а местничество подрывает корни нации».

В исследовании М. Шакури местничество представляет собой опасность, замаскированную под ложный патриотизм. Это показано на конкретных примерах, что является свидетельством широкого понимания и мировоззрения автора. С его точки зрения, «защита местных интересов - это не грех, это благодеяние. Однако под видом защиты местных интересов большим грехом является противопоставление малой родины другим регионам, это приведёт к ослаблению некоторых регионов и центральной власти. Это нанесёт вред всей стране, всему народу, потому что отсюда начинается разделение, распадается народ и страна, и есть вероятность, что эти разделенные части будут брошены на войну» [168, с. 304].

В статье автор говорит о местничестве, представляющем собой «деструктивную общественно-политическую силу», исходя из трагической действительности Таджикистана. М. Шакури на вопросы «Что происходило в Таджикистане в восьмидесятые и девяностые годы?» «Что было главной причиной гражданской войны девяностых годов в нашей стране?» даёт конкретный ответ и обращает внимание читателя на факторы, ставшие

впоследствии причиной беспорядков в стране. В данной статье «подчас обращается внимание на связь, взаимодействие и сочетание признаков события, иногда на причины его непрерывного формирования и развития» [88, с. 197], что зависит от мировоззрения автора и глубокого понимания реальности. При таком подходе, автор сгруппировал и конкретизировал основные факторы возникновения местничества и его трагических последствий следующим образом:

- а) выступление некоторых политических сил против лидеров коммунистической партии;
- б) местническое бравирование местом рождения партократов;
- в) предвзятое отношение к уроженцам Худжанда и необдуманные меры против них;
- г) местное раздражение, как фактор возмущения региона;
- д) война между районами, находящимися под влиянием регионализма;
- е) воздержание северных районов от боевых действий;
- ё) наступление «трагедии нации, трагедии национального самоубийства» под влиянием указанных факторов и вмешательства внешних сил.

М. Шакури из анализа процессов этой трагедии приходит к выводу, что «...один район никогда не должен начинать войну с другим районом, мы должны знать, что всякий раз, когда один район пытается бороться с другим районом, вполне вероятно, что все районы будут сражаться друг с другом. Тогда произойдёт национальная трагедия. Считаю, что это один из уроков истории Таджикистана конца XX века. Таджикский народ никогда не должен забывать этот урок истории. В частности, все политические силы должны запомнить его на всю жизнь» [168, с. 303].

Социальный эгоизм учёный называет местничеством и на конкретных примерах показывает исторические и современные предпосылки его возникновения. Среди прочего, он считает распад централизованного правительства Саманидов результатом предоставления самому себе «различного рода правителей», что вызвало ослабление центральной власти.

М. Шакури прослеживая прошлую и настоящую историю таджиков, приводит в качестве свидетельства следующие слова Айни, которые упоминаются в контексте местнических процессов внутри таджикского народа: «Мы, туркестанцы (то есть народы Средней Азии — М. Ш.) от необразованности и невежества сперва разделились на города и сёла, и били друг друга, убивали друг друга, грабили дома друг друга, уничтожали честь и достоинство друг друга и, наконец, попали в рабство к царскому деспотическому государству» [168, с. 305].

В продолжение статьи исследователь анализирует события, случившиеся с таджикским народом в конце XX века, и изучает то, что говорил Айни о местничестве, и приходит к выводу, что народ должен понять причины и последствия этой трагедии. Затем присоединение Средней Азии к России и появление пантюркизма большевиков он интерпретирует как нанесение вреда национальному единству таджиков, а формирование национального самосознания в неблагоприятных условиях считает причиной несовершенства национального самосознания. Ещё одной причиной незавершённости национального самосознания является отрицание национальных ценностей большевистской идеологией. Другая причина сепаратизма и местничества связана с активностью воинствующего атеизма, препятствовавшего развитию национального религиозного сознания. М. Шакури другую, серьёзную причину местничества и его усиления связывает с социальным сознанием и считает взаимосвязанным его упадок с проживанием таджиков в отдалённых горных уголках, что привело к развитию провинциального сознания. По его мнению, лишение нации городской цивилизации является одним из влиятельных факторов этого процесса, приводя в подтверждение тот факт, что в Таджикистане в 20-е годы XX века не было городов, он пишет: «Только в 1929 году советы осмелились» и отдали такие города, как Худжанд и Истаравшан Таджикистану. Лишение нации исторических городов с мировым значением, являющихся культурным, экономическим и политическим центром нации,

нанесло непоправимый ущерб мировоззрению нации. Нация постепенно стала лишаться древней городской цивилизации, всё более отдалялась от своего великого исторического опыта. Наш вновь построенный красивый город Душанбе, новая столица таджиков Мавераннахра, не имел высоких национально-культурных традиций. В Душанбе горожане стали сельчанами, но сельские жители не стали городскими. Лишение городского духовного сознания было исторической трагедией, постигшей таджиков Вароруда. По мере того как глубокое духовное мировоззрение, формировавшееся из городской цивилизации в течение нескольких столетий, стало постепенно ослабевать, его место заняло провинциальное сознание, являющееся незрелым простодушным сознанием» [168, с. 309]. Эту ситуацию автор рассматривает как причину отсутствия национального сознания и национального самосознания в восьмидесятые годы, а в девяностые - конфликтогенные факторы он называет причиной активизации местнического духа. Для исправления такого положения исторический опыт, в том числе и опыт Саманидов, учёный называет эпохой возникновения нации и средством преодоления местнических ограничений.

По его словам, связь нации с историей достигается разными способами, одним из которых является чествование великих людей и празднование важнейших событий в истории. Также М. Шакури в целях ограничения действия провинциального сознания, подчеркивая укрепление духовного сознания как первую и наиболее влиятельную меру в процессе общественного и национального самосознания, отмечает, что «невозможно словами, лозунгами и призывами уничтожить низкое провинциальное сознание, злобный местный эгоизм, антинациональное местничество. Особенно сегодня, когда все эти постыдные явления стали очень сильными, их можно будет замедлить и устранить активной борьбой. Местничество можно преодолеть с помощью патриотизма. Местничество является одним из сильных факторов разделения нации, и победить его можно будет оружием патриотизма, любовью к народу и Родине» [168, с. 315-316].

Наконец, в статье М. Шакури на основании конкретных фактов, в том числе через вбивание клина между «своими» и «не своими», ссылаясь на местничество органов государственной власти, называет этот процесс «гибелью нации» и «детисцем того же провинциального самосознания», что препятствует развитию всестороннего процесса национального самосознания.

Статьи, написанные М. Шакури на эту тему, как публицистический текст, одновременно формируют мысли и идеи автора, и имеют прямое практическое воздействие на читателя. В частности, он утверждает, что когда интересы народа и руководящих кругов противоположны друг другу, добиться самосознания можно только с помощью выражения мыслей в форме воздействия на общество. По этой причине, такие статьи носят исследовательский и аналитический характер, в них, во-первых, обсуждается существующая ситуация, а во-вторых, указываются пути её исправления, что является доказательством практического влияния таких статей.

В этой связи, статьи «Политическая независимость и культурная независимость», «Национальное государство и сфера духовности», «Одноязычный мир неспособен быть многообразным», «Национальное государство и духовное возрождение» и т.п., основу которых составляет проблема национального самосознания. Они имеют публицистический критический характер, являются доказательством «горячего сердца, резкой и впечатляющей речи» автора, конечным посылом которой является поднятие самосознания нации и различных слоёв таджикского общества.

Как писал профессор Худои Шарифов: «Накануне распада Советского Союза и обретения Таджикистаном независимости М. Шакури обращался к темам, не имеющим прямого отношения к литературно-художественным дискуссиям» [1, с. 90]. На наш взгляд, в этом утверждении Х. Шарифова чувствуется немного преувеличения. По сути, статьи, написанные М. Шакури относительно вопросов национальной государственности, религии, национального единства и анти-пантюркизма, напрямую связаны с

литературно-художественными дискуссиями. Более того, автор при создании любой публицистической статьи опирается на контекст литературы и культуры. С этой точки зрения, в написанных исследовательских статьях по проблемам литературы и литературной критики, он не оставлял без внимания социально-духовный дискурс и вопросы национального самосознания.

Учёный считает «публицистический тон» в критических статьях «весьма необходимым» и подчеркивает, что «и литература, и критика являются полем размышлений о вопросах жизни, о человеке и сущности его существования. С этих мыслей начинается общественная и гражданская деятельность критики. Эффективность и результат этой деятельности зависят от того, насколько глубоки мысли и суждения критика, насколько далеко они дошли до действительной сути вопросов, сумел ли критик с высоким гражданским чувством высказать свои жизненные мнения или нет» [137, с. 15].

Продукт деятельности учёного в области литературоведения и литературной критики свидетельствует о том, что он был сторонником научных, публицистических и реформистских взглядов в этой сфере, всегда поднимал и обсуждал в таких статьях вопросы, связанные с исторической и национальной жизнью таджиков.

В этом плане, его литературоведческая деятельность в 1980-е, 1990-е годы и после обретения независимости носила обличительный, реформаторский и национальный характер, а его литературно-культурное стремление заключалось в формировании и развитии национальной идентичности. Ряд его критических статей, в том числе «Зеркало и его владельцы», «За объективную аналитическую критику», «Мудрость веков», «Урок литературы учит гуманизму», написанные в девяностые годы, статьи «Три ветви плодоносного дерева», «Биография Аджзи», «Отец нации», «Сентиментальный психолог», «Какая нация? Стихотворчество тому пример!», «Поэзия самопознания и саморазрушения» и тому подобные, которые были опубликованы в конце девяностых и 2000-х годах, охватывают обзор его уникальной концепции в познании литературных реалий в связи с

исторической, литературной и культурной судьбой нации, в основе которой лежит самосознание и самопознание.

Подобные статьи также играют важную роль в признании фактов, связанных с судьбой нации, и в развитии её публицистического аспекта, соотношения идей и фактов, знаний и мировоззрения, и такой способ взгляда усилил в его работах тенденцию публицистического реализма. В этом подходе во многих отношениях интересна статья «Три ветви плодоносного дерева».

В данной статье учёный ставит вопрос национального самосознания в контексте историко-литературной и культурной судьбы таджиков, раскрывает предпосылки, факты и виновников этого процесса, оценивая его сущность, что является беспрецедентным шагом в познании существующих препятствий по отношению к национальному самосознанию. Автор упоминает мнения официальных кругов 20-х годов об отсутствии у таджиков литературного языка и литературы как об историческом факте, используя всесторонние знания и целостное мировоззрение, чтобы показать читателю правду. Он определяет «изгнание таджикского народа с поля истории» как цели пантюркизма и большевистской идеологии и добавляет, что «исторический нигилизм является частью большевистской идеологии, которая сыграла отрицательную роль, особенно в случае с таджикским народом. В политике советов целью отрицания славной истории древних таджиков было, прежде всего, их подавление. Когда советы описывали таджикский народ как неисторический, неполноценный, отсталый, неграмотный и невежественный народ, они пытались сделать его покорным и послушным. С началом революции таджикский народ всегда читал в печати и слушал на собраниях упрек в некультурности и отсталости» [20, с.34].

М. Шакури рассматривал бескультурье большевиков и их государственный атеизм как фактор ослабления памяти народа о прошлом и историко-культурном самосознании, и провёл всесторонний анализ борьбы «гордых сыновей нации», в том числе Айни, за национальное самосознание.

Его анализ и постижение нравственного права таджиков является аргументированным и точным, что конкретизирует правильную тенденцию его мировоззрения. Из усилий Айни он делает вывод, что акцентирование внимания Айни на проблеме единства всех ареалов персидского языка и литературы был своего рода ответом на пантюркистскую и советскую политику, которая хотела удержать Таджикистан на расстоянии от Афганистана и Ирана.

Исследователь, прослеживая взаимодействие между различными ареалами таджикско-персидской литературы и культуры, рассматривает её вечную связь и принципиальное единство как доказательство устойчивости взаимосвязи этой литературы и культуры на протяжении времени, и тем самым на примерах показывает предпосылки и факторы этой связи в период образования советской и новейшей таджикской литературы. В ходе изучения он приходит к выводу, что, несмотря на противодействие официальной политики, связь между этими литературами и культурами никогда не прерывалась. И это является доказательством самосознания и идентичности его носителей. По его мнению, несмотря на нарушение географических границ, научный характер и национальная сущность этой литературы и культуры все ещё сохраняется, что указывает на стойкую идентичность её владельцев.

Другая работа, свидетельствующая об усовершенствовании его стиля, называется «Отец нации», и хотя она по объёму большая, но сам автор называет её статьёй. Данная статья начинается с описания слов Бабаджана Гафурова, который называет Айни отцом нации, а затем конкретно показаны его заслуги на пути национального самопознания с фактами, доказательствами и свежим взглядом.

В статье через факты и доказательства автор размышляет о вхождении Айни в «среду единомышленников и последователей Ахмада Дониша», о роли литературного кружка Садр Зие в его судьбе, о готовности просветителей строить новое общество и подготовке некоторых из них

встретить национальное возрождение. Он связывает просветительскую деятельность Айни с созданием школы нового типа и ознакомлением с такими газетами и журналами, как «Хабл-ул-матин» (Крепкие узлы), «Чехранамо» (Олицетворение), «Парвариш» (Выращивание / Рост), «Тарчумон» (Переводчик), «Вакт» (Время) и «Сироч-ул-ахбор» (Светоч сведений). Этот процесс, по мнению автора статьи, явился началом сознательных усилий Айни и его товарищей на пути национального самосознания, которые продолжали развиваться по мере смены господствующей политики, других политических и социальных проблем, и заложили фундамент для создания школы нового типа и тайного общества «Тарбияи атфол» (Воспитание детей). Их основателями были Айни, Мунзим, Мехри, Хамди и ряд других просветителей.

В статье подробно, на основе фактов и со свежим публицистическим взглядом на мир анализируются первые сочинения и патриотические стихи Айни до антологии «Образец таджикской литературы», а также другие произведения писателя, его историческая борьба за защиту языка, спасение нации от зла пантюркизма, активное участие Айни в национально-освободительной борьбе таджикского народа, его самоотверженная борьба в двадцатые годы за национальную независимость таджиков, разоблачение пантюркистских заговоров, являющиеся отражением его патриотизма.

М. Шакури подчеркивает, что «поскольку научные исследования Айни представляли нацию ему самому и другим, можно сказать, что они носили просветительский характер, а потому их следует считать продолжением его просветительской деятельности». По этой причине учёный продемонстрировал принципиальное значение «находок ищущего ума Айни» в судьбе нации, и считает важными его усилия по пропаганде таджикско-персидского литературного языка. Как видим, вопросы, непосредственно связанные с национальным самосознанием, в понимании М. Шакури занимают приоритетное положение и раскрывают основную характеристику его аналитического мышления при создании статьи. Точнее, «...только

трезвая мысль (или же, попытка относительной трезвой мысли)» к жизни других и политике, и по возможности без очков и без завязанных глаз» [143, с.160] придали М. Шакури возможность понять реальную позицию Айни по национальному языку. Они способствовали определению его роли в наследовании и связи времен, в сохранении простоты и самобытности языка, изящности речи и способности языка укрепить основы существования нации. Помимо того, он конкретно проанализировал и определил, что основу мировоззрения Айни, пропагандистский аспект и публицистический тон его произведений, тонкое изображение жизни нации, национальная одухотворенность, вопросы социального самосознания в художественных произведениях Айни, проблемы единства общества и единства нации, национально-освободительная направленность в творчестве Айни в годы Великой Отечественной войны, блеск интеллекта нации в «Воспоминаниях» и т.д. составляет не классовость его произведений, а их гуманизм.

Статья «Какая нация? Поэзия тому пример!» является образцом публицистической критики М. Шакури. Её «публицистическую основу» составляют проблемы современной поэзии, её национальные и социальные аспекты, упадок культуры таджикской поэзии в 1960-е годы, важные изменения в таджикской поэзии после смерти Сталина (1953 г.), возвращение поэтов Лоика, Муъмина Каноата, Бозора Собира и других к отображению вопросов социальной этики, исторической памяти, национального самосознания, духовных процессов общества. Их творчество основывалось на поисках преодоления поэтических канонов, на пути к развитию таджикской поэзии и подготовки предпосылок для её совершенствования. В целом, учёный проанализировал целый период таджикской поэзии и конкретно оценил перипетии её развития, которые в большинстве случаев затрагивают защиту вопросов национального своеобразия поэтического искусства и духовной стороны поэзии.

Из анализа и оценки важных процессов развития таджикской поэзии М. Шакури приходит к выводу, что судьба поэзии не отделена от исторической

судьбы нации, а также социальных и культурных процессов, происходящих в жизни общества, она обязательно тем или иным образом отражается в поэзии. В продолжении он добавляет, что «конечно, развитие литературы и искусства не следует считать непосредственно связанным с общественно-экономической обстановкой того времени, но связь между исторической судьбой нации и её культурой не вызывает сомнения [20, с. 389]. В этом контексте, пути развития поэзии он считает связанными с духовными процессами общества, а её влияние в процессе национального самосознания и сохранения художественного и духовного наследия нации считает очень важным, что подтверждает творческий характер поэзии в национальном обществе.

Одна из особенностей критических публицистических статей М. Шакури заключается в том, что для него литература, особенно поэзия, - это заветная мечта, и по этой причине он ставит идеи, способные направить мысли читателя в русло чаяний нации. В таких статьях, в том числе и в упомянутой статье, автор высказывает своё мнение «на основании фактов и определенных событий (стихотворение и процесс его развития - наше примечание)» [69, с. 49], а при решении рассматриваемых проблем, конечно, «не только знания и опыт, аналитические способности и широкий кругозор, но и интеллект» являются для него определяющими факторами.

Идеи и предложения, представленные автором в этой статье (например, относительно новизны темы и его художественного описания), являются конкретными элементами, которые могут быть эффективными при изменении или исправлении стихотворения. Идеи учёного о современной поэзии - это интеллектуальные замыслы или новые взгляды, актуальные в процессе совершенствования того или иного явления и устранения его слабых мест. В этом плане, учёные-обществоведы считают, что «заветная мечта в любом контексте достигает того, что считается совершенным и навязывается как образец и черта внутри определенной группы. Что касается этого содержания, термин «заветная мечта» используется для обозначения

любой формы, названия или модели, которая известна как цель или предел действия. В каждом обществе существует социальная мечта, т.е. воображение о культурной, социальной, политической системе и т.д., которую большинство людей признает ориентиром в регулировании своего поведения. По мнению этих людей, такое воображение о высшей системе не проявляется как обыденная данность, а по умолчанию становится как-бы «образцом и характерной чертой» [133, с. 139]. Несомненно, что М. Шакури проанализировал и оценил в данной статье, не только литературное и культурное явление, но и сам создаёт заветные мечты и передаёт их читателю, что на протяжении многих лет может быть источником общественного мнения.

В статье «Поэзия самосознания и саморазрушения» М. Шакури сталкивается с такой литературной действительностью, что эффективно влияет на мнение любящей искусство публики. В данной статье, изучая и исследуя процессы современной поэзии, автор установил, что тема национального самосознания является в современной таджикской поэзии духовным феноменом. В этом направлении исследователь смог благодаря широте своих взглядов проанализировать и подвергнуть критике поэзию самосознания последнего десятилетия XX века, а как публицист, наряду с социальной конкретизацией, показал воплощение в стихах своеобразной художественной панорамы жизни в поэзии этого периода.

По мнению М. Шакури, в рассматриваемый период, в связи с братоубийственной войной, «в поэзии больше всего выражено не само самосознание, а национальное самосознание, которое явилось одной из главных причин всеобъемлющего кризиса в обществе, и посредством разнообразных проявлений было втянуто в запутанную полемику» [20, с. 424]. В упомянутой статье учёный исследовал и оценил эту трагедию национального самосознания, описанную в таджикской поэме девяностых годов, с публицистическим смыслом и конкретизировал различные явления

этого события, отражённые в поэзии, и обладающие действенным агитационно-пропагандистским аспектом.

Следует подчеркнуть, что, начиная с девяностых годов прошлого века и в последующие годы, одним из центральных вопросов исследований М. Шакури было исследование и постижение национального самосознания. Целью этих усилий и поисков автора было пробуждение сознания, национальной чести и гордости. В этом контексте, писатель и литературовед Юсуф Ақобиров считает его статью «Поэзия самосознания и саморазрушения» «своего рода подведением итогов и выводом усилий, борьбы и исканий литераторов, в том числе и таджикских поэтов, по теме национального самосознания за последние тридцать-сорок лет» [1, с. 137].

Печальным фактом является то, что поэзия с тематикой национального самосознания 1960-1970-х годов, в которой порой присутствует тема национальных поражений, в 1990-е звучала все громче и громче. М. Шакури в своих статьях в качестве доказательства приводит факты из стихов Фарзоны, Аскара Хакима, Гулназара, Камола Насрулло, Бозора Собира, Лоика и пришел к выводу, что «человек не только сбился с пути, но и потерял самого себя». Потеря себя - это тоже один из феноменов исторического отчаяния, одно из его следствий... Потеря себя - это отчуждение от себя, лишение своей идентичности, сбивание с пути в процессе самосознания.

М. Шакури считает, что в некоторых стихотворениях упоминание таких понятий, как эгоизм, себялюбие, мания величия в значении местничества, это есть следствие ограниченного провинциального сознания, глубоко противоречащего национальному сознанию. По его мнению, «во всех этих случаях человек отдаляется от самосознания». По словам Лоика:

Не отдаляйся от себя, пока не найдешь душу сердца.

Зачем такое самоуничтожение без созидания самого себя?

От своего эгоизма, сегодня остался без идентичности,

Что это за люди без родственной души и намерений?

(подстрочный перевод)

М. Шакури, анализируя это стихотворение, объясняет, что «отдаляться от себя» не значит потерять себя, это значит узнать других, немного закрыть глаза и найти сердца других. Самосознание ведет к признанию людей, а признание других людей приводит к самосознанию. Однако если в процессе самосознания не смотреть на других, на общество, нацию, историю и т.д., а ориентироваться только на себя, то это может привести не к самосознанию, а к эгоизму. Лоик считал такой эгоизм самолишением, потерей себя. По мнению Лоика, эгоизм направлен против других, во вред обществу и нации, и является признаком саморазрушения человека, и это саморазрушение произошло не для самосовершенствования, а привело человека к полному поражению, уничтожило его как личность.

По словам учёного, Лоик говорил о тяжёлом кризисе самосознания. Он выявил, что социальное и духовное самосознание, в том числе национальное самосознание - это самосозидание, созидание человека, созидание общества, созидание судьбы. В его поэзии, считает учёный, эгоизм и саморазрушение, жалость к себе и потеря себя, самолишение и самоуничтожение заняли место самосознания.

В конце 1990-х политическое и социальное положение поэтов привело к тому, что в их поэзии самосознание превратилось в самосожжение, а кризис самосознания привел к деструкции и разрушению, и все это послужило причиной того, что разочарование по отношению к нации стало главной темой поэзии. Например, Лоик писал: «Сегодня моё сердце разочаровалось этим народом и этой страной». М. Шакури утверждает, что «патриоту с таким сердцем, как Лоик, было нелегко сказать: мое сердце разочаровалось этим народом и этой страной». Но он это сказал, и видно, что эти строки написаны кровью его сердца. Его слова ни в коем случае нельзя считать грубыми или неуважительными. Это отчаянный крик верного сына к матери, отечеству и отчизне, разрушивших надежды своих верных детей» [20, с. 446]. Причиной влияния саморазрушительной поэзии в этот период учёный

считает разочарование поэтов в повседневной жизни и добавляет, что «в эти годы почти не было возвышенных стихов на тему независимости и гордости за свободу». Причиной тому, конечно же, является братоубийственная война и кризис самосознания, обесценившие высокие человеческие ценности и притупившие чувство заботы о стране и нации. Разочарование породило чувство протеста и презрения к национальным и общечеловеческим ценностям. По этой причине в этот период поэзия боли и скорби нации имела больше преимущества. В частности, болью нации стал сборник стихотворений Лоика «Крик без услышавшего зов». Согласно М. Шакури, «Боль нации со страданиями её души пронизывает всю поэзию Лоика. Поэт рассматривает прошлое и настоящее таджикского народа, судьбу нации и ищет исторические корни сложившейся ситуации. Поскольку он хочет рассказать историю своего народа, он начинает говорить о «несправедливости истории» и «яде истории» [20, с. 448].

По мнению М. Шакури, стихотворения про самосознание наконец, дошли до «национальной самокритики», хотя данный интеллектуальный подход можно увидеть в творчестве многих поэтов 1960-х годов, но этот вопрос «предстаёт в стихотворениях Лоика весьма полно и со всей остротой».

М. Шакури в критике поэзии мыслит присущими ему категориями, чувствами и эмоциями и не разочаровывает читателя, ведя его к порогу надежды и покоя. В критике стихов на данную тему им был сделан такой вывод, что «поскольку самосознание дошло до саморазрушения, целью саморазрушения должно быть самовосстановление. Поэзия национальной самокритики ведет народ к самопреобразованию, к обновлению и перестройке, к национальному возрождению... и появление поэмы национальной самокритики предвещает, что таджикский народ находится на пути духовного возрождения». В доказательство своего утверждения исследователь целиком цитирует посвящённое этому духовному возрождению стихотворение Лоика «Жизнь моя — твоя жертва, о, моя

Родина в кровавом саване». Что касается воздействия этого стихотворения, М. Шакури сделал следующее примечание: «Я много раз видел, как наш великий актёр Ортик Кодир читал это стихотворение на публике, и глаза людей наполнялись слезами». Пока стихотворение производит такое действие, есть надежда, что однажды оно даст желаемый результат» [20, с. 453].

Исследователь на примере поэзии самосознания 1960-х годов, в том числе поэтических изысканий Лоика и Бозора Собира и таких поэтов, как Мумин Каноат, Гулрухсор, Аскар Хаким, Фарзона, выражает надежду, что «даже если сегодня национальное самосознание столкнулось с тяжёлым кризисом, не теряется надежда, вызванная влиянием поэзии самосознания, особенно поэзии Лоика».

Данная статья и в своё время и сейчас не потеряла своей актуальности в познании интеллектуальных и художественных тенденций современной таджикской поэзии. Как признаёт сам автор, научно-аналитическая основа содержательной структуры данной статьи определяется «публицистическим началом». Публицистический дух в его исследовательском методе является одним из основных средств выявления и доведения до понимания читателя коренных интересов человека, восходящих к проблеме национального самосознания. В этой статье широкий спектр научных исследований соединился с тёплым и эффективным публицистическим нарративом, усилив его пропагандистский аспект. Статья от начала до конца, была написана в пропагандистском стиле, а в её завершении автор приводит эти строки из прискорбной газели Лоика:

Эта пустошь — моя родина.

Кровавая граница - мой памятник.

Эту газель он интерпретирует, как «прощание Лоика со своей нацией, со своим временем, с двадцатым веком», и сам так же «прощается с этими строками великого поэта и с двадцатым веком», что включает в себя, как анализ факта, так и размах его мыслей и мировоззрения на пути осмысления

самосознания и саморазрушения таджикской поэзии, что является частью скорбной судьбы нации.

Чёткая публицистическая цель данной статьи подтверждается тем, что автор в основном занимается внутренним анализом поэзии этого периода, который осуществлялся, прежде всего, с целью повышения исторического аспекта статьи. Это направление изучения и оценки имеет приоритетное значение в его трудах данного периода и делается с целью воздействия на общественное мнение, что является одной из особенностей публицистического подхода исследователя. Как было отмечено, такие его статьи отличаются от аналогичных работ других публицистов «глубиной взглядов и мнений, обширным и глубоким анализом, широтой выводов и обобщений» [69, с.149-150].

Таким образом, на основании исследования и анализа, проведённого в данной главе, можно прийти к выводу, что в рецензируемых статьях М. Шакури, являющихся интересными и удобочитаемыми, помимо соблюдения методики написания статей, содержится также большое значение и логика выражения мнения, что придаёт его работам действенность с точки зрения содержания. В большинстве таких статей соблюдены соотношение и единство замысла, факта, мнения, знания и мировоззрения, ощущается гармония содержания и стиля. Каждая исследуемая статья написана на определённую тему и приводит читателя к определённому результату. Кроме того, автор всегда использует силу своих ощущений и таким образом старается донести до читателя свою личность, характерные черты и сущность своих мыслей по сложным вопросам национального самосознания. Создаётся впечатление, что эти статьи как бы обвивают читателя, придерживают его в рамках мыслей и мировоззрения, одним из элементов которого является самосознание. Вследствие этого они не позволяют читателю с легкостью относиться к поставленным проблемам и позиции автора. Использование точных фактов, анализ и обоснованные выводы, отражающие полноту знаний и устойчивое мировоззрение автора, усовершенствовали содержание и

жанровую структуру статей, и в качестве средства воздействия активизировали общественное мнение.

III. 3. Особенности рассмотрения вопросов национального самосознания в произведениях и воспоминаниях М. Шакури

Произведения М. Шакури, в целом, состоят из работ, в которых «систематически обсуждается одна тема и её принципы» [120, с. 286] и в них автор, раскрывая трудности исследуемого вопроса, излагает особенности своего взгляда, мышления и отношения к обсуждаемым фактам.

В этом контексте, мы решили изучить работу Мухаммаджона Шакури «Садри Бухоро» (дословно: Величие Бухары, имя отца автора –Шарифджона Садра Зиё – примечание наше) и его воспоминания, опубликованные под названием «Рассказы, взятые из жизни» (2014 г.), в которых исследования, анализ и изложение вопросов национального самосознания таджикского народа имеют свои специфические особенности. Исследование и рассмотрение указанного вопроса в этих работах позволит выявить комплексные направления усилий учёного в познании этого вопроса.

Работа «Величие Бухары» освещает важные вопросы национального самосознания, а в своём содержании и жанровой структуре включает элементы, подробно раскрывающие обширный состав данного публицистического произведения. Наконец, эта работа представляет собой глубокое исследование учёного, обладающего публицистическим талантом.

Работа «Величие Бухары» была написана под влиянием этих факторов и опубликована впервые в 2002-м, а повторно в 2005 годах. По словам самого автора, в ней «были обсуждены некоторые основные вопросы таджикского просветительства» [167, с. 8].

Работа состоит из двух разделов - «Величие Бухары» и «Высокое гнездо Анко (имя сказочной птицы)». Второй раздел был добавлен автором ко второму изданию, чтобы ответить на нападки, которые были в таджикском

литературоведении на его отца – известного просветителя, продолжателя школы Ахмада Дониша - Шарифджона Махдума Садр Зие.

Первый раздел работы состоит из глав «Садр Зие и его дневник», «Поэтическая антология» и вопросы появления «Новой поэзии» и «Я шёл по пути истины». Этот раздел посвящён изучению жизни, а также произведениям и дневнику Садра Зие. В этом разделе исследователь объясняет наиболее важные факты биографии Садра Зие, через факты и аргументацию он устраняет логические противоречия, а затем исследует и оценивает влияние «литературы того времени и поэзии с позиции просветительства Ахмада Махдума», что является достоверным указанием на зарождение национального самосознания того времени.

М. Шакури на основании сведений, предоставленных Айни, доказывает, что Садр Зие был не только поклонником произведений Ахмада Махдума, но и был продолжателем его учения, когда «чтение его сочинений было запрещено», и обсуждал их содержание в своем литературном кружке». Эти его действия были направлены на ознакомление определённых кругов общества с мыслями и мнениями выдающегося представителя таджикской литературы этого периода и являлись источником духовного и национального самосознания.

С его точки зрения, Садр Зие был не только поэтом, летописцем, основателем и руководителем бухарской интеллигенции, но и пропагандистом духовных, интеллектуальных, исторических, литературных и культурных ценностей нации. Специфика исследования и оценки вопросов национального самосознания в его работах, особенно в работе «Садр Бухоро» (Величие Бухары), определяют и конкретизируют этот интеллектуальный подход, имеющий «научную основу самосознания», а также ярко выраженные черты «публицистического начала».

Упоминание о важных документах и получение копии книги Ахмад Махдума Дониша «Наводир-ул-вакоъ» («Редкостные события»), переписанной рукой самого автора, и под влиянием учения Ахмада Дониша

склонение просветителей, в том числе Мунзима, Айни, Хайрата и других к «идеологической революции», а также о прямом влиянии Садр Зиё в этот процесс является конкретным доказательством развития национального самосознания в чувствительный период истории таджикского народа.

Для М. Шакури, наряду с тем, что литературный круг Садр Зиё являлся «стимулом для членов его литературного кружка», он также сыграл действенную роль в «становлении новых литературных течений. Так, например, в формировании нового стиля в творчестве Садриддина Айни, большое влияние оказали Мухаммадсидик Хайрат, Ахмаджон Абусаидзаде Хамди, Абдулвохид Мунзима и другие, которых Садр Зиё в своей поэтической антологии «Антология поэтов» назвал представителями «новой поэзии». Для подтверждения этой точки зрения М. Шакури приводит слова Айни: «Шарифджон Махдум – известный мыслитель нашего времени, а его дом - школа литературы этого периода», что является явным указанием на аспект самопознания и самосознания вопроса [167, с .14].

М. Шакури, называя литературную школу Садр Зиё «с разных сторон» школой литературы того периода, упоминает участие Шохина в этом круге, с теплотой отзывается о членах данного круга и их стихотворениях, являющихся «высшим примером таджикско-персидской поэзии конца девятнадцатого века» и от этого литературного события, приходит к следующему выводу: «Если такое стихотворение стало «учебником» в «литературной школе того периода», то эта школа должна быть признана высшим литературным университетом. Учителем этого университета был сам Садр Зиё. В этой высшей школе молодежь конца 80-90-х годов девятнадцатого столетия и начала двадцатого века училась у такого преподавателя, который, по словам Хайрата и Айни, был «известным мыслителем того времени».

Из этого факта и объяснения следует, что эта школа была одним из первых центров национального самопознания и самосознания, открывшей глаза передовых людей на действительность времени, и объяснение М.

Шакури выражает такой смысл. Чтение классической поэзии, в том числе «Шахнаме» Абулькасима Фирдавси, также является целенаправленным мероприятием в рамках этого литературного круга, подтверждая творческую идентичность Фирдавси как поэта, обладающего глубоким аспектом самосознания.

Научные труды М. Шакури, особенно работа «Садри Бухоро» (Величие Бухары) отличаются «глубокой документальностью» и, по выражению И. Брагинского, «основана на сборе и отборе документов, тщательном их изучении и анализе, и на этой основе составлении твердых научных выводов». Эта особенность придает оригинальную достоверность произведениям учёного и знакомит читателя с мозгом творчества писателя, что и является целью его исследования» [См.: 1, с. 36]. Обширное исследование жизни и произведений джадидов, то есть просветителей, а также нападок на них, прежде всего на Садра Зиё, имеющих прямое отношение к защите национальных культурных ценностей, обладает такой особенностью, на которую И. Брагинский ясно указывает в приведенной выше цитате.

Работа «Садри Бухоро» в отражении вопросов национального самосознания, во-первых, показывает новое видение исследователя в изучении просветительской литературы и её представителей, а во-вторых, обращает внимание исследователей на непреходящие ценности литературных произведений представителей этого периода, в том числе и Садра Зиё, указывающие путь к самосознанию. В данной работе исследователь отражает биографию Садра Зиё на основе всех необходимых документов, тем самым показывая читателю печальные и кровавые страницы жизни таджикского народа.

Кстати, следует упомянуть, что 26 февраля 1993 года в московском издании «Независимая газета» была опубликована, статья Шарифа Шукурова (сына М. Шакури) под названием «Таджики», вместе с фотографией Садра Зиё. Статья начинается следующими словами: «Эта фотография, которую вы

видите, является изображением моего прадеда, одного из последних представителей классической культуры таджиков, Шарифджона Махдума Садр Зие, и он был одним из самых уважаемых и редких деятелей золотого века России, который завершил тысячелетнюю историю таджикский народа в Бухаре и без сомнений, это достойная личность. Потому что он после себя оставил последнее тазкира (антологию – примеч. наше – К. Т.) персидской поэзии, стихи и статьи в контексте истории, каллиграфических и исторических произведений, этого редкого искусства.

Садр Зие жил в Бухаре, которая является центром таджикской культуры и традиций, и был убит большевиками в этом городе, потому что они не могли терпеть такого человека, как Садр Зие. Медресе, где в то время учился Садр Зие, было превращено большевиками в тюрьму, и измученный старик закончил свои дни в помещении, где прошла его юность и счастливые дни учебы. Волей судьбы последний представитель таджикской классической культуры и судья Бухарского эмирата закончил свою жизнь в доме, где он начал свою писательскую и административную деятельность» (Независимая газета. – 1993. – 26 февраля).

М. Шакури смотрит на человеческую и творческую судьбу Садра Зие, прежде всего, как на образец для подражания и самопознания, и в этом контексте упоминает его выдающиеся произведения и особо напоминает об их национальной сущности, являющейся путём к божественности и самосознанию. Автор углубляется в жизнь и творчество Садра Зие, определяет его духовную и физическую связь с историко-культурной судьбой нации. Иногда он исследует роль этого человека в сохранении жизни таджикско-персидского языка и использовании произведений прошлого, а иногда, слова Айни «объясняет диваны (собрания сочинений – К. Т.) классиков и сборников рассказов и делится с нами своим вкусом», он интерпретирует как связующее звено между сегодняшним днём нации со вчерашним. Это звено выражает национальную идентичность как Садра Зие, так и автора. Литературный круг Садра Зие в работе характеризуется не

только как влиятельная литературная школа, но и как движущая сила возрождения национальных литературных и культурных связей. Утверждение М. Шакури о том, что «Садр Зиё был пропагандистом посланий Ахмада Дониша, который выполнял его поручения и призывал людей следовать его учению» [167, с. 16], является действительным указанием на сохранение и возрождение культурных традиций таджикского народа. Оно конкретизирует сущность самопознания и национального самосознания во времена Садра Зиё и интерпретациях М. Шакури.

Еще одной из особенностей рассмотрения национального самосознания в работе «Садри Бухоро» на основе произведений Садра Зиё и воспоминаний Айни является определение революционно-освободительной и реформаторской позиции бухарских просвещённых мыслителей. Это были те литераторы, которые участвовали в литературном круге Садра Зиё, в том числе Исо-Махдум Исо, Абушакур Оят, Нарзулло Лутфи, Абдулмаджид Зуфунун, Яхёходжа, Содикходжа Гулшани, Хомидбек Хомид, Абдуллоходжа Тахсин, Муллобурхон Муштоки Бисмил, Кори Абдукарим Офарини «Дузахи», Мирзо Азим Соми Бухорои, Мулло Рахмат Сартарош, Азизходжа Азизи и других. Революционная, освободительная и реформаторская позиция бухарских просветителей имеет национальную основу и показывает читателю сущность национального самосознания бухарских просветителей того времени. Помимо того, доказывая посредством фактов духовную связь, сотоварищество и беседы между членами литературного круга Садра Зиё и Ахмадом Донишем, он, во-первых, подчёркивает свободолюбие просветителей этого времени, а во-вторых, показывает традицию восприимчивости этих групп, являющуюся национальным реформистским наследием и имеющую глубокий аспект самопознания и самосознания.

М. Шакури на основе слов Б. Гафурова, указывая на «оппозиционные действия» членов круга Садра Зиё, добавляет, что «Просветительство не только в начале XX века (первые два его десятилетия), но также с самого начала, с первых духовных, философских и общественно-политических

поисков Ахмада Дониша встало на путь противодействия. В частности, деятельность литературного круга Садра Зиё, храбрость, правдоискательство и борьба против социального гнёта, которая ими выражалась по-разному, более или менее задела корни тирании того времени. Не только круг Садра Зиё, но и некоторые его работы, такие как «Антология поэтов», также имели оппозиционный дух. То есть просветительские идеалы основывались на идее гуманности, отвергая социальную структуру и систему, защищающую и укрепляющую тиранию, и отсюда началось политическое противодействие просветительского движения» [167, с. 22]. В этом смысле М. Шакури интерпретировал «национальный образ» «просветительской оппозиции» как специфику осознания историко-культурного процесса национального самосознания, разгрома мангитской династии со стороны России, оккупации Самарканда Россией, разрушения страны. Он цитирует Ахмада Дониша, который конкретно указал на разорение другой нации. Цитата такова: «С узбекского блюда сняли крышку и стали видны перья на головах и бородах» [167, с. 22].

М. Шакури опираясь на литературно-исторические документы, отмечает резкость высказываний Ахмада Дониша и его последователей, в том числе членов круга Садра Зиё, подчёркивает «национальный аспект» этого движения как движущего фактора деятельности просвещённых реформаторов и процесса национального самосознания, и приходит к такому выводу: «Активный гуманизм классической персидско-таджикской литературы в период просвещения был важнейшим фактором национальной борьбы таджиков за свободу и борьбу против социального гнёта. Это категорически отвергает утверждение Р.Масова, о том, что якобы вся интеллигенция Бухары была покорна мангитам и предавала нацию» [167, с. 23].

Постижение и оценка национального аспекта мнений членов литературного круга Садра Зиё со стороны М. Шакури отражает новое видение национальной традиции самопознания таджиков на протяжении всей

истории. Его суть заключается в том, что просвещение основывалось на национальной идее, и было примером «национальной борьбы таджикского народа». Такая интерпретация является свежим наблюдением и высказыванием о проблеме национального самосознания, времени и способе её возникновения.

Продолжение «национальной борьбы таджикского народа», представлявшего собой в то время практическое движение национального самосознания, М. Шакури подтверждает созданием в Бухаре новой школы и «Компании Бухарои Шариф», печатавшей учебники для школы нового типа. Помимо того мыслитель отмечает, что после закрытия этой школы другими побудительными факторами национального движения и самосознания он считает тайную деятельность общества «Тарбияи атфол» («Воспитание детей») и учреждение газеты «Бухарои Шариф». Он пишет, что «Шарифджон-Махдум Садр Зиё не принимал непосредственного участия в джадидском движении, но джадиды всегда пользовались его поддержкой. По свидетельству Садриддина Айни, финансовую поддержку общества «Тарбияи атфол» взяли на себя несколько просветителей, и одним из них был Садр Зиё, который каждый месяц тайно давал определенную сумму денег в виде пожертвования. Сын дяди Садра Зиё Саиджон - Махдум Назми, поэт, также тайно оказывал материальную поддержку джадидам и был убит в 1918 году. Садр Зиё отдал в эту школу своего сына Зарифа в первый же год её основания и тем самым поднял репутацию школы нового типа. Когда школа джадидов впервые была закрыта, эмир Абдулахадхан «отправил письмо Садру Зиё и спросил его о проблеме школы» (это свидетельство Айни, цитируемое М. Шакури из «Истории Бухарской революции» Айни - наш комментарий). В своем ответе он поддержал все инициативы прогрессивной молодежи» [167, с. 25]. Это свидетельство в интерпретации М. Шакури является выражением позиции Садра Зиё в признании и защите интересов народа, имеющих глубокий познавательный аспект.

«Гуманистическое значение литературы и её общий аспект» учёным рассматривается как «местная национальная особенность», а «процесс становления таджикско-персидской литературы Вароруда» описывается как элемент самопознания и самосознания. М. Шакури в таком подходе к определению пути нации к завтрашнему дню, что является новым методом исследования познания национальной идентичности, через изучение деятельности Садр Зие и его сподвижников, в том числе Айни, Махмудходжи Бехбуди, Сиддики Аджи, Тошходжи Асири, Ходжи Юсуфа, а также через описание культурного положения Бухары и её медресе, обращает внимание читателя на культурные элементы национальной гордости. Это является примером его специфических взглядов по проблеме национального самосознания. Упоминание Садром Зие количества медресе в Бухаре, количества комнат в каждой медресе, расположения каждого из них в городе, имени основателя медресе и т.д. является доказательством того, что он отмечает наиболее важные признаки духовного мира Бухары в качестве её культурного своеобразия, являющегося элементом национального самосознания.

Через это свидетельство и упоминание о бухарских мечетях М. Шакури приходит к выводу, что Садр Зие «безумно любил Бухару» и, по его словам, всю жизнь был «занят наблюдением своей святой Родины» и не насыщался её лицемерием. С этой точки зрения он тщательно исследовал Бухару и имел намерение показать достоинство и святость Бухары. «На мой взгляд, он достиг своей цели и сделал многое для того чтобы некоторые детали духовного облика Священной Бухары, этого купола ислама, навечно были зафиксированы в истории» [167, с. 52-53].

М. Шакури, обстоятельно изучая работы Садр Зие, разрабатывает теорию национального освобождения, которую желали просветители, как духовный элемент своей национальной мечты. В этом контексте, учёный рассматривает важные явления духовного бытия человека, которые Садр Зие считал основными признаками национальной идентичности, такие как

письменность, язык, религия и традиции. Он анализирует и оценивает точку зрения Садр Зие относительно новой поэзии, и считает включение стихотворения С. Айни «Самарканд и Бухара» в «Антологию поэтов» свидетельством большого интереса поэтов к теме Родины, её прошлого и настоящего, и приходит к следующему выводу: «Из упомянутого стихотворения... Айни выявлено, что в первые два десятилетия XX века историческая память, обретая новое социальное содержание и постепенно углубляясь, стала источником национальной гордости, способствовала процессу исторического и культурного самосознания нации. Стихотворение начинается так:

Прекрасен райский город Самарканд,
Ты не сможешь найти пример свежести, кроме рая.

Поэт после семи двустрочий (бейтов) восхваляет Бухару:

Это владение Бухары, благодаря усилиям её народа.

Источник знаний в исламе на протяжении многих лет

[167, с. 119].

(подстрочный перевод)

Согласно заключению М. Шакури, цитирование этого стихотворения в «Антологии поэтов» является не только предметом национальной гордости, но использование этой темы в поэзии является новым художественным направлением, а также руководством к самопознанию и самосознанию.

М. Шакури утверждает, что мыслительный подход Садр Зие имеет побудительные мотивы и призывы к национальному самосознанию. В его творчестве и произведениях его сверстников идея любви к стране с критикой нежелательного хода событий конкретизирует свежий интеллектуально-тематический подход в литературе и общественном сознании этого периода. В этом контексте, хотя профессор М. Абдуллоев пришёл к выводу о том, что джадидизм не получил дальнейшего идейно-политического развития после 1917 года, всё же в контексте гуманистической и творческой судьбы Садр Зие и его последователей исследования и оценки М. Шакури на основании

приведенных фактов доказывают существование такого интеллектуального подхода. Несмотря на политические и идеологические проблемы, такой подход играл важную роль в научной и литературной среде Бухары.

Рассмотрев детали отражения национального самосознания в работе «Садри Бухоро» (Величие Бухары) М. Шакури, считаем нужным вместо заключения привести следующие его слова: «Честные и правдивые люди лучше всего выражают сущность человеческого существования, сущность времени и его сложностей. На наш взгляд, Садр Зиё - один из них. Он говорил: «Я на правильном пути». Действительно, он был на службе нации и был одним из самых надёжных и правдивых мыслителей того времени» [167, с. 154].

В других работах М. Шакури, в том числе в «Судьбе персидско-таджикского Вароруда в XX веке» проблемы национального самосознания также проанализированы и оценены особым образом, что раскрывает специфику его взгляда на этот вопрос. Автор назвал жанр этого произведения мемуарами. В этой работе скрупулёзно исследованы и проанализированы историческое развитие и трагедия таджикско-персидского языка, имеющего черты таджикского идеализма и возрожденчества.

Сочинение «Судьба персидско-таджикского Вароруда в XX веке» представляет собой своего рода свежий исследовательский подход к вопросу национального самосознания и его вопросов. Обсуждая прошлую и настоящую судьбу таджикского языка, автор обобщил познание и оценку проблем формирования языка и культуры таджикской нации. В работе читатель сталкивается со свежей интерпретацией и тщательным авторским анализом деталей периода коренных перемен в связи с развитием персидского языка и культуры таджиков Вароруда, понимает основную суть влияния этого времени на судьбу языка.

Хотя исследователь и упоминал о том, что содержание этой работы «более или менее» рассмотрено в его других трудах, всё же сведения данной работы новы и значимы для познания исторической судьбы родной речи и

сопутствующих языку событий. Наряду с приложениями, которые автор приводит в конце работы, он усилил её документальный аспект, включая письма Айни.

Во введении работы автор заявил о необходимости её написания, которые выражают его интересные взгляды и предложения. Эти предложения конкретизировали единство его взглядов на дальнейшее развитие таджикско-персидского языка в связи с подтверждением сущности эволюционных процессов языка в XX веке. В этом свете его вывод таков: «Если понять первоначальный смысл событий вчерашнего и позавчерашнего дня, то можно будет относительно легко определить путь сегодняшнего и завтрашнего дня. Поскольку Таджикистан обрёл независимость в последнее десятилетие XX века (1991 год), необходимо утвердить наш подход к укреплению культурной независимости нации, политического и экономического суверенитета страны. И мы считаем, что между тем особое значение имеет вопрос о судьбе национального языка и его будущего. Моя основная цель - максимально помочь решению этого важного вопроса. Эта работа, которую сейчас уважаемый читатель держит в руках, имеет скорее практическую, чем сугубо научную цель. Я поставил перед собой задачу как можно больше думать о некоторых социальных вопросах, о задачах, связанных с построением новой культурной и духовной жизни нации в эпоху независимости, чтобы сделать конкретные предложения» [167, с. 1-2].

Еще одна деталь изложенных в работе авторских взглядов определяется такой важной темой, как «Айни и таджикский язык Вароруда XX века», которая в свете нового социального опыта эпохи независимости во многом сформировала его аналитическое видение по вопросам национального самосознания. Согласно мнению М. Шакури на этом этапе, например, в некоторых высказываниях Айни (на примере писем Айни - наш комментарий) обнаруживаются иные смыслы и значения, которых раньше никто не замечал. По этой причине, учёный считает «пересмотр произведений мастера» «весьма полезным для решения многих проблем, в

том числе и для определения состояния таджикского языка до середины XX века» и добавляет, что «так как наши языковые процессы до середины XX столетия (до смерти Айни в 1954 году) были очевидны для видения и понимания этого великого человека, то будут понятны и ясны также процессы второй половины века» [167, с.6].

Такое сознательное использование материалов относительно событий, связанных с судьбой языка в конкретные исторические периоды, определяющее сущностные взгляды автора, основано на опыте и оценке с использованием публицистического метода исследования и творчества. Эта деятельность главным образом указывает на его позицию в познании внутреннего смысла национальной мысли и национальных чаяний. В данной работе автор знакомит читателя с наиболее важными и главными процессами самопознания и самосознания во второй половине XIX века в таджикско-персидской литературе и общественном мнении, указывая на его положительные и отрицательные стороны. Среди прочего, в работе с этой точки зрения оценивался вопрос появления языкового упрощенчества и на основе объективного анализа им был сделан следующий вывод: «Таджикско-персидский язык Вароруда стал очень простым в первой четверти двадцатого века и со всей осторожностью сохранил оригинальность персидского дари и твердость изящной речи. Развитие таджикского языка Вароруда в первой четверти века является естественной эволюцией, закономерной исторической трансформацией, отражающей как законы тысячелетнего развития языка, так и современное состояние народного языка (метод диалога). Тысячелетняя история и реальность того времени параллельно сошлись в литературном языке и сбалансировали друг друга. То, что Айни называл «классическим языком» и народным языком в 1940-х годах, было гармоничным и сбалансированным в литературном языке первой четверти века» [167, с. 14].

В сравнении с упомянутым процессом развития языка исследователь изучает процесс упадка самобытности литературного языка после советской революции. Он выявляет роль определенного круга просвещённых

мыслителей, газет и журналов в распространении грубого упрощенчества и делает вывод, что «политика большевистского идеологического аппарата в области культуры» не имела в виду высокого повышения уровня культуры личности, и не стремилась к доведению языка неграмотных масс до уровня литературного языка.

М. Шакури путём изучения и сравнительного анализа выявляет основания и главные факторы этого исторического нигилизма, а его продолжение даже в восьмидесятые годы прошлого века интерпретирует как признак отсутствия идентичности у части таджикской интеллигенции. Из факта, приведенного автором, видно, что в 1982 году таджикский переводчик Шамси Собир утверждал, что «перевод произведения должен постепенно освобождаться от гнёта и груза мертвого книжного литературного языка, а его лексика и синтаксис должны стать гибче и естественнее за счет живого современного языка». М. Шакури, в этом контексте, цитирует мнение С. Улугзаде о том, что «он в словах Шамси Собира усмотрел враждебность к «книжному языку» и твердо сказал: «совершенно неприемлемо смотреть на литературный язык с такой ненавистью и неприятием». С. Улугзаде подчеркивает, что «в тех старых книгах так много красивых слов, отшлифованных выражений и оборотов речи, что их нужно увидеть и выучить» [167, с. 45-46].

В этом контексте, М. Шакури проанализировал упрощенческие действия прессы в двадцатые и последующие годы, а также уступки просторечным элементам, приведшие к тому, что язык стал простонародным, в нём ускоренными темпами увеличивались нарушения правописания, небрежность в речи, противоречащие литературным традициям и красноречию тысячелетнего персидского языка. Все это было результатом медвежьей услуги прессы и некоторых просветителей и переводчиков. При таком подходе учёный, оценивая языковые изъяны и влияние поэзии начала XX века и последующих десятилетий, подчеркивает, что «недостатки, разрушившие красноречие» снизили репутацию авторов таких

стихотворений в глазах общественности того периода. Такой подход «после революции быстро охватил большую часть таджикской поэзии и прозы», что, по его мнению, имело неблагоприятные последствия для языка.

Одной из характерных черт размышлений учёного над проблемой национального самосознания в данной работе является оценка необъективного мнения пантюркистов и группы российских востоковедов относительно отсутствия у таджиков литературного языка и борьбы таджикской интеллигенции в защиту исторической подлинности таджикско-персидского языка. Отслеживание и освещение темы исторической подлинности языка не ново для его сочинений, эту работу учёный не раз проделывал и в предыдущих своих произведениях. Однако в данной работе есть также свежие идеи и новые сведения, которые излагаются на основе до сих пор неиспользованных документальных источников. Например, автор впервые имел возможность использовать сведения исторических писем Айни (1949 г.) о вкладе таджиков в классическое персидское литературное наследие и дискуссии таджикской интеллигенции и русских востоковедов. Тем самым он определяет их ценность, значение, важность и влияние на духовную эволюцию и менталитет таджикской нации в XX веке.

Важным выводом этих исследований является оценка борьбы и усилий Айни в его поучительных и назидательных письмах, которые указывают на ещё один аспект его познания процесса самосознания и самопознания таджиков. Из его исследований следует, что письма Айни являются бесценным источником самопознания и осмысления положения языка, унаследования таджиками национальных литературных и культурных традиций. В работе с опорой на достоверные и убедительные документальные источники изложены скрытые и целенаправленные моменты проводников этой политики в отношении таджикского языка и культуры. Упомянутые письма, которые автор предоставил в распоряжение читателя, являются важным источником для восприятия фактов, связанных с судьбой таджикского языка и культуры.

Проблема развития языка XX века, с точки зрения учёного, заключается в специфике процесса отрицания исторического бытия и культурного нигилизма, классового отношения к литературе, процесса диглоссии (двойственности) национального языка – его литературной и народной формы, победы просторечья над тысячелетним литературным языком. Деструктивное явление национального языка – билингвизм (таджикско-русское двуязычие), неправильное и неуместное применение лексики русского языка в устной и письменной речи таджикского языка, неадекватность и шаблонность перевода, ухудшение состояния литературного языка и его некачественное употребление в официальных учреждениях и заведениях среднего и высшего образования с таджикским языком обучения – всё это относится к числу важнейших аспектов научного подхода к вопросу о национальном языке, имеющем особое публицистическое и общегосударственное значение.

Многие мысли М. Шакури по вопросу национального самосознания выражены в книге «Рассказы, взятые из жизни». Это произведение было «записано на основании слов мастера в последние годы его жизни и через него самого в разные периоды времени в Ньюкасле, Англия» [125, с. 10]. Другими словами, данная книга содержит устные воспоминания учёного, в которых представляются и обсуждаются некоторые аспекты национальной идентичности таджиков в уникальной форме, основанной на фактах и доказательствах.

По мнению исследователей, мемуары или жизнеописания, являясь «интересными для читателя», имеют разные типы. Например, д-р Мансур Растагори Фасои пишет, что «...возможно, сочинитель уделяет больше внимания упоминанию о своих событиях и наблюдениях, либо объяснению своего положения, опыта и знаний, а также в зависимости от того, к какому классу он принадлежит, какова его точка зрения, каково настроение, и подобные воспоминания будут иметь различное значение. Иногда мемуарист с искренностью выставляет события своей жизни, даже свои сокровенные

мысли и чувства, и такое его произведение будет положительно оценено читателями» [120, с. 284].

Такая устная форма воспоминаний, которую М. Шакури оставил в наследии, это новое явление в нашей науке и литературе, в котором четко и точно отражены некоторые факты истории нашей страны, в том числе вопросы, связанные с национальным самосознанием. Эти воспоминания после смерти учёного сохранились как исторический документ с ярко выраженными публицистическими мотивами.

М. Шакури писал: «История нации, которая, входя в кровь и натуру человека с молоком матери, придаёт ему зоркость, чутьё, естественный инстинкт в познании особенностей жизни народа и страны, интересов нации, национальных идеалов и целей, в познании веяний времени и новых исторических ситуаций» [168, с. 21]. Воспоминания учёного сами обладают таким побуждением, помогающим самопознанию, и в данном случае цель автора, прежде всего, состоит в том, чтобы «пробудить в читателе чувство радости, ненависти, сожаления и решимости» [51, с. 5], что является жанровой и публицистической особенностью его произведений.

Раздел «Рассказ об обучении моих детей персидско-таджикскому языку», с которого начинаются мемуары, на первый взгляд кажется простым по содержанию. Когда читатель добирается до глубины патриотических мыслей и пожеланий автора, становится ясно, что в основе его взглядов лежит проблема самопознания, то есть сохранения ценностей таджикского языка. Проблема в том, что из-за влияния русского языка в 1950-е годы в Душанбе «таджикские дети с самого начала говорили по-русски... все школы были русскими, все детские сады также были русскими. Внутри нашего дома всё было русским. Моя первая жена тоже была русской. Человек должен знать, как поступить так, чтобы ребенок выучил таджикский язык» [125, с.14].

Вопрос обучения таджикскому языку с детских лет с патриотической точки зрения автора был для него проблемой номер один. В этом контексте,

несмотря на существующие трудности, М. Шакури использует все возможности, чтобы его дети выучили таджикский язык, и осуществляет свой замысел. Все трое его детей не только изучили таджикский язык, но двое из них - Шариф и Рустам - один может читать «Шахнаме» с оригинала, а второй «перевел с таджикского на русский язык философский трактат тринадцатого века» [125, с. 15].

На первый взгляд, этот материал кажется обыкновенным воспоминанием о семейном окружении. Но, если мы обратим внимание на глубину проблемы, то заметим, что она связана с вопросом культурной идентичности нации. Можно ли сказать, что такая инициатива М. Шакури была случайной в то время, как в Душанбе набирало силу «ощущение ненужности таджикского языка», а в официальных кругах «таджикский язык считался чем-то бесполезным». На наш взгляд нет! Этот поступок является отражением с его стороны и его сыновей человеческого и национального самосознания в познании одного из основных элементов национального самосознания - языка. Для него «язык является главным символом нации, а потому его значение важнее всех других символов». По этой причине он не мог быть равнодушным к вопросу обучения языку для своих детей. Вся его сознательная жизнь, особенно в период государственной независимости и его борьбы за принятие Закона о языке, чистоту языка и выбора оригинальных терминов является подтверждением такой патриотической и гражданской позиции.

В «Рассказах, взятых из жизни» М. Шакури ставит вопрос о языке в качестве особого элемента национального самопознания, который, по словам Уруна Кухзода, «является проводником к самосознанию и самопознанию народа» [1, с. 274-275]. На эту тему, как обсуждалось в предыдущих главах, М. Шакури опубликовал множество статей и отдельных работ. В разделе «Рассказ о борьбе на пути к легализации и национализации таджикского языка в Таджикистане» указанной книги, автор на основе фактов описывает некоторые подробности «борьбы нашего народа на пути защиты языка,

защиты Государственного языка и «Закона о языке», что представляет собой констатацию процессов становления национального самосознания в стране.

М. Шакури, не обращая внимания на позицию некоторых лиц, считавших борьбу за свободу языка несостоятельной, связывает начало борьбы за защиту национального языка с горбачёвской политикой открытости, и отмечает следующее: «...борьба против бесправия национального языка, борьба за защиту языка началась с Москвы. Её начали в демократических кругах Москвы представители различных бывших советских республик. Это была настоящая борьба». Учёный вспоминает выступления в этих кружках академика Лихачёва и писателя Чингиза Айтматова, тем самым мысленно возвращается к плачевному положению таджикского языка. Он размышляет о том, что таджикский язык лишён своих прав, и так как существовала опасность объявления его «националистом» из Душанбе, то первые его выступления по этому поводу состоялись в Москве, а его первые статьи, в том числе «Тот, кто слабее в собственном языке», «Вековое правление» и «Двуязычие или безъязыкость» также были изданы в Москве.

Таким образом, М. Шакури вспоминает о «смелом вступлении Таджикистана в эту великую борьбу, борьбу за национальный язык» и предложение Ш. Рустамова о придании таджикскому языку государственного статуса. Учёный вспоминает о противодействии А.Маниязова этому вопросу, согласии большинства по вопросу придания таджикскому языку государственного статуса. М. Шакури говорит, что все это имело воздействие на процессы развития национального самосознания в Таджикистане, и далее совершенствует свою мысль, вспоминая следующее: «Таджикский язык, как государственный язык, понемногу стал занимать определённое место в социальной жизни. Таджикский язык до 1989 года практически не функционировал в общественной жизни страны. В какое учреждение бы вы не вошли, работа велась только на русском языке, даже в любом магазине вы должны были говорить по-русски. После нескольких лет,

принёсших большие успехи для таджикского языка, нам пришлось пересмотреть проект Закона о языке. Правительство снова учредило Комиссию по Закону о языке и создало рабочую группу для повторного редактирования Закона о языке или создания нового проекта. Я был одним из членов этой рабочей группы» [125, с. 44].

Эти воспоминания М. Шакури отражают историю формирования взглядов представителей интеллигенции о таджикском языке, его статусе в обществе и процессах становления национального самосознания со всеми взлетами и падениями этого процесса, которые звучат как предостережение для определения беспрепятственного пути развития языка в обществе.

В другом рассказе из этой серии под названием «История моей кандидатской диссертации» на примере запрета его работы, посвящённой творчеству Сиддикии Аджзи, отмечается, что к этому вопросу некоторые недалёковидные учёные отнеслись сугубо с идеологических позиций, тем самым нанося ущерб таджикской литературе и культуре. Этот процесс трактуется им как препятствие росту национального самосознания и приходит к выводу, что «конфликт, возникший вокруг вопроса Аджзи, не был направлен на решение важного научного вопроса, а скорее имел личные интересы» [125, с. 20].

В разделе «История празднования тысячелетия Ибни Сино», опираясь на неоспоримые документальные источники, М. Шакури приводит некоторые факторы отчуждения от национальной духовности, стали причиной неразвитости национального самосознания в таджикском обществе советских времен. В данном рассказе упоминается вопрос о дискредитации подлинной национальности Ибн Сино во время празднования его юбилея. В том числе, автор вспоминает, что «...председатель комитета по празднованию поставил вопрос о том, что не следует называть Ибн Сино таджиком. Не говорить о том, что он сын таджикского народа, и представитель таджикской культуры. Если мы назовём Ибн Сино таджиком, то узбекские товарищи обидятся. Представитель Таджикистана в центральном комитете по празднованию

юбилея Ибн Сино Мухаммад Осими изо всех сил старался не принимать это мнение во внимание, и проигнорировать предложение не называть Ибн Сино таджиком, но все старания Осими не имели результата, его никто его не услышал» [125, с.75].

Таким образом, Абуали ибн Сино решили называть «выдающимся учёным средневековья». В то время как, это решение было реализовано в Таджикистане, но, по словам учёного, «никого в Узбекистане это решение не заботило». М. Шакури в продолжение своих воспоминаний рассказывает о подходе узбекской прессы к данному вопросу, в том числе журнала «Гулистон», в котором национальность Сино была указана узбеком, а его мать «узбекской девушкой по имени Ситора»; отмечает, что «местом рождения Ибн Сино» было названо «другое село», в котором построен его музей без упоминания, о том, что он был представителем таджикского народа. Шакури напоминает о проведении «большого собрания в Колонном зале дома союзов в честь тысячелетнего юбилея Ибн Сино, в котором по программе слово для выступления не было предоставлено представителю Таджикистана М. Осими и т.п. Свой вывод из этого факта он выразил следующим образом: «Мы на праздновании тысячелетия Ибн Сино не смогли сказать, что Сино таджик, он был сыном таджикского народа, и это всегда вызывало у нас смущение перед говорящими на персидском языке, особенно перед иранцами. Недовольство и обида таджикского народа были отчетливо видны во время праздника Ибн Сино, потому что от начала и до конца праздника царили ложь и обман» [125, с. 88].

Это воспоминание М. Шакури выявляет препятствия и основные факторы, сдерживающие рост национального самосознания и самопознания в советское время на примере открытого протеста М. Осими относительно таких официальных действий. Тем самым подчеркивается и подтверждается сила и мощь таджикской нации в процессе «духовного самосознания», что является новой основой национального самопознания. Такой подход имеет

большое значение для ознакомления современников с историческими аспектами таджикской национальной идеи.

Воспоминания М. Шакури имеют «глубокую социальную цель», и такая цель определяет специфику темы, метода, содержания и формы его публицистики. Иными словами, «тенденция к восприятию прошлого имеет большое значение для осознания сегодняшних реалий и помогает понять структуру современного общества. Публицист часто имеет в виду не только исторический взаимообмен и экскурс в прошлое, но и пытается раскрыть происхождение и пути становления, эволюцию тех или иных современных событий и рассмотреть их как исторический момент» [88, с. 78].

Обзор и оценка, которые даёт М. Шакури пережитым им событиям и впечатлениям, на самом деле являются более глубоким, чем утверждения Е. П. Прохорова. Его цель - открыть глаза нынешним и будущим поколениям на правду истории и раскрыть суть предубеждений советской эпохи о таджиках. Такая цель автора более отчетливо видна в воспоминании под названием «Рассказ о праздновании 70-летия Бухарской революции». В нём рассказывается об «одном большом письме», написанном Б. Гафуровым на имя Сталина и его просьбе вернуть Самарканд и Бухару в состав Таджикистана; о приглашении группы интеллигенции в Бухару для участия в праздновании; о выступлении первого секретаря обкома компартии Дамира Ёдгорова и принесении персидского языка иранцами в Бухару; о протестах Джалола Икроми, Мухаммада Осими и резкой реакции М. Шакури на выступление бухарского партийного лидера; об искусственных препятствиях, не позволивших М. Осими выступить на конференции, и которого обманном путём отправили в Самарканд, а также другие моменты. Все эти события использованы как исторический документ, являющийся выражением национализма советской политики. Осмысление этих исторических моментов, о которых рассказывает М. Шакури, особо ценно для национального самосознания нынешних и будущих поколений. Эти

воспоминания направляют читателя к познанию правды об исторической и культурной судьбе таджиков.

Таким образом, в проанализированных работах и воспоминаниях М. Шакури под названием «Рассказы, взятые из жизни» выявлено, что учёный исследовал и оценил важнейшие вопросы национального самосознания таджиков в контексте жизни и творчества Садра Зиё, судьбу таджикско-персидского языка и литературно-культурные события, свидетелями которых был он сам. Он через призму своего особого мнения определяет предпосылки и факторы, давшие толчок этим процессам, и выражают национальный аспект идей и практических особенностей публицистических размышлений автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное изучение и анализ публицистических и литературно-научных произведений М. Шакури в их социальном аспекте позволяют обобщить результаты исследования темы диссертации следующим образом:

1. Творческий аспект личности М. Шакури сформировался под влиянием факторов времени и социокультурной среды, а его творческий опыт является высшим примером сочетания и взаимодействия науки и публицистики.

2. Несмотря на то, что непосредственные представления о целях, профессионально-этические нормы сферы, сознательный выбор и средства их достижения сыграли большую роль в научной деятельности М.Шакури, всё же существовали и политико-социальные факторы, национальные и идеологические традиции, которые находились под влиянием административного, технократического, гуманистического, научно-литературного и культурно-познавательного процесса того времени и оказывали непосредственное влияние на ход его творческой деятельности.

3. М. Шакури, как и другие поэты, писатели, учёные и деятели культуры был воспитан советской эпохой и коммунистической идеологией. По его собственным словам, «социальные условия того времени» открыто и с политической страстью заставляли его «выражать своё отношение к фактам, героям, своим мыслям и чувствам». Вот почему острота и публицистичность его научных работ со временем постепенно набирают силу и определяют суть его исследований.

4. С самого начала его творческой деятельности публицистический дух, формировавшийся в недрах его мыслей и представлений под влиянием политических, социальных и культурных реалий, в его научных работах стали одной из форм проявления интереса общества, указывающих на честность и справедливость учёного и его непосредственное внимание к процессам социальной, литературной и культурной действительности. И всё

это было исполнено им с профессиональной ответственностью, точностью и правдивостью.

5. Несмотря на то, что личность и научная деятельность М. Шакури формировались под влиянием административно-технократической идеологии, учёный на протяжении всей своей жизни сохранял самостоятельность мысли и всегда был сторонником созидательных инициатив на благо нации и общества. Поэтому с самого начала творчества учёного его произведения носят публицистический характер, а научная основа его исследований определяется научно-публицистическим аспектом, обеспечивающим научную основу национального самосознания.

6. Особенность научно-публицистической деятельности М. Шакури определяется тематической и проблемной направленностью и влиянием на общественное мнение, которое базируется на информационно-социальном и научно-публицистическом подходе и имеет чёткую цель социального, научного и культурного самосознания.

7. Научно-публицистическая деятельность М. Шакури постепенно формируется и развивается, начиная с шестидесятых годов прошлого века. Научные труды, созданные учёным в этот период времени, относятся как к академической науке, так и к научной публицистике. Научный аспект публицистики М. Шакури характеризуется конкретными и определёнными социокультурными целями, и задачами, направленными на формирование и популяризацию таджикского национального самосознания. Во многих научных произведениях, в том числе в своих статьях и отдельных работах, М. Шакури поднял вопрос национального самосознания таджикского народа, тем самым укрепив его историческую основу.

8. Специфика произведений на тему национального самосознания, созданных учёным, конкретизирует элементы и особенности специфического публицистического содержания и жанровой структуры, которая является образцом специальной научной публицистики. Она сформировалась на основе научной теории существования и исторической самобытности

таджикской нации. С этой точки зрения в публицистических произведениях М. Шакури, особенно его статьях и отдельных работах, очень важны ссылки на факты, доказательства, наблюдения и научно-обоснованные заключения, а выявление и подтверждение истины (об исторической судьбе нации) способствует непосредственному формированию глубоких представлений, знаний и выводов на благо нации. Таким образом, влияние элементов публицистической структуры его произведений, в том числе содержания и идейной основы таких работ, как «Взгляд на литературу XX века», «Литературное обозрение С. Айни и его этапы», «С. Айни - великий просветитель», «От просветительства к чингизидству», «Величие Бухары», «Школа гуманизма», «Здесь Хорасан», «Независимость и социально-духовное самосознание», «Гуманизм воспитания и национальный язык», «Судьба таджикско-персидского Вароруда в XX веке», «Пантюркизм и историческая судьба таджиков» и других комплексно охватывают вопросы национального самосознания.

9. В научной публицистике М. Шакури изучены вопросы национального, социального и культурного самосознания, роли языка как элемента самосознания в развитии национальной духовности, языка и национального чувства, государства и развития культуры, положения религии в обществе и т.п., и в этом контексте учёный заложил основы уникальной идеи и учения о национальном самосознании.

10. Методы анализа и оценки М. Шакури показывают, что у него, прежде всего, наблюдается личный интерес к рассматриваемому вопросу, и такой подход выражает пропагандистский характер его публицистических научных работ. Его статьи и сочинения имеют цель: а) отразить действительность исторических судеб нации, языка, культуры, религии, их взлетов и падений; б) повлиять на общественное мнение; в) привлечь внимание деятелей науки и литературы к духовным проблемам национального общества. Эти моменты, сложившиеся в мыслях и представлениях просветителя, усиливают эффект и результат их воздействия.

11. Научно-публицистические работы М. Шакури благодаря их глубокому взгляду, красноречию, диалогическим повествованиям и освещению спорных вопросов духовности и национального самосознания, раскрывают глубокие публицистические аспекты, поднимая актуальные для таджикского общества вопросы, а также указывая способы их решения. По этой причине, научно-публицистические труды учёного играют важную роль в отражении духовно-нравственной и языковой проблематики, ярко показывают специфику и методические особенности его исследований.

12. М. Шакури в ходе своей научно-публицистической деятельности использовал различные жанры, в том числе жанры статьи, интервью, сочинения (трактата, диссертации), которые оказали влияние на освещение рассматриваемых вопросов, соотношение мыслей и фактов, знаний и мировоззрения. То есть специфику его работ определяет структура содержания, формы и воздействия способа описания.

13. В исследовательском подходе М. Шакури особое место занимает жанр статьи. Каждая из написанных им статей освещает определенную тему и ведёт читателя к конкретному результату. Автор при создании статей использует свой дар убеждения, эстетического вкуса и доносит до читателя свои чаяния, раскрывает свою личность, суть своих мыслей по вопросу национального самосознания и его проблем. Использование точных и достоверных документальных источников и обоснованные выводы отражают полноту знаний и широту мировоззрения автора и позволяют усовершенствовать содержание, идейную и жанровую структуру статей.

14. Отражение вопросов национального самосознания в сочинениях М.Шакури, в том числе таких работах как «Величие Бухары», «Судьба персидско-таджикского Вароруда в XX веке» и «Рассказы, взятые из жизни» обстоятельно показывают взгляды, анализ и оценку учёного по указанному вопросу. Его реалистичный подход, правдивость и стремление к будущим чаяниям являются средствами совершенствования структуры содержания и формы таких произведений.

Рекомендации для практического использования результатов исследования

1. Материалы диссертации в качестве исследовательского опыта могут быть использованы соискателями научных степеней и другими исследователями в процессе изучения и исследования жизни и творчества поэтов и писателей, учёных-литературоведов, а также содержательно-идейных и художественных особенностей их произведений.

2. В диссертации отдельно рассматривается научно-публицистическая деятельность Мухаммаджона Шакури, которая считается важной для определения его роли в развитии таджикской публицистики.

3. Исследование и оценка публицистического аспекта творчества М. Шакури, особенно его работ по проблемам национального самосознания, требуют времени и являются важными для привлечения внимания исследователей к изучению этого вопроса.

4. Творческая деятельность М. Шакури, в том числе публицистический аспект его произведений, создаёт основу для изучения публицистических аспектов научных работ.

5. Опыт М. Шакури, основу которого составляет наука о публицистике, непосредственно оказывает помощь в определении общей картины таджикской публицистики и постижении её содержательных и жанровых сторон, в том числе в вопросе конкретизации научных принципов проблемы национального самосознания.

6. Всестороннее изучение деятельности М. Шакури имеет огромное значение в отражении социальных и культурных проблем и определяет их специфику и публицистическую ценность в таджикской журналистике.

7. Исследование двух аспектов проблемы национального самосознания – духовности и языка в свете научных работ М. Шакури в виде самостоятельной диссертации окажет помощь в познании и оценке научно-публицистических произведений разных периодов.

8. Материал, изложенный в диссертации, даст благоприятную основу для изучения и преподавания предметов по журналистике, истории таджикской журналистики, истории науки социологии, специализированных курсов и семинаров на факультетах журналистики высших профессиональных учебных заведений Республики Таджикистан.

9. Рассмотренные в диссертации вопросы национального самосознания и его элементов на материале научно-публицистических работ М. Шакури будет способствовать повышению и развитию процесса самосознания и самопознания, а отдельные её моменты могут быть использованы широкими кругами заинтересованных лиц в этой сфере и обществе в целом, для разработки национальной идеи или идеологии.

10. Обстоятельное и всестороннее исследование научно-публицистической деятельности таджикских учёных и изучение публицистического аспекта их творчества является одним из актуальных вопросов науки и доказывает перспективность темы исследования диссертации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Научная литература

1. Аббармарди илму фарханг (Маҷмуаи мақолаҳо, ёддоштҳо ва меҳрномаҳо бахшида ба 80-солагии академик М. Шакурӣ).—Душанбе: Дониш, 2006. – 368 с.
2. Абдуллаев, М. Таджикская публицистика и национальная идентичность / М. Абдуллаев. – Душанбе, 2014. – 309 с.
3. Аграновский, А. Суть дела / А. Аграновский. – Москва: Политиздат, 1968. – 184 с.
4. Азимов, А. Воқеияти зиндагӣ ва матбуоти тоҷик / А. Азимов. – Душанбе: Сино, 2000. – 186 с.
5. Азимов, А. Публицистика ва замони муосир / А. Азимов. – Душанбе: Шарқи озод, 2004. – 138.
6. Азимов, А. Таджикская журналистика в период культурной революции (1929-1940) / А. Азимов. – Душанбе: Шарқи озод, 2014. – 313 с.
7. Азимов, А. Назаре ба публицистикаи С. Айнӣ / А. Азимов, М. Муродов. – Душанбе: Ирфон, 2018. – 112 с.
8. Архипов, С. В. Современная советская публицистика (Актуальные проблемы) / С. В. Архипов. – Владикавказ, 1991. – 64 с.
9. Афшор, Ҳ. И. Мақоланависӣ / Ҳ. И. Афшор // Рӯзноманигории хирфай. Маҷмуаи мақолот. – Техрон: Вазорати фарҳанг ва иршоди исломӣ, маркази мутолиот ва таҳқиқоти расонаҳо, 1379. – С. 174-181.
10. Бақозаде, Ҷ. Ҷустуҷӯҳои эҷодӣ дар насри тоҷик / Ҷ. Бақозаде. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 157 с.
11. Бақозаде, Ҷ. Нависанда ва идеали замон / Ҷ. Бақозаде. – Душанбе: Адиб, 1987.– 176 с.
12. Балувев, Б. Проблемная статья / Б. Балувев // Вестник Московского Университета. – 1959. – № 1. – С. 45-56.

13. Барманкулов, М. Сравнительный анализ жанров / М. Барманкулов. – Алма-Ата, 1975. – 115 с.
14. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т.6. / В. Белинский. – Москва, 1956. – 474 с.
15. Беневоленская, Т. А. Портрет современника. Очерк в газете / Т. А. Беневоленская. – М.: Мысл, 1983. – 134 с.
16. Беневоленская, Т. А. Композиция газетного очерка / Т. А. Беневоленская. – МГУ, 1975. – 86 с.
17. Бозоров, Н. Сафарнома хамчун жанри публицистика (Дастури таълимӣ барои донишҷӯёни факултети журналистика) / Н. Бозоров. – Душанбе: Пойтахт, 2014. – 184 с.
18. Бозорзаде, Н. Сафарноманигорӣ воқеанигорист / Н. Бозорзаде. – Душанбе: Ашӯриён. – 320 с.
19. Бокингҳом, Д. Омӯзиши расонаҳо. Ёдгирӣ. Саводи расонаӣ ва фарҳанги муосир. Тарҷумаи Ҳусайни Сарфароз / Д. Бокингҳом. – Донишгоҳи имом Содиқ, 1389. – 376 с.
20. Бухорой, Ш. М. Нигоҳе ба адабиёти тоҷикии садаи бист / М. Ш. Бухорой. – Душанбе: Пашӯҳишгоҳи фарҳанги форсӣ – тоҷикӣ, 2006. – 455 с.
21. Вагнадзе, Г. Н. Печать пятой республики 1958 – 1968 г.г. / Г. Н. Вагнадзе. – Издательство Московского Университета, 1969. – 166 с.
22. Вагнадзе, Г. Н. Секреты прессы при Горбачеве И Ельцине / Р. Н. Вагнадзе. – Москва, 1992. – 433 с.
23. Васильева, А. Н. Газетно – публицистической речъ / А. Н. Васильева. – Москва: Русский язык, 1982. – 198 с.
24. Васильева, Л. А. Делаем новости / Л. А. Васильева. – Москва, 2003. – 180 с.
25. Васкобойников, Я. С. Журналист и информация / Я. С. Васкобойников, В. К. Юрьев. – Москва, 1993. – 120 с.
26. Виноградова, С. М. Приёмы убеждающего воздействия в публикациях на международную тему/ С. М. Виноградова // Печать в системе

идейно-политического воспитания и экономического образования. – Ленинград, 1987. – С. 81-95

27. Ворошилов В. В. Журналистика.– СПб., 2004. – 700 с.

28. Ворошилов, В. В. Журналистика. Базовый курс. Учебник. 5-е издание / В. В. Ворошилов. – СПб: Издательство Михайлова В. А., 2006.– 640с.

29. Горохов, В. М. Закономерности публицистического творчества / В. М. Горохов. – М.: Мысл, 1975. – 190 с.

30. Горохина, Э. Дом Аграновского / Э. Горохина // Уроки Аграновского. – Москва; Известия, 1986. – С. 85-112

31. Гулмуродзаде, П. Публицистика и время / П. Гулмуродзаде. – Душанбе: Сино, 2002. – 128 с.

32. Гулмуродзаде, П. Маорифпарварӣ ва низоми нави ҷаҳонӣ / П. Гулмуродзаде. – Душанбе: Ирфон, 2006. – 160с.

33. Гулов, С. Амвоҷи сухан / С. Гулов. – Душанбе, 2005. – 118 с.

34. Гулов, С. Махсусияти очерки муосири тоҷик / С. Гулов. – Душанбе: Дониш, 2012. – 116 с.

35. Гумбол Г, Тери, Мишел. Мусохиба: иртиботи рӯ ба рӯ ва ҳадафдор / Мишел ва Тери Гвол Гумбол // Рӯзноманигории ҳирфай Маҷмуаи мақолот. Ба эҳтимоми Фариди Қосимӣ. – Техрон: Вазорати фарҳанг ва иршоди исломӣ, маркази мутолиот ва таҳқиқоти расонаҳо, 1378. – С. 144-154.

36. Дзялошинский, И. М. Формы и методы работы журналиста с источником информации / И. Дзялошинский. – Москва, 2001. – 160 с.

37. Дзялошинский, И. М. Советская журналистика: три парадигмы творчества / И. М. Дзялошинский // Журналист. Пресса. Аудитория. – Ленинград: Издательства Ленинградского Университета, 1991. – С. 29-43.

38. Демидчик Л. Н. Таърихи адабиёти советии тоҷик. Ҷ. II. / Л. Демидчик – Душанбе: Дониш, 1978. – 308 с.

39. Друзенко, А. Последняя командировка / А. Друзенко // Уроки Аграновского. – Москва: Известия, 1986. – С. 5-14.

40. Журналистика и идеология. – М.: МГУ, 1985. – 117 с.
41. Журналистика и политика. – М.: МГУ, 1987. – 174 с.
42. Журбина, Е. И. Теория и практика художественно – публицистических жанров (очерк-фельетон) / Е. И. Журбина. – М., 1969. – 399 с.
43. Зеленский, К. Заметки о литературной науке / К. Зеленский // Дружба народов. – 1985. – №2. – С. 190-196.
44. Зобов, Р. А. Проблема стереотипа в средствах массовой информации / Р. А. Зобов // Журналист. Пресса. Аудитория. – Ленинград: Издательства Ленинградского Университета, 1991. – С. 62-72.
45. Имомов, М. Чахонбинӣ ва тафаккури бадеии Садриддин Айнӣ / М. Имомов. – Душанбе: Матбуот, 2001. – 120 с.
46. Имомзаде, М., Раҷабов, Қ. Академик Муҳаммадҷони Шақурии Бухорӣ (библиографияи монография) / М. Имомзаде, Қ. Раҷабов. – Душанбе, 2021. – 316 с.
47. Калачинский, А. В. Аргументация публицистического текста / А. В. Калачинский. – Владивосток, 1989. – 119 с.
48. Камолиддинов, Б. Ҳусни баён / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1989. – 117 с.
49. Колцов, М. Писатель в газете / М. Колцов. – М.: Советский писатель, 1961. – 138 с.
50. Корнилов, Е. А. А. Фадеев – журналист и воспитатель молодых литераторов и рабселкоров / Е. А. Корнилов // Публицисты Дона и Северного Кавказа. – Издательства Ростовского Университета, 1978. – С. 10-35.
51. Карасаев, П. С. Из наблюдений над композицией ленинских статей / П. С. Карасаев // Проблемы жанров в журналистике. – Ленинград: Изд-во Ленинградского Университета, 1968. – С. 3-15
52. Кузьмичев, И. Литература и нравственное воспитание личности / И. Кузьмичев. – Москва, 1980. – 260 с.

53. Кӯчарова, Н. Публицистикаи Абдулҳамид Самад / Н. Кӯчарова. – Душанбе, 2016. – 192 с.
54. Қутбиддин, Б. Домани наср / Б. Қутбиддин. – Душанбе, 2011. – 96 с.
55. Қутбиддин, Б. Воқеияти тасвир / Б. Қутбиддин. – Душанбе, 2014. – 124 с.
56. Қутбиддинов А., Хосияти публицистика / А. Қутбиддинов, Ҷ. Раҳмонова. – Душанбе, 2018. – 155 с.
57. Қутбиддинов, А. Уфукҳои мавзӯӣ дар публицистикаи матбуоти маҳаллӣ. – Душанбе, 2020. – 320 с.
58. Лазутина, Г. Основы творческой деятельности журналиста / Г. Лазутина. – Москва, 2004. – 280 с.
59. Лацис, О. Отдалённые результаты / О. Лацис // Уроки Аграновского. – Москва: Известия, 1986. – С. 36-49.
60. Лихачев, Д. С. Искусства памяти – памяти искусства / Д. С. Лихачев. Прошлое – будущему. – Ленинград: Наука, 1985. – С. 63-65.
61. Лоик. Вурӯде ба боргоҳи ин китоб Абармарди илму фарҳанг Маҷмуаи мақолаҳо, ёддошт ва меҳрномаҳо бахшида ба 80–солагии академик М. Шакурӣ). – Душанбе: Дониш, 2006. – 368с
62. Маниёзов, А. Публицистика ва назми устод С. Айнӣ / А. Маниёзов. – Сталинобод: Нашр. давл. Тоҷикистон, 1958. – 152 с.
63. Миррахим, М. Саъдаҳтар. Гуфтугӯ бо Муҳаммадҷони Шакурӣ / М. Миррахим. – Техрон: Муассисаи чоп ва интишорот, 2001. – 250 с.
64. Муқим, Ҷ. Мусоҳиба ва техникаи таҳияи он / Ҷ. Муқим. – Душанбе: Озар, 2017. – 160 с.
65. Муллоев, А. Шахсияти эҷодӣ ва чеҳранигории ҳунари / А. Муллоев. – Душанбе, 2010. – 294 с.
66. Муллоев, Ш. Б. Жанрово–тематическое своеобразие таджикской публицистики времён Великой Отечественной Войны (1941-1945 гг.) / Ш. Б. Муллоев. – Душанбе, 2015. – 303 с.

67. Муродов, М. Аз замон то замон (Нигоҳе ба публитсистикаи тоҷик) / М. Муродов. – Душанбе: Шучоён, 2010. – 248 с.
68. Муродов, М. Аз се шоҳай як илм / М. Муродов. – Душанбе: Истеъдод, 2014. – 232 с.
69. Муродов, М. Асосҳои эҷоди журналистӣ / М. Муродов. – Душанбе, 2014. – 256 с.
70. Муродов, М. Публитсистикаи ҳаҷвӣ (Масъалаҳои пайдоиш, инкишоф ва таҳаввул) / М. Муродов. – Душанбе: Ирфон, 2015. – 320 с.
71. Муродов, М. Донишномаи фарҳанги рӯзноманигорӣ / М. Муродов. – Душанбе: Аржанг, 2016. – 480 с.
72. Муродов, М. Истиқлолият ва рушди матбуоти даврӣ / М. Муродов. – Душанбе: Аржанг, 2017. – 220 с.
73. Муродов, М. Эҷози эҷодкор / М. Муродов. – Душанбе: Аржанг, 2018. – 252 с.
74. Муродӣ, М. Б. Публитсистикаи тоҷик (аз оғоз то имрӯз). – Душанбе: Аржанг, 2021. – 576 с.
75. Муродӣ, М. Б. Воқеияти замон ва публитсистикаи тоҷик. – Душанбе: Аржанг, 2022. – 304 с.
76. Мусулмонқулов, Р. Назарияи ҷинсҳо ва жанрҳои адабӣ / Р. Мусулмонқулов. – Душанбе: Маориф, 1988. – 88 с.
77. Мусулмониён, Р. Назарияи адабиёт / Р. Мусулмониён. – Душанбе: Маориф, 1990. – 334 с.
78. Набиев, А. Эҷоди бадеӣ, инсон ва замон (Маҷмуаи мақолаҳо) / А. Набиев. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 144 с.
79. Набиев, А. Олами ботинии инсон, нависанда ва замон / А. Набиев. – Душанбе, 1987. – 159 с.
80. Нуралиев, А. Журналистикаи советии тоҷик / А. Нуралиев., А. Саъдуллоев., И. Усмонов., У. Гулмуродов. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.

81. Нуралиев, А. Развитие информационных жанров журналистики в открытом обществе / А. Нуралиев // Актуальные проблемы журналистики. Сбор. науч. статей. – Душанбе, 2013. – С. 34-39
82. Охунзода Н. Образи Пешвои миллат дар публицистикаи китобӣ / Н. Охунзода. – Душанбе: Аржанг, 2021. – 254 с.
83. Очерк истории таджикской советской литературы. – М.: Изд. Н СССР, 1961. – 478 с.
84. Очерки таърихи адабиёти советии тоҷик (Қисми 1). Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1956. – 312 с.
85. Очерки таърихи адабиёти советии тоҷик (Қисми 2). Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1957. – 521 с.
86. Писатели Таджикистана. Краткие биографические справки, 4-е издание, исправленное и дополненное. – Душанбе: Ирфон, 1986. – С. 417- 418.
87. Пронин, Е. И. Выразительные средства журналистики / Е. И. Пронин. – Москва, 1980. – 180 с.
88. Прохоров, Е. П. Публицист и действительность / Е. П. Прохоров М.: Изд. МГУ им. М. В. Ломоносова. – 1973. – 318 с.
89. Прохоров, Е. П. Искусство публицистики: Размышление и разборы / Е. П. Прохоров. – М.: Советский писатель, 1984. – 359 с.
90. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров. – М.: Изд-во Московского университета, 2005. – 368 с.
91. Публицистика ва баъзе масъалаҳои он: маҷмуаи мақолаҳои конференсияи ҷумҳуриявӣ илмию амалӣ.–Душанбе: ДМТ, 2023. – 188 с.
92. Радов, Г. Что может публицистика? / Г. Радов // Новый мир. – 1971. – № 4. – С. 215-224.
93. Разумный, В. А., Боженова, А. А. Художественный образ / В. А. Разумный, А. А. Боженова. – М.: Госполитиздат, 1986. – 146 с.
94. Раҳмонов, Ш. Таҳқиқ ва нақд / Ш. Раҳмонов. – Душанбе: Адиб, 2005. – 258 с.

95. Раҳмонова, Ҷ. Воқеият ва публицистикаи Мутеулло Начмиддинов / Ҷ. Раҳмонова. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 64 с.
96. Рубашкин, Р. Александр Илья Эренбург / Р. Рубашкин. – Ленинград: Советский писатель, 1990. – 528 с.
97. Садуллаев, А. Эссе (Размышления о некоторых аспектах жанра и его эволюции) / А. Садуллаев. – Душанбе, 2010. – 120 с.
98. Садуллаев, А., Аминов, А. Очерк: генезис, развитие и современное состояние / А. Садуллаев, А. Аминов. – Душанбе: Ирфон, 2012. – 216 с.
99. Салихов, Н. Н. Публицистика и миростроительство в Таджикистане / Н. Н. Салихов. – Душанбе: РТСУ, 2006. – 51 с.
100. Сатторзаде, А. Дар бораи таносуби худшиносии динӣ ва миллӣ дар ҷомеаи тоҷик / А. Сатторзаде // Истиқорои боварӣ миёни исломиён ва дунявигароён-таҷрибаи тоҷикон. – Душанбе: «Деваштиҷ», 2004. – С. 106-118.
101. Саъдуллоев, А. Хосияти адабиёт (Бунёди пайванди каломи бадеъ бо иҷтимоъ) / А. Саъдуллоев. – Душанб: Адиб, 2000. – 256 с.
102. Саъдуллоев, А. Ҳамосаи инсонӣ кор / А. Саъдуллоев., П.Гулмуродзаде. – Душанбе, 1995. – 64 с.
103. Солганик, Г. Я. Язык современной публицистики / Г. Я. Солганик. – Сб. статей. 2-е изд, испр. – М, 2007. – 232 с
104. Солеҳов, Н. Муаммои назарияи публицистика (маводи дарсӣ) / Н. Солеҳов., А. Саъдуллоев. – Душанбе: Дақиқӣ, 2015. – 184 с.
105. Табаров, С. Ҳаёт, адабиёт ва реализм (Китоби чорум) / С. Табаров. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 400 с.
106. Табаров, С. Методи таҳлили асари бадеӣ / С. Табаров. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 146 с.
107. Толкунов, Л. Мысль публициста / Л. Толкунов // Уроки Аграновского. – Москва: Известия, 1986. – С.16-35
108. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати. Учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Тертычный. 3-е изд. Испр. И доп. – Москва: Аспект Пресс, 2006. – 320 с.

109. Усмонов, И. К. Мулоҳизаҳо доир ба очеркҳои матбуот / И. К. Усмонов // Садои Шарқ. – 1979. – №6. – С. 141-146.
110. Усмонов, И. Инсони инсоншинос / И. Усмонов // Садои Шарқ. – 1985. – №2. – С. 129-130.
111. Усмонов, И. К. Масълаҳои очерки муосир / И. К. Усмонов // Садои Шарқ. – 1986. – №4. – С. 108-112.
112. Усмонов, И. Назарияи публицистика / И. Усмонов. – Душанбе, 1999. – 100 с.
113. Усмонов, И. К. Журналистика (Қисми 3) / И. К. Усмонов. – Душанбе, 2008. – 448 с.
114. Усмонов, И. Жанрҳои публицистика / И. Усмонов. – Душанбе, 2009. – 139 с.
115. Усмонова, Н. Оҳанги публицистии романи Чумъа Одина «Гузашти айём» / Н. Усмонова. – Душанбе: Ирфон, 2012. – 144 с.
116. Учёнова, В. В. Исторические истоки современной публицистики / В. В. Учёнова. – М.: Изд. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1972. – 75 с.
117. Ученова, В. В. Творческие горизонты журналистики / В. В. Ученова. – Москва: МГУ, 1976. – 204 с.
118. Ёлмасова, З. Тадқиқи бадеии воқеияти таърихӣ / З. Ёлмасова // Садои Шарқ. – 2010. – №3. – С.135-142.
119. Фароқонӣ, М. М. Усули гузориши матбуотӣ / М. М. Фароқонӣ. – Техрон: Муассисаи кайҳон, 1324. – 184 с.
120. Фасоӣ, М. Р. Анвои насри форсӣ / М. Р. Фасоӣ. – Техрон: Созмони мутолиа ва тадвиникитоби улуми инсонии донишгоҳҳо, 1380. – 636 с.
121. Хайдорн, Н. Политический образ как репрезентант политической ситуации в газете: его формирование и эволюция / Н. Хайдорн // Журналист Пресса. Аудитория. – Ленинград: Издательства Ленинградского Университета, 1991. – С. 97-105.
122. Храпченко, М. Б. Размышления о системном анализе литературы // М. Б. Храпченко // Вопросы литературы. – 1975. – №3. – С. 31-39.

123. Храпченко, М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы / М. Б. Храпченко. – М.: Советский писатель, 1975. – 408 с.

124. Ҳайдаров С. Б. Ғафуров публицист ва рӯзноманигор / С. Ҳайдаров // Академик Бобочон Ғафуров. – Душанбе, 1998. – С.417-441.

125. Ҳикояҳои оқанда аз ҳаёт. Даҳ ҳикоят аз зиндагии устод Муҳаммадҷон Шакурии Бухорӣ. – Душанбе: Паёми ошно, 2014. – 140 с.

126. Ҳодизаде, Р. Фарҳанги истилоҳоти адабиётшиносӣ / Р. Ҳодизаде, М. Шукуров, Т. Абдучабборов. – Душанбе: Ирфон, 1966. – 76 с.

127. Черепанов, М. С. О приметах газетных жанров / М. С. Черепанов // Вестник Московского Университета. – 1959. - № 1. – С. 57-69.

128. Черепанов, М. С. Проблемы теории публицистика / М. С. Черепанов. – Москва: Издательства «Мысль», 1973. – 271 с.

129. Черепанов, М. С. Тайнство мастерство публициста / М. С. Черепанов. – М.: Мысл, 1984. – 150 с.

130. Чернишевский, Н. Г. Полн. собр. Соч. в 15-и томах, т. 2 / Н. Г. Чернишевский. – М.: Советский писатель, 1967. – 548 с.

131. Шамси Қайси Розӣ. Ал-муъҷам / Шамси Қайси Розӣ. – Душанбе: Адиб, 1991. – 464 с.

132. Шариатпаноҳӣ, Ҳ. Мусоҳибаи матбуотӣ / Ҳ. Шариатпаноҳӣ // Рӯзноманигории хирфай. – Техрон: Вазорати фарҳанг ва иршоди исломӣ, маркази мутолиот ва таҳқиқоти расонаҳо, 1378. – С. 156-164.

133. Шарифов С. И. Место очерка в публицистике Бахтиёра Муртазо (Монография). – Душанбе: Ирфон, 2021. – 200 с.

134. Шукуров, М. Анъанаи ёддоштнависиҳои классикӣ дар «Ёддоштҳо»-и устод Айнӣ / М. Шукуров. Анъана, халқият ва маҳорат. – Душанбе: нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1964. – С. 7-37.

135. Шукуров, М. Аввалин асари таърихии тарҷумаҳои дар драматургияи тоҷик / М. Шукуров. Анъана, халқият ва маҳорат. – Душанбе: нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1964. – С.141-161.

136. Шукуров, М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад / М. Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 159 с.
137. Шукуров, М. Паҳлуҳои тадқиқи бадеӣ / М. Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 271 с.
138. Шукуров, М. Бо дили шуълавару сухани бурро / М. Шукуров // Садои Шарқ. – 1980. – № 11. – С. 8-17.
139. Шукуров, М. Пайванди замонҳо ва халқҳо (Маҷмӯаи мақолаҳо) / М. Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 224 с.
140. Шукуров, М. Тадқиқи бадеӣ ва ҷанбаи публицистӣ / М. Шукуров. Мактаби одамият. – Душанбе: Адиб, 1991. – С. 73-91.
141. Шукуров, М. Баъзе масъалаҳои адабиёт ва маънавиёт / М. Шукуров // Мактаби одамият. – Душанбе: Адиб, 1991. – С.73-91.
142. Шукуров, М. Забони миллӣ ба сари худ арзиш дорад / М. Шукуров // Дарси ҳештаншиносӣ. Дафтари дуҷум. – Душанбе: Ирфон, 1991. – С. 248-254.
143. Цуканов, С. Б. Эффективность прессы / С. Б. Цуканов // Журналист. Аудитория. Читатель. – Москва, 1986. – С. 158-165.
144. Якушин, Н. Живой голос эпохи / Н. Якушин // Публицисты «Современника». Сост. выступит. стат. библиографич. очерки и примеч. Н. И. Якушин. – Москва: Детская литература, 1985. – С. 3-41.
145. Ярхо, Б. И. Методология точного литературоведения / Б. И. Ярхо // Контекст. – 1983. Литературно критические исследование. – Москва, 1984. – С. 118-211.

Диссертации

А. На русском языке:

146. Махкамова, Д.Ю. Отображение политического противостояния и миротворческого процесса в книжной публицистике Таджикистана: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Махкамова Дилором Юнусовна. – Душанбе, 2012. – 160 с.

147. Муродов, М. Б. Публицистическая сатира в таджикской периодической печати (проблемы истории, теории и практики): дис. д-ра.филог. наук: 10.01.10 / М. Б. Муродов. – Душанбе, 2009. – 329 с.

148. Салихов, Н.Н. Проблемы формирования общественного сознания в таджикской публицистике периода государственного суверенитета: дис. ... д-ра. филог. наук: 10.01.10 / Салихов Нурали Назарович. – Душанбе, 2010. – 349 с.

149. Шарипов С. Место очерка в публицистике Бахтиёра Муртазо: дис. ... канд. филог. наук: 10.01.10 / С. Шарифов.– Душанбе, 2018. – 178 с.

Б. На таджикском языке:

150. Гулов, С. Н. Бадеият дар очерки муосири тоҷик (солҳои 80-90): дис. номз. илм. филологӣ: 10. 01. 10. / С. Гулов. – Душанбе, 1997. – 153 с.

151. Зарипова Ш. Хусусиятҳои мундариҷавӣ ва шакли публитсистикаи Ҳилолиён Аскар: дис. номз. илм. филолог: 10.01.10 / Ш. Зарипова.– Душанбе, 2022.–187.

152. Кўчарова, Н. А. Хусусиятҳои жанри ва услубии публитсистикаи Абдулҳамид Самад: дис. номз. илм. филолог: 10.01.10 / Н. Кўчарова Аламхоновна. – Душанбе, 2012. – 160 с.

153. Қудбудинов, А. Ҳ. Публитсистикаи Мирсаид Миршакар: дис.номз.илм.филол. 10.01.10 / А. Қудбудинов. – Душанбе, 2004. – 158 с.

154. Муродов, М. Б. Ташаккули жанри тақризи адаби дар матбуоти даврии тоҷики солҳои 1920-1930: дис. номз. илм. филологӣ: 10.01.10 / М. Муродов. – Душанбе, 1996. – 139 с.

155. Олимова, Х. Ҳақиқати воқеӣ ва бадеӣ дар «Наводир-ул-вақоъ»-и Аҳмади Дониш: дис.номз.илм.филол.: 10.01.03 / Х. Олимова. – Душанбе, 2007. – 171 с.

156. Охунзода Н. Симои пешвои миллат дар публитсистикаи китобӣ дис.номз.илм.филол.:10.01.10 / Н. Охунзода. – Душанбе, 219. – 222 с.

157. Раҳмонова Ҷ. Воқеият ва публицистикаи Мутеулло Начмиддинов дис. ... дис. номз. илм. филол.: 10.01.10 / Ҷ. Раҳмонова. – Душанбе, 2010. – 164 с.

158. Салимзода М. Хусусиятҳои мундариҷавию жанрии публицистикаи Тоҷӣ Усмон: дис. номз. илм. филол.: 10.01.10 / М. Салимзаде. – Душанбе, 2020. – 172 с.

159. Сафарзода Э. Масъалаҳои ҳувияти миллӣ дар публицистикаи Садриддин Айнӣ: дис. номз. илм. филол.: 10.01.10 / Э. Сафарзаде. – Душанбе, 2019. – 185 с.

160. Саъдуллоев, А. Мавзуи ҳозиразамон ва проблемаҳои инкишофи публицистикаи советии тоҷик (Дар мисоли эҷодиёти М. Турсунзаде): дис. номз. илм. филол.: 10.01.03 / А. Саъдуллоев. – Душанбе, 1976. – 178 с.

161. Саъдуллоев, А. Таҳаввул ва инкишофи жанрҳои насри мустанадӣ муосири тоҷик (солҳои 60-80): дис. док. илм. филол.: 10.01.03 / А. Саъдуллоев. – Душанбе, 1996. – 333 с.

162. Усмонова, Н. Ҳақиқати таърихӣ ва оҳанги публицистии романи Ҷумъа Одина «Гузашти айём»: дис. номз. илм. филол.: 10.01.10 / Н. Усмонова. – Душанбе, 2012. – 161 с.

163. Ҳайдаров, С. Б. Бобочон Ғафуров – публицист: дис. ... дис. номз. илм. филол.: 10.01.03 / С. Ҳайдаров. – Душанбе, 1998. – 156 с.

164. Шоев, М. Хусусиятҳои жанрию мавзуии очеркҳои Фазлиддин Муҳаммадиев: дис. номз. илм. филол.: 10.01.03 / М. Шоев. – Душанбе, 2003. – 165 с.

Источники

165. Бухорӣ, М. Ш. Ҷаҳоне якзабон натвон шуд аз ҳаррангдониҳо / М. Ш. Бухорӣ // Ҷумҳурият. – 1997. – 5 июл.

166. Бухорӣ, М. Ш. Қонуни забон ва давлати миллӣ / М. Ш. Бухорӣ. Инсонгарии омӯзиш ва ҷанбаи миллӣ. – Душанбе, 2002. – С. 108-122.

167. Бухорӣ, М. Ш. Садрӣ Бухоро / М. Ш. Бухорӣ. – Душанбе, Деваштич, 2005. – 330 с.

168. Бухорӣ, М. Ш. Хуросон аст ин ҷо: маънавият, забон ва эҳёи миллии тоҷикон / М. Ш. Бухорӣ. – Душанбе, 2009. – 578 с.
169. Бухорӣ, М. Ш. Пантуркизм ва сарнавишти таърихии халқи тоҷик / М. Ш. Бухорӣ. – Душанбе: Адиб, 2012. – 304 с.
170. Мукотиботи устод Шакурӣ. – Душанбе: Дониш, 2015 – 616 с.
171. Об агар садпора гардад боз бо ҳам ошноост. Гуфтугӯ бо устод Муҳаммадҷон Шукуров / Килк. – Обон ва озари 1371, шумораи 32-33. – С. 132-140.
172. Шакурӣ, М. Истиқлол ва худшиносии иҷтимоиву маънавӣ / М. Шакурӣ. – Душанбе, 1999. – 160 с.
173. Шакурӣ, М. Забони миллии ва ҷаҳонгаройӣ (Маҷмӯаи мақолаҳо) / М. Шакурӣ. – Душанбе: Шучоён, 2010. – 220 с.
174. Шукуров, М. Фарзанди содиқ / М. Шакурӣ // Тоҷикистони советӣ. – 1980. – 4 май.
175. Шукуров, М. Адабиёт ва фалсафаи ҳастӣ / М. Шакурӣ // Садои Шарқ. – 1986. – №3. – С. 103-114.
176. Шарифзода, Қ. Дар ҷустуҷӯи шахсият / Қ. Шарифзода. – Душанбе: Ирфон, 2017. – 192 с.
177. Шарифзода, Қ., Гулмуродзода П. Айнӣ пешвои маънавии тоҷикон аст / Қ. Шарифзода, П. Гулмуродзода // Ҷомеа. – 2008. – 10 апрел. – №7 (52).